

«НОВЫЙ ГЛАГОЛЬ»
литературный альманах
№ 1 — Париж, 2023 год

Ответственный редактор:
Александр Рыбкин

Члены редколлегии:
Владимир Алексеев, Ирина Алексеева,
Елена Улиссова-Пианко, Анна Нелидова,
Людмила Маршезан, Татьяна Моженок-Нинэн,
Татьяна Жоброн, Светлана Эллиот

Художественный редактор:
Владимир Купцов

Фотограф:
Борис Гессель

Иллюстрации:
Галина Конопицкая-Бларэ

Обложка:
Владимир Купцов
Пирамиды Лувра. Фото
Георгий Шишкин
Портрет Марины Цветаевой

© 2023 Ассоциация «Глаголь»
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten
ISBN 978-3-910935-04-4
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Рыбкин	В добрый путь, «Новый Глаголь»!	5
------------------	---------------------------------	---

В ЖАНРЕ РАССКАЗА

Галина Бларэ	Юрка	9
Галина Дрюон	Девочка, хочешь сниматься в кино?	14
Татьяна Гармаш-Роффе	Литературный негр	30
Юлия Заборовская	Безликая Лика	43
Татьяна Ивлева	Элоиза	60
Роман Камбург	Зеркало	84
Александра Люмэль	Термометр	91
Елена Улиссова-Пианко	Кариатиды	95
Владимир Чернин	Бобик, Котик и Франкуша	108
А. К.	Чуча	120

ПОЭЗИЯ

Ольга Галат	Вместо биографии	145
Владимир Гудаков	Коронавирус в Париже	153
Ольга Дробышевская	Цветком сиреневых желаний	157
Виктория Канаева	Берберка из Такруны	162
Людмила Маршезан	Марине Цветаевой	170
Анна Нелидова	Взлет	175
Лиза Павлова	Ребус октября, или Немного этимологии	180

ЭССЕ. К 130-ЛЕТИЮ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Владимир Гудаков	Цветаеву нельзя читать, а можно только познавать	187
Людмила Маршезан	Нормандия. По следам Марины Цветаевой	191
Татьяна Моженок-Нинэн	Русские страницы Латинского квартала	208
Тамара Моженок	Марина Цветаева. Признание в любви	221
Павел Полян	Мандельштам в Париже	224

МЕМОАРЫ

Владимир Алексеев	Письма из Парижа	231
Виктор Востриков	Контрреволюционер	249
Владимир Ноговский	«Человеческое в человеке» (о художнике Г. Шишкине)	258
Ирина Ченакал	Алла и Диор	265
Екатерина Эткинд	Мои встречи с Владимиром Загребой	269

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Виктория Коган	«Пионерки»: из Российской Империи в Париж	275
Наталья Лейбина	15-летие Ассоциации В. Поленова	286
Лела Мигиров	Потерянные станции любви	292
Татьяна Моженков-Нинэн	Илья Репин в Париже	296
Елена Черемных	Маки Клода Моне	306
Николай Энделгор	По следам Мстислава Добужинского в Париже	308

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Амината Аленская	Рыцарь духа и проповедник музыки	327
Светлана Эллиот	Из истории создания оперы «Евгений Онегин»: переплетение личного и творческого в жизни Чайковского	332
Флориан Вутев	Об опере «Евгений Онегин» Чайковского и романе Пушкина	336
Елена Улиссова-Пианко	Интервью с Флорианом Вутевым	339

Александр РЫБКИН

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, «НОВЫЙ ГЛАГОЛЬ»!

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!

И. С. Тургенев, 1882 г.

Дорогие читатели!

Наш литературный альманах «Новый Глаголь» даёт возможность вступить в диалог по-русски с русскоязычным читателем. А «новый» он потому, что наша концепция отличается от прежней. По традиции известных парижских альманахов мы публикуем авторов, проживающих во Франции и в ближнем зарубежье. Только некоторые страницы предоставлены друзьям из других стран.

Знаменитые пирамиды на обложке альманаха не случайны. В переводе с древнегреческого «пир» означает огонь. Платон видел в пирамиде символ огня, что часто рассматривается как метафора прозрения и духовного просветления.

«Новый Глаголь» использует символ пирамид в этих же целях, выбирая произведения, проникающие в сердца.

Альманах издан благодаря финансовой поддержке Натальи Коган, Елены Улиссовой-Пианко и Владимира Алексеева.

Приятного вам чтения!

В ЖАНРЕ РАССКАЗА

Галина БЛАРЭ

Выросла в Калининграде, бывшем Кёнигсберге. Образование высшее. С 2007 года живёт во Франции. Рисовала портреты на площади Помпиду в Париже. Выпустила книгу рассказов под названием «Привет». Играет и поёт во французском театре оперетты. Член театральной лаборатории Олега Мокшанова. Иллюстрирует парижские периодические издания.

ЮРКА

У нас на Помпиду появился необыкновенный итальянский мальчик, артист балета. Невысокого роста, атлетического сложения, с прекрасно наработанными мышцами, с чёрными волнистыми волосами до плеч, с сияющими глазами, лет восемнадцати. Сначала он стал раскладывать на ткани какие-то книжицы, корзину, античный кувшин, потом познакомился с окружающими, в частности со мной, и когда я услышала, что имя у него Юра, спросила про его корни. Оказалось, что русских в семье нет, но язык он немножко знает, поскольку шесть лет назад стажировался в Новосибирске и участвовал в конкурсе артистов балета.

Он стал приходить каждый день, порой ожидая окончания выступления других музыкантов, начинал со снятия

одежды и облачения в тряпье вокруг талии, затем надевал чулок, становился босой ногой с подогнутыми внутрь пальцами на булыжники (у него была лишь одна балетная туфля), и народ уже окружал его, пытаясь понять, что будет. Он закуривал, растягивался на шпагат и прикладывался к мостовой со всех сторон своего корпуса, потом вставал, тянул одну ногу вертикально вверх (другая оставалась опорой), затем налаживал музыкальную часть — мобильник плюс усилитель через блютуз, подымался на столбик из тех, что окружают парви центра Помпиду, и с сигареткой во рту, с кувшином на голове или корзиной под мышкой (в зависимости от образа), вытворял с телом всё, что можно, порой рискуя сорваться.

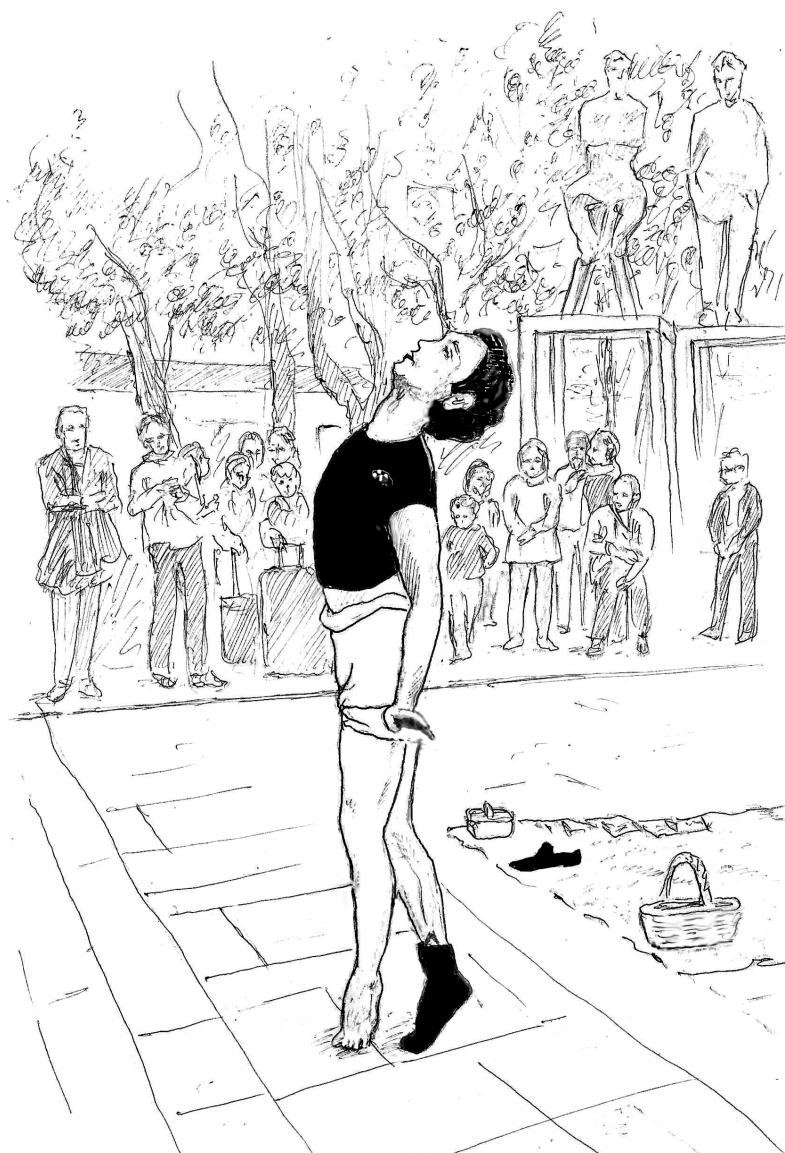
Народ собирался. Усилитель был слабый, и чтобы его поддержать, Юрка запевал сам. Лучше бы он этого не делал, так как не попадал ни в одну ноту, но кричал громко. Монеты падали скудно, как впрочем и всем другим уличным артистам в этом году. Иногда он спускался и импровизировал на музыку Чайковского «Лебединое озеро». Умирал он в качестве лебедя классно — не вперед трепещущими руками-крыльями, как Плисецкая в балете Сен-Санса, а откинувшись полностью назад. Народ хлопал и расходился, а я кричала «браво», потому что танцевал он совершенно и на пределе. Я считала его фуге, их было 32!

Через пару дней он меня приветствовал: «Галина Уланова», а я его: «Привет, Барышников». Видимо, завязалась какая-то симпатия, потому что он принёс вдруг мне подарок — хороший рисунок тушью какого-то персонажа.

— Спасибо, — удивилась я. Он ушел, но появился его товарищ, танцор театра оперы и балета с грустными глазами.

— Отдайте этот рисунок, пожалуйста. Это мой, и я должен его вернуть. Юрий любит делать подарки.

— А, понятно.

Катились дни. То ли из-за жары, то ли из-за «жёлтых жилетов», то ли из-за сгоревшего Нотр-Дама, то ли из-за непрочного бюджета, туристов было немного. Мы, художники, почти не рисовали, Юрке же почти ничего не подбрасывали. А работал он на совесть. Облачался в новые лёгкие, эффектные ткани, рисовал красивые глаза для новых образов, менял музыку и импровизировал.

Я спросила, где он собирается выступить в дальнейшем.

— То ли в Берлине, то ли в Вене, пока точно не знаю.

— А есть ли контракт?

— Да, но весной, в Праге.

— А где ты работал до сих пор?

— В ресторане. Я приглашу вас потом ко мне домой.

— Да-да.

Он, кажется, всех принимал за своих, готов был любого человека обнимать и говорить, не слушая. Мне захотелось также сделать ему приятное, и вскоре я принесла мой распечатанный рисунок с ещё прежним, не сгоревшим Нотр-Дамом.

Каково же было моё изумление, когда я увидела Юрку абсолютно лысым!

— Что с тобой?

— У меня кастинг через четыре дня в опере на роль Рамзеса III.

— Поздравляю!

Я стала дарить ему фото, но ему на это было наплевать. Он сказал, что надо подписать, и смылся. Я выполнила его просьбу, но Юрка исчез на несколько часов, и когда внезапно появился, подошёл ко мне и вручил фанерку с выжженным, наивным рисунком кораблика:

— Это я сам сделал!

Вид у него был крайне взволнованный, даже страдающий.

— Юрка, что случилось?

Хлынули крупные слёзы, вытирая их кулаками, он сбивчиво начал объяснять на французско-русском, что Они

только говорят, что Они друзья, но это не правда, Они не дают ему танцевать, Они предатели! «Моя биологическая мать, моя биологическая мать...» Я сначала не понимала, но всё же вскоре выяснилось, что его дядя, проживающий в Париже, следит за ним. Он отобрал у племянника мобильник с музыкой, а когда принёс через три часа, то тот был уже разгружен. Как теперь танцевать?

— Юрка, ты станцуешь и так, потому что ты великолепен и лучше всех!

— Да, музыка внутри меня!

Он обнял меня и ушёл.

На другой день появился сияющий Юрка с подарком от дядюшки. Это были новые розовые пуанты.

— Сегодня смотрите, я буду танцевать для вас.

Мы были вдвоём с приятельницей, и остались вместе наслаждаться небывалым, восхитительным танцем на пуантах юноши в полувоздушной накидке трепещущего трагического лебеда. Он работал только для нас. По случаю небывалой жары в 43 С° народ проходил, не оглядываясь. Мы же не могли уйти от танцующего на бетонной полосе, без булыжников, мальчика. Я сияла счастливой улыбкой, какая возникает при встрече с истинным талантом, а может, вундеркиндом, а может, и гением.

— Как вам моя импровизация? Какие у меня были руки?

— Всё совершенно! Нельзя танцевать лучше, чем ты, Юрка! Ты — самый лучший!

— Спасибо. Я уезжаю на три дня в Италию. А потом будет кастинг.

Он чмокнул нас и снова пошёл танцевать, невзирая на безжалостный зной.

Больше я его не видела. Не знаю, что с ним теперь. Он восхитил бы весь мир, этот взбалмошный юноша с душой десятилетнего ребёнка.

Галина ДРЮОН

Родилась в Бурятии. Училась в Москве. С 1997 года живёт в Париже. Президент Европейской ассоциации ГРАЛ-ТАН. С 2002 года проводит во Франции ежегодные фестивали «Все краски России», привозит во Францию этнические коллективы, чтобы знакомить зарубежную общественность с богатством культур многонациональной России. Награждена Почётной грамотой Правительственной комиссии МИДа России за работу по укреплению культурных связей между Россией и Францией. Член Ассамблеи народов Евразии. Директор международного фестиваля «Краски Евразии».

ДЕВОЧКА, ХОЧЕШЬ СНИМАТЬСЯ В КИНО?

Парк, в котором мы гуляли каждый день, был расположен совсем рядом с нашим домом. Роскошный, старинный, со столетними дубами, клёнами, разнообразными кустами, резными мостиками и клумбами. Посредине парка лежал огромный камень-валун, почти до блеска отполированный детьми, которые взапуски бегали по нему. На камне были выбиты названия разных городов мира, и я с интересом читала их, не задумываясь, кто же это сделал.

И именно здесь в парке началось наше счастливое знакомство с Софи, когда она произнесла свою фразу: «Девочка, ты хочешь сниматься в кино?». Но расскажу все по порядку.

В то замечательное утро мы собрались, как обычно, погулять, и моя шестилетняя дочка Таня, будто предчувствуя, что сегодня произойдет что-то необычное, долго перебирала свои немудреные платица. Наконец она выбрала красное с обожаемой ею разлетающейся юбкой и теперь весело бегала по дорожке в попытках догнать большую разноцветную бабочку. Вправо-влево, вправо-влево, согласно быстрым движениям качалась юбочка. Таня подпрыгивала легко и невесомо, иногда даже чуть зависая в воздухе, как учили её в танцевальной студии.

Гуляющих в этот утренний час было немного. Вот появилась небольшая группа людей. Они медленно шли по направлению к красивому зданию в глубине парка. Остановились неподалеку от нас, оживленно обсуждая что-то. Одна женщина заметила Таню и засмотрелась на ее грациозные прыжки. Она даже присела на краешек соседней со мной скамейки, смотрела с неподдельным интересом. Наконец встала и громко сказала: «Девочка, ты хочешь сниматься в кино?»

О, эта волшебная фраза, на которую восторженно реагируют все девочки мира!.. Я поднялась со скамейки. Женщина быстро повернула лицо ко мне и с детской непосредственностью протянула руку.

— Софи, — она улыбнулась. Ясные синие глаза, светлая улыбка. Подбежала дочка, радостно вмешалась, уточняя неожиданную новость: «Мама, меня будут снимать в кино?!»

Я разглядывала женщину. Тоненькая, в шелковой юбке с рисунком в мелкий цветочек, называемым «мильфлер», то есть «тысяча цветов», красивыми волнами спадающей вниз, в облегающей фигуру кофточке и прозрачным шарфиком на шее — она была субтильна и вся как бы

из другого мира. Впрочем почему «как бы» — она и оказалась из другого мира!.. Француженка по происхождению, она родилась в Болгарии, куда судьба забросила ее родителей в самый разгар второй мировой. Они бежали от войны, уберегая будущего ребенка, который вот-вот должен был появиться. Ребенок, девочка, и явилась на свет, едва они добрались до столицы Болгарии. Понятно, почему дочку назвали — Софи.

Все это она рассказала мне гораздо позднее, а сейчас с той же непосредственностью пригласила нас в красивое здание с колоннами в глубине парка.

— Пойдемте в киностудию! — она махнула рукой так запросто, словно приглашала в свой родной дом. Софи в силу своего темперамента чувствовала себя, как дома, везде, куда бы ни заносила ее жизнь.

— Киностудия? — переспросила я, показывая на здание. — Это киностудия?

Софи изумилась:

— Как, не знаете? Живете рядышком...

Но я действительно не знала про киностудию, и мне осталось только развести руками:

— Что ж... еще Пушкин Александр Сергеевич говорил: «Мы ленивы и нелюбопытны...».

— А я вот как раз очень любопытна! — воскликнула она и рассмеялась звонко, даже голову запрокинула. — Идемте, идемте!..

Мы вошли в киностудию. У меня рот открылся сам собой. Огромный зал, уютно обставленный, раскинулся перед глазами. И с порога чудесный запах свежее испеченного хлеба ударил в нос... Я огляделась. Стены и потолок были обклеены обыкновенными коробками-ячейками для яиц. И это создавало такой необычный оригинальный рисунок! На стенах висели разноцветные дипломы, небольшие куклы в костюмах народов мира, экзотичные картинки, много сувениров.

Через всю стену висел экран, а над ним огромными буквами плакат: «НАДО НЕ КУДАХТАТЬ, А ЯЙЦА НЕСТИ!» — лозунг бил, потрясал своей грубоватостью. Софи, увидев мою реакцию, сказала весело: «Когда я в первый раз пришла сюда, тоже удивилась не меньше вашего!».

Все уже рассаживались за длинным, через всю студию, столом, на нем кипел пузатый самовар, а жареные баранки висели, да-да, висели на белой проволоке над столом и распространяли по всему залу невообразимо вкусный запах.

Кто-то позвал громко: «Рэм»! И откуда-то из глубин зала Рэм выкатился, не вышел, а буквально выкатился, как колобок!.. Круглым было все: нос, по-детски румяные щеки, живот, словно футбольный мяч. Веселый человек предстал перед нами, брызжа таким задором, что показалось: сейчас запрыгает, как жеребенок, выпущенный из стойла. Полное было такое ощущение. В тот день я увидела столько интересного и яркого, что почти сразу влюбилась в киностудию. В этом красивом здании Дворца культуры Рэм Юстинов, один из самых первых в стране подвижников любительского кино, собрал ярославских подростков и научил их снимать кино.

После чая с баранками нас всех усадили в кресла, именно кресла!.. В зрительном зале стояли не стулья, но уютные кресла, и мы, почти полулежа, задрав головы, стали смотреть кино.

Фильм назывался «Люди большого сердца». О том, как спасли паренька десяти лет, подорвавшегося на бомбе. Он получил страшные ожоги. И хирург по радио обратился за помощью к людям Ярославля. Голос диктора по радио звучал напряженно и взволнованно: «Ребёнок попал в беду!.. Он обгорел весь! Единственная возможность спасти ребенка — срочно шить из человеческой кожи одеяло, которым можно накрыть тело. Нужна кожа людей с аналогичной

группой крови мальчика». Город откликнулся! Перед больницей выстроилась очередь, больше двухсот ярославцев приехали сюда. Рэм, конечно, был в той очереди вместе со своими коллегами. Выбирали по группе крови. Выбрали всего семнадцать человек. Но Рэм после сдачи крови и кожи добился разрешения снимать на камеру все операции. День за днем, месяц за месяцем Рэм снимал, как мальчик учился сидеть, ходить, как он впервые улыбнулся...

Забегая по времени далеко вперед, скажу, что спустя тридцать лет на юбилее этой больницы постаревшие герои фильма со слезами смотрели на себя, запечатлённых на экране совсем молодыми... И вместе с ними в этом зале утирал слезы спасенный этими сильными красивыми людьми тот самый мальчик, уже давно взрослый... Счастливый мальчик, которому они подарили жизнь... А в тот год фильм стал ярким событием, прославив Рэма Юстинова на всю страну, а позднее — и на весь мир. Судьба фильма оказалась счастливой, фильм показали самому Хрущеву, и тот пришел в восхищение — на этой чёрно-белой ленте отражено величие души русского человека, и пусть весь мир увидит это!.. Фильм перевели на 17 языков, показывали по всему миру, а Рэм Юстинов получил Гран-при международного кинофестиваля документальных фильмов в Канаде, в Монреале. Полный триумф!..

Мы медленно вставали с кресел, потрясенные... Рэм, довольный произведенным впечатлением, весь сотканный из шуток, тонкой иронии и других интонаций, повел нас на экскурсию по своей киностудии: гордо показывая свое богатство: съёмочный павильон, проявочные машины, тогда видео еще не было и всё снимали на киноплёнку, сами проявляли. Рэм показывал копировальные станки и целую сотню кинокамер — очень гордо! ведь начал он с нуля, пустого места. Сам делал ремонт, лично укладывал плитку и клеивал стены, сам с боем доставал

мебель и те самые уютные кресла для зрителей в просмотровый зал. Везде его сопровождали верные ребяташки. С ними же Рэм и кино снимал.

— Он брал нас с улицы и научил нас здесь всему, — тихо прошептал кому-то парнишка за моей спиной.

За пятнадцать лет киностудия многим ребятам стала почти родным домом. Мальчишки снимали свои фильмы, монтировали днями и ночами, зато потом их ленты завоевывали призы на международных любительских кинофестивалях. Ребята сняли более пятисот фильмов!.. Их фильмы переводились на иностранные языки. И Рэм, разумеется, участвовал в каждом фильме. И учитель, и режиссер, и сценарист, и оператор, и консультант, и воспитатель — один во всех лицах!..

Киностудия ширилась фантазиями и выдумками Рэма. Он придумал показывать лучшие фильмы лучших режиссеров мира, и теперь здесь можно было не только учиться снимать кино, но и смотреть умные фильмы. Или даже организовать концерт — студия стала культурным островком в городе.

— Встречаемся у Рэма! — говорили друг другу ярославцы. В гостях у Рэма, можно было, не стесняясь, петь, читать свои стихи, каждый находил тут поддержку. Поэтому, придя один раз, люди обязательно приходили еще. Их тянуло сюда, и люди вели за собой друзей, жен, детей. Так и приходили семьями и становились друзьями Большого Рэма — его все называли так, несмотря на его малюсенький рост. Он был для всех — Большой Рэм!

Фантазиям Рэма не было предела, и по его приглашению стали приезжать московские знаменитости. Здесь хрустели фирменными баранками Андрей Тарковский,

Людмила Гурченко, Инна Чурикова и Глеб Панфилов, Жанна Болотова и Николай Губенко, Андрон Кончаловский и Наталья Аринбасарова, и еще многие-многие, включая звезд мирового кинематографа, например, Анни Жирардо и Пьер Ришар...

Вот так приходишь в гости к Рэму и невзначай встречаешь знаменитую актрису или режиссера и запросто пьешь с ними душистый чай из пузатого самовара... Можете себе такое представить?..

...Экскурсия наша продолжалась. Его мир завлекал, заманивал, это был незнакомый другой мир, непривычный, но какой-то аппетитный, который хотелось тут же начать поглощать, а этот смешной человек незаметно вырастал до уровня великана, недостижимого и прекрасного. Я читала это в восторженных глазах людей, идущих рядом со мной. А Рэм показывал и рассказывал... О студии, о кино, о том, что нет бесталанных детей на свете — надо только помочь им открыть свой талант. Как это важно. Если каждый сделает что-то хорошее, мир станет радостней. Спешите творить добро.

Мы слушали Рэма, буквально открыв рты. Друзья, на свете нет красивее людей, которые свято верят в добро. Рэм умел находить нужное точное слово. Он весь светился!..

В тот период была популярна пьеса Розова «Спешите делать добро». Веяние времени, много говорили... слова, слова... А здесь в студии маленький круглый человек спокойно и тихо делал огромное дело. «Надо не кудахтать, а яйца нести!».

Наверное, поэтому во время «холодных войн» и закрытых границ именно к Рэму партийные деятели привозили зарубежные делегации, приезжавшие в Ярославль, и Рэм запросто принимал всех иностранцев в своей киностудии. Мир, чай, дружба!.. Баранки, самовар, кино!..

Конечно, Рэм завораживал их, его мир был завлекающим. Он показывал им свои чудесные фильмы. И вскоре самым естественным образом вышло, что к нему на стажировку попросился болгарин, кинооператор Ольеша. Приехал и... остался, жил прямо в киностудии, работал с Рэмом, снимал и был счастлив. Потом и другие. Приехали две девушки из Финляндии, из города Ювяскюля, и тоже попросились на стажировку.

Так и пошло. Англичане, американцы, немцы, стажеры, друзья...

Но ошибется тот, кто подумает, что дорога его была сплошь устлана розовыми розами. Рэм даже не представлял, сколько окажется у него врагов. Впрочем, так всегда и бывает. Стоит человеку добиться успеха, подняться над некой суетностью бытия, как начинает активизироваться всякая мелочная чернь... Завистникам невдомек, что успех достигается непрерывным трудом, упорством. Приходится многим жертвовать. Но, если ты человек, у которого есть идея, вера, силы, энергия — успех достигается!

Жизнь беспрестанно подкидывала Рэму очередную проверку на прочность — приходили разные комиссии, выискивали что-то... Мешала кому-то студия. Рэм уставал от прямой агрессии. Иногда хотелось в отчаянии махнуть рукой на всё, но — «стой, Рэм, а как же тогда твоя любимая киностудия?.. Фильмы?.. Твои ученики?.. Друзья?.. Нет-нет, совсем не для уныния вооружила тебя природа даром действия!.. Да, мир суров. Судьба испытывает тебя, Рэм, но помыслы твои чисты, и никто не сможет сбить тебя с пути. Главное в жизни — твое дело, твое кино, а остальное все суета. Ловля ветра».

Он был вынужден стать философом. И отвечал на ложь — терпением, а на злобу — прощением.

И продолжал удивлять своими фантастическими идеями. Именно Рэм Юстинов, этот неутомимый выдум-

щик, придумал Камень дружбы с городами-побратимами!.. А где они его откопали, этот многотонный каменный валун, и как они его потом приволокли в город — одному Богу известно... Но есть теперь в Ярославле Камень дружбы, на котором выбиты названия городов-побратимов Ярославля: финского Ювяскюля, немецкого Фрайбурга, американского Бюрлингтона, итальянского Палермо, французского Пуатье...

Вот мы и добрались наконец до нашей француженки — ведь Софи приехала в Ярославль из французского Пуатье!.. Приехала на стажировку к Рэму. Кстати, я успела заметить, что во время нашей экскурсии Софи смотрела на своего учителя с нескрываемым восторгом.

На следующий день мы с дочкой в назначенный час, согласно договору о съемках, пришли в студию. Софи обняла меня так эмоционально, словно мы давно не виделись, и расцеловала в обе щеки аж четыре раза!..

«Ого, какой темперамент!» — ошарашенно подумала я. Позже узнаю о французских поцелуйных церемониях при встрече, но тогда меня сразило столь порывистое проявление чувств. Таня первой забралась в кресло, мы с Софи тоже сели, и она стала объяснять задачу Тане. Сюжет был несложен для Тани, которая и должна была играть себя, шестилетнюю девочку. Атмосфера была очень дружелюбной. Мы довольно быстро обсудили предстоящую съемку. Но замечательно любопытны и увлекательны оказались сборы. Мы наблюдали, как ребята складывают в автобус технику и прочие атрибуты съемки. Деловито сновали они туда-обратно, передавая команды друг дружке. Наконец все уложили, проверили, и вот уже дети с радостными возгласами заполонили автобус. Мы плавно тронулись. Приехав на Стрелку, место слияния реки Которослева и матушки-Волги, мы, как говорится, спешились...

Упоительные виды на Волгу, на плывущие по реке большие пароходы открылись перед нами, дети сразу прилипли к парапету набережной, но Рэм и Софи деловито и довольно строго командовали: «Мотор! Съемка! Начали!...».

Работа продолжалась несколько часов: репетиции, дубли, дубли, дети играли в кино, потом, освободившись, запуски носились вокруг нас: съемки их нисколько не утомили, нет. Мне, впервые увидевшей, как снимается кино, все приносило неизъяснимое удовольствие. Да вы только представьте себе — старинная набережная Волги, пароходы, белые церкви, кружевные беседки, золотые купола, плывущие над нами в синем небе, счастливо смеющиеся дети... Сплошное любованье. Японцы говорят, что любованье очень полезно для здоровья. Я — любовалась.

Нечего и говорить, что процесс съемки в кино очень понравился нам с Таней. Понравилось все. Мы стали заглядывать к Рэму, благо жили в двух шагах от киностудии, где каждый день происходило что-то интересное. Тянуло туда!..

Мы быстро подружились с Софи. Ее непосредственность и азарт, с которым она жила, мгновенно сближали ее со всеми людьми. Она была первая моя иностранка, и мне все было любопытно: ее поведение, манеры, ее наряды... Она меняла их каждый день!..

«Наверно, это очень по-французски», — думала я. Мне это было непривычно, у меня столько платьев-то нет! Она была совершенна, на мой взгляд. А вот чем я ее притягивала, тайна сия велика есть.

Софи так радостно меня встречала, будто мы с ней были родные сестры. Хотя мы были совершенно разные, «иные и странные», как говорил поэт. И детство прошло по-иному, и жизнь мы прожили в разных условиях, но всем не это было главным, точнее, пресловутые «разные условия» не были основными для нас. Владеющая в совершенстве русским языком, Софи понимала меня с полуслова,

вот что было главным!.. Иногда получалось так, что не успела я подумать о чем-то, а она произносила это. Или я начинала фразу, Софи подхватывала и заканчивала. Это был уникальный случай, когда не приходится ничего объяснять: человек понимал меня!.. Часто случалось так, что стоило мне подумать о ней, как она звонила или даже появлялась у меня на пороге. Между нами возникло какое-то родство, она была одновременно и подруга, и сестра, и соратник. Сколько фильмов мы сняли, сколько хороших идей родилось в нашем содружестве! Никогда в жизни не бывало у меня такого человека...

Мы часто с Софи молчали. Для меня всегда было удивительно, как умели мы с ней молчать вдвоём, понимая каждую секунду нашего молчания.

Мне уже каждый день хотелось бежать в киностудию. Но только теперь, по прошествии долгого времени я понимаю, почему меня так непреодолимо влекло туда. Там было хорошо. Там уважали твоё мнение. Рэм постоянно меня спрашивал о чем-нибудь. А как ты считаешь, а что ты думаешь об этом?.. О, Рэм был хороший психолог!.. Он умел так привораживать!..

Мы с Софи выходили из студии в парк, подолгу разговаривали, точнее, повествовала Софи. Она рассказывала мне свои бесконечные истории, как и всё, что делала: темпераментно и с придыханием.

Софи увидела Рэма Юстинова в Хельсинки на международном кинофестивале документальных фильмов. Рэм получил награду за очередной фильм. После обязательного просмотра Софи захотела выразить свой восторг автору понравившегося ей фильма и подошла.

— Я выдохнула из себя: «О! Это Песнь — ваш фильм! Вы гений. Я хочу учиться у вас!» — повествовала она мне с таким жаром, что я зрительно увидела её, восторженную, и уж совсем явственно увидела, КАК она это выдохнула.

— Рэм так посмотрел на меня! Представляешь: такой огонь в глазах... И в это время на небе появляется радуга! Можешь представить?... Вот какой сигнал подал Бог!

— Ну, уж сразу Бог, — сказала я осторожно.

— Да-да, — вскричала Софи, — вот ты не веришь, а нам ведь всегда кто-то подает сигналы... сверху!.. Не Бог разве? Когда какое-нибудь важное событие или встреча, никогда не замечала?... а?..

Увидеть его близко Софи больше не могла, он был знаменит, люди окружали его. Он давал интервью, пресс-конференции. Она пошла на его творческую встречу. Рэм рассказывал о своей киностудии, и, увидев в первом ряду Софи, вдруг показал на нее и сказал: «А вот девушка из Франции, скоро она придет к нам в Россию и будет в Ярославле снимать фильм».

— Это было так неожиданно!.. Как у Бунина, «солнечный удар»! Понимаешь?... Я как будто выиграла большой приз — я поеду в Ярославль!

Фестиваль закончился. Софи вернулась в родной Пуатье, но безумное желание поехать в Россию уже загорелось в ней. Она принялась срочно учить русский язык.

Прошло два года. Она, преодолев все испытания, препятствия, наконец добралась до Ярославля. И нет сомнений в том, что именно здесь Софи поняла свое призвание — снимать кино. Она захотела стать пусть маленькой частичкой этого увлекательного волшебного мира. Потом она обнаружила, что не хочет совсем уезжать отсюда. Так и осталась в любимом Ярославле.

Мы с Софи за столом писали сценарий нового фильма, когда к нам почти неслышно подошел Рэм и, таинственно улыбаясь, показал на мою дочку Таню, которая, уютно устроившись в большом кресле, что-то говорила, жестикулируя и широко разводя руками.

Втроем мы подошли к Тане... Она подняла голову:

— Я сказку рассказываю.

— Кому?..

— Тявке, — она разжала кулачок, в кулачке у нее была совершенно малюсенькая игрушка-собачка!

— Ее Тявкой зовут, — повторила дочка.

— Ух, ты! — воскликнула Софи. — А можешь нам рассказать?..

— Да, — с готовностью согласилась Таня и прямо без предисловий начала: «У одной девочки была в лесу любимая полянка. Девочка любила туда приходить, потому что вся полянка была белая... Она играла на скрипке, и все животные, и бабочки, стрекозы слушали ее. И вот однажды она пришла на полянку и увидела там маленького щеночка.

— Ой, — сказала девочка, — тебя как зовут?

— Никак, — ответил щеночек и заплакал.

— А как ты здесь очутился?... — И щеночек рассказал девочке грустную историю, что его сюда принес один мальчик, потому что мама не разрешила собачку дома держать. И они заплакали. Потом девочка достала из футляра скрипки хлеб, и они стали есть хлеб и запивать молоком. Потом девочка взяла собачку и посадила к себе на плечо, и они пошли домой».

— Вот и все, — сказала Таня, глядя на меня.

Я улыбнулась, я-то точно знала, что́ это за «сказка». Уже несколько месяцев дочка просила, умоляла завести собачку. Я ей всякий раз обещала, но в то время мы жили совсем небогато и не могли себе позволить купить собаку... А моя прекрасная Софи радостно посмотрела на меня.

— Но это же готовый фильм! Танюш, ты сама придумала?.. Надо сценарий дописать, расширить и все!.. Снимаем!

Так нежданно-негаданно родился замысел нашего нового фильма, который мы, отчаянно споря, назвали «Белая полянка». Фильм принес нам впоследствии столько радо-

сти!.. Началась работа, мы бурно обсуждали и сценарий, и название, и всю подготовку к фильму. И, конечно, самый активный участник, наш шеф — Большой Рэм!..

Оставалось главное — найти собачку. К сожалению, в ближайшем окружении ни у кого не было маленьких собачек, тем более, нам нужна была совсем маленькая. Щеночек.

— Надо купить! — вскричала Софи. И мы большой компанией поехали на живой рынок покупать собаку. А там глаза разбежались в разные стороны среди всей этой пищащей, кричащей, свистящей живности... Но не буду отнимать у вас, мои читатели, драгоценное время, рассказывая, сколько времени и КАК мы выбирали собаку!.. Выбирали, спорили, снова выбирали, снова спорили, пока наконец нас не остановила совершенно умильная мордочка, очень симпатичный маленький щеночек, которого так хотела Таня, и который нас всех очаровал! Таня тут же его назвала: Дружок!.. Обняла его и больше не выпускала из рук. Так и домой приехала с маленьким своим Дружком в обнимку.

Потом началось самое мое любимое — съемки. Наслаждение глазу: сборы, укладывание техники, съемочных аппаратов, зеркал, других причиндалов, провизии детям-актерам, да и о взрослых не забыли. В багажнике спряталась бутылка французского бордо, Софи позаботилась. А накануне съемок мы съездили в лес выбирать натуру. Правда, долго не пришлось искать, в роскошных ярославских лесах полно фантастических мест, не случайно здесь фильм про Берендеево царство снимали и другие фильмы-сказки. Найти полянку, полную солнечного света, нам не составило большого труда.

Вот вся наша кавалькада прибыла на место съемок, и, оглашая природу радостными криками, мы с шумом развернули наш бивак, приготовились, стали снимать... Было прекрасно: солнце, лес, полянка, она действительно была вся белая от солнца!.. Но незаметно вдруг набежала тучка, закрыла солнце, а через несколько минут начался дождик. Мы расстроились, дети закричали с досады и с недоволь-

ными возгласами помчались в укрытие. Однако мы не знали, какую волшебную услугу окажет нам этот неожиданный солнечный дождь.

Мы укрылись под плащами-дождевиками и сидели, пережидая дождик, который шел при ясном синем небе — короткий грибной дождь. И совсем неожиданно под этот самый дождь выбежал наш маленький Дружок. Он резво выпрыгнул и сразу остановился, весь дрожа под каплями. Тут же Таня выскочила из укрытия и схватила его, прижала к себе мокрого и дрожащего, а Рэм вдруг громко закричал: «Таня, стой так!.. не шевелись и не двигайся!.. Снимаем!» Они с оператором сообразили быстро! И они сняли этот момент, а потом еще и еще раз обыграли его выход из-под плаща, оставив щеночка под дождем и крупным планом снимая его, дрожащего. Было у щеночка несколько дублей, и бедная Танечка плакала, жалеючи своего Дружка. Но вот наконец съемочная «экзакуция» закончилась, и Рэм командовал Тане: «забирай его!..».

Таня подбежала к Дружку, подхватила его, повернула лицо к Рэму с таким упреком, что Рэм невольно застыл. Такое богатство выражения было на ее лице!.. И счастье, что Дружок с ней, он спасен, и упрек дяде, который мучил щеночка, и горе переживания за своего малюсенького друга. Крупные слезы текли по ее щекам, и Рэм опять не удержался и снова командовал: «Таня! Стой!.. не шевелись!.. Съемка! Мотор! Начали!..».

Мы снимали до самого вечера. Фильм у нас получился хороший. С дождем и счастьем. И судьба у него была очень счастливая: он получил множество призов на Фестивалях детских игровых фильмов. Трогательная история дружбы девочки и собачки рождала в зрителях самые лучшие чувства. Фильм был обласкан критикой. Ну, и с гордостью скажу, что жюри всех фестивалей особо отмечали запоминающуюся актерскую игру Тани в фильме.

Позже мы сняли еще несколько фильмов, где Софи красиво и с любовью снимала мою дочку, чувствуя в ней хо-

рошие актерские данные. Рэм тоже снимал Таню в своих фильмах, и один из его фильмов — «Сын планеты» — получил Гран-при Плевенского кинофестиваля в Болгарии, где также была отмечена игра маленькой актрисы. Все говорили об ее таланте, но, к сожалению, моя Таня выбрала другую профессию. Не захотела стать актрисой. А данные были, да.

Прошло много лет. Давно мы разъехались в разные города и веси, даже в разные страны. Давно ушел Рэм Юстинов. Но в Ярославле осталось поистине бесценное наследство: сотни кинолент Рэма. И осталась великая Память.

Остались воспоминания, хранимые в сердцах многих людей. Тех, кто хоть ненадолго прикоснулся к миру этого прекрасного человека, кто хотя бы коротко был знаком с ним. Рядом с Большим Рэмом было много света, и он щедро озарял нас всех.

Моя любимая Софи, моя подруга-сестра, часто звонит мне из своего Пуатье. Мы подолгу разговариваем, вспоминая друзей, киностудию, те счастливые дни, окутанные нежным туманом романтики, наполненные творчеством, веселой работой и дружбой с великим Рэмом.

Даже через много лет помним многие моменты до мелочей, до звуков, цитируем его незабываемые шутки и выражения. Грустим и смеемся, вспоминая нашего друга. Мы были счастливы рядом с ним. Он отдавал людям всего себя, свой талант, свое искусство, и мы беззаветно любили его, поэтому для него всегда есть место в наших сердцах.

И мы смеемся и говорим друг другу:

— Но ведь Рэм наверняка и там не может без кино!.. Наверняка он создал новую киностудию, собрал единомышленников и потихоньку снимает, чтобы потом показать нам свое гениальное звездное кино... Недаром говорил поэт: «Ведь, если звезды зажигают, — значит, — это кому-нибудь нужно!». Да будет так.

Татьяна ГАРМАШ-РОФФЕ

После школы был МГУ, филфак, затем короткий период преподавания: «русский как иностранный». Далее — театральная критика. Потом — встреча, отъезд во Францию, совет мужа заниматься творческой работой. И в результате в 1999 году — первая книга. За ней — все остальные.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НЕГР

Новогодняя сказка

«Я ее ненавижу! Эта гламурная дура с невинным личиком — на самом деле хищная, мерзкая пиявка. Она пьет мою кровь, и только поэтому она сейчас там, на экране, под восхищенными взглядами публики! Лживое ничтожество, как искренне она улыбается, отвечая на вопросы идиота-ведущего! Сейчас начнет про свой новый роман рассказывать... *СВОЙ роман*, боги!»

Николай крутил в одной руке пульт, раздираясь между желанием вырубить ящик или все же послушать, что эта дрянь там несет, — а в другой стакан с неразбавленным виски...

...Один в квартире, будто в клетке. И это 31-го декабря, когда все носятся в праздничной суете, как пациенты психушки при пожаре! Поклонников у него нет, от друзей он отвернулся сам, поскольку стал раздражительным и желчным... Жена ушла два года назад. Когда-то он был симпатичным веселым парнем, девушки липли. Одной удалось его захомутать. Но не прошло и месяца, как она потребовала, чтобы он «взялся за ум» — то есть, начал зарабатывать хорошие деньги.

— Ты ведь знаешь, я пишу книгу, — ответил он ей тогда. — Подожди немножко, ее напечатают, и будут у нас деньги!

Пока что он пробавлялся написанием статей в интернете на заказ.

Жена согласилась: ей пригрезилась мужнина слава, в лучах которой она будет греться и нежиться.

Наконец он закончил роман. Отправил в издательство. Оттуда позвонили на удивление быстро и пригласили... к самому Главному Редактору!

На встречу он не шел — летел.

Напрасно.

«У вас прекрасный стиль, — сказала ему сухопарая шатенка со светлыми холодными глазами, которая Главным Редактором и являлась. — Но нет сюжета. На такую литературу сегодня не имеется спроса. Напишите любовный роман — у вас бы отлично получилось, вы тонко описываете ощущения... И тогда мы вас издадим!»

Он хлопнул дверью.

Любовный роман, слышали?! Эти бездари... Никакого вкуса, никакого понятия об истинном призвании литературы!

Он обошел все московские издательства. Ответ был повсюду одинаков: «Прекрасный стиль... но нет сюжета».

Жена вскоре спросила: и зачем я вышла за тебя замуж?

Он искренне удивился: он понятия не имел, зачем.

Она собрала вещи и уехала к маме. А он упрямо принялся писать новый роман. Бессюжетный и изысканный.

И вдруг ему позвонили. Из того, первого издательства. И пригласили на беседу.

Он снова летел, как на свидание к любимой. Его талант оценили!

Главред любезно предложила ему кофе. Ему такое начало не понравилось. Если его роман решили напечатать, чего тянуть кота за хвост?

— Я помню вашу замечательную, талантливую прозу... — в ее голосе прозвучала льстивая нотка, и Николай окончательно понял, что публиковать его не собираются.

Не ошибся он. Ему предложили...

Предложили написать книгу для... страшно выговорить... *Негром литературным* предложили статью! Для одной светской дуры, победительницы какого-то идиотского конкурса! Чтобы все думали, что за чистым, гладким её лобиком копошатся хоть какие-то мысли... И в придачу к ним — талант!

Он вскочил со стула, кипя от негодования, — но тут же рухнул обратно, сраженный суммой гонорара, которую Главред поспешила озвучить. На такие деньги он мог бы безбедно прожить почти год! И закончить второй роман!

И потом, это хоть какая-та лазейка в издательский мир. Там, глядишь, и его книги напечатают!

Он тогда еще не знал, что соглашается лезть в кабалу, из которой невозможно выбраться. Негры никогда не становятся белыми людьми.

За два года он написал три книжонки для дуры, — которая успела трижды перекраситься: из блондинки в шатенку, из шатенки в рыжую, потом снова в блондинку. Отметим этапы, так сказать, своего духовного пути.

Первая же его книжка под ее именем произвела фурор.

Сюжет выдала Главред: жизнь сиротки и детдомовки (якобы!), которую мучил гнусный педофил-директор (якобы!) и которая сумела не сломаться, сохранить чистый и невинный взгляд на мир... и прочая туфта. Главред так и сказала, с неподражаемым сарказмом: *и прочая туфта*. И он, Николай, приложил весь свой талант, свой бесценный Дар, — чтобы расписать туфту убедительно.

«Сиротка» взлетела в рейтингах до небес. Читатели рыдали взахлеб. Распродажи носовых платков увеличились в несколько раз. О том, что книжка фальшивая от начала до конца, не знал никто, — зато написана она была блистательно! Им, Николаем Гридиным. Но об этом тоже не знал никто. Он, по договору с издательством, не имел права сказать правду даже самым близким! Для всех он оставался неудачником и бездарью. Народ ведь судит как: раз не печатают — значит, бездарный. А раз печатают, значит...

Тьфу.

* * *

Дура, она же Сиротка, все болтала о чем-то на экране. Он прибавил звук.

— А как вы обнаружили в себе талант?

— Сама не знаю, — обворожительно сложился в задумчивости ротик, а носик чуть наморщился. — Мне захотелось рассказать о своей судьбе, и я решила попробовать... Начала писать и с удивлением обнаружила, что у меня получается!

— У вас настоящий талант, — кивнул ведущий. — Хотя... Поговаривают, что за вас пишут негры. Что вы на это скажете?

— Да что вы? — изумилась Сиротка. — Я похожа на рабовладелицу? — И она улыбнулась так, что каждый, кто видел эту улыбку, немедленно отмел все черные мысли.

Это стало последней каплей. Сиротка все отвечала на вопросы ведущего, — теперь она рассказывала, как и где собирается встречать Новый год. Прозвучало название элитарного развлекательного центра, на открытие которого приглашены звезды...

Николай выскочил на лестницу. Этажом ниже жил актер, ежегодно подрабатывавший «Дедом Морозом».

— Ты говорил, что набрал вес и прошлый дедморозовский костюм тебе мал?

— Ну.

— Дай мне его на сегодня!

— Решил тоже подработать?

— Типа того.

— Имей в виду, начинать надо заранее, задолго до полуночи, а то потом этих самых дедморозов разведется видимо-не...

— Понял, спасибо!

Он опасался, что названный Сироткой центр окажется «уткой», но это был его единственный шанс. Тщательно загримированный и упакованный в бороду, усы и красный балахон, он, отпустив такси, вальяжно направился к входной двери. Фейс-контроль в виде двух качков уважительно посторонился.

Сиротка в клубе пока не просматривалась, хотя народу туда уже набилось немало. Сверкали блески на платьях и бриллианты в декольте, цокали высокие каблуки, лоснились силиконовые груди и губы. Мужчины не отставали от женщин: парча, каблуки, драгоценные камни во всех мыслимых и немыслимых местах, да и силикон отметился на мужских лицах, а то и в задах.

Николай чувствовал себя в этой компании прескверно. К счастью, никто на него не обращал внимания: не дети ведь, чтобы прыгать от радости. Небось, думали, что в назначенный момент этот Дед Мороз просто выступит с каким-то заготовленным текстом, тогда ему и похлопают.

Николай нервно съел пару канапе с икрой, запив водкой, и разведал местность в поисках местечка, где никто не помешает ему уединиться с Сироткой на пару слов. А ее все не было... Он прихватил еще парочку канапе и незаметно умыкнул со стола початую бутылку водки, которая легко уместилась в просторном кармане красного балахона.

...Вот она! Пришла!

В окружении кавалеров, веселая, цветущая. Судя по румянцу и блеску глаз, праздновать Новый год она начала уже давно. Смеется, дрянь. Она теперь *писательница*, причем, *талантливая*! — чего ж ей не смеяться.

Он рванул прямо к ней.

Завидев крупную фигуру Деда Мороза, стремительно шагавшего в ее сторону, Катерина, — так, собственно, ее звали, — сначала просияла детским восторгом, но почти тут же в лице ее облачком промелькнуло беспокойство.

Николай чуть сбавил напористый шаг: иначе все особи мужского пола сейчас кинутся ее защищать, а там и охрана появится... В его планы подобное вовсе не входило.

— Вот она! — торжественно пробасил он, — я нашел свою Снегурочку на новогодний вечер! Как тебя звать, красавица?

Вокруг все заулыбались, кто-то даже захолопал. Катерина расслабилась. Чем Николай и воспользовался. Взяв ее по-отечески за руку, он повел ее в сторону дальнего холла с лифтами, приговаривая: «Надо тебе надеть костюм, Снегурочка, и инструкции получить... Стишок сможешь выучить в четыре строчки?»

Он нажал на кнопку вызова лифта, и в этот момент Катерина вдруг заподозрила неладное. Она попыталась выдернуть свою ладонь из его руки, но он держал ее крепко. Кажется, она собралась закричать, но тут двери лифта растворились, и Николай силой втянул ее в кабину, нажав кнопку самого верхнего этажа.

— Кто вы?! — закричала она, побледнев от страха. — Что вам от меня нужно?!

— Дед Мороз, — невозмутимо ответил он. — У меня для тебя подарочек на Новый год, сиротинушка...

Охваченная паникой, Катерина принялась нажимать на кнопку нижнего этажа — Николай немедленно жал на верхний. Лифт некоторое время мотался, как больной па-дучей, пока не встал намертво.

Она прижалась к стенке. Глаза ее наполнились слезами, и она едва уловимым движением пальцев поймала зеленые линзы. Глаза оказались карими... и близорукими.

— Не бойся. Мне просто надо с тобой поговорить.

— Зачем?! О чём?!

— Не ори.

— Я хочу выйти из лифта!

— Он застрял.

Катерина вдавила кнопку с нарисованным на ней звончком, но ничего не произошло. Ага, в новогоднюю ночь никому неохота дежурить, все сидят за праздничным столом. Да и не предполагалось, что в новом здании, едва открытом, кто-то из гостей будет подниматься на другие этажи.

Она смотрела на него глазами жертвы.

Николай вспомнил, как расписывал жуткие подробности якобы ее детства... Всё это было неправдой, — Главред ему вполне внятно намекнула, — но сейчас девушка и в самом деле решила, что он насильник и маньяк. Страх ее был неподдельным.

Ну что ж, хоть что-то настоящее в этой жалкой душонке!

— Успокойся. Я только пару слов хотел тебе сказать.

Она посмотрела на него и, видимо, поверила. По крайней мере, взяла себя в руки.

— Так говори! — произнесла она с вызовом. — Да скорее, Новый год наступит через десять минут! И я хочу успеть поднять бокал!

— Вряд ли лифт учтет твоё желание... Я тот человек, который пишет за тебя книги.

Она помолчала. Лицо её сосредоточилось, складка прощёртилась между бровей.

— Ты редактор?

— Нет. Автор твоих книг.

Катерина нахмурилась.

— И... И что? Ты чего-то хочешь от меня?

— Нет.

— А зачем ты тогда?..

— Сам не знаю. Обидно.

Он стащил с лица накладную бороду с усами, сбросил красный балахон, вытер пот над верхней губой и сел на пол.

Она смотрела на него внимательно, с любопытством.

— Вот ты, значит, какой, мой «негр», — усмехнулась она. — Ты талантливо пишешь. Имя твоё как?

— Николай. Гридин.

— У меня такой договор с издательством, Николай: кто-то пишет за меня и не разглашает этот факт. Я делаю вид, что пишу сама, и не разглашаю эту ложь. Ты ведь сам согласился, а? Никто дуло к виску не приставлял?

Катерина тоже опустилась на пол, напротив него. Некоторое время повозилась, пытаясь сладить со слишком короткой золотистой юбкой и слишком высокими каблуками. Затем туфли просто сбросила, а ноги поджала под себя.

— Зачем тебе это, объясни? Ты и так с экрана не слезаешь, зачем тебе понадобился ещё чужой талант?!

— Мне? Ты что, мне бы и в голову не пришло! Это была идея издательства. Они так на многих медийных людях зарабатывают. У меня есть имя — у тебя талант. Вместе это даёт книгу, которая выпускается бешеными тиражами. Под твоим именем, неизвестным, она бы не прозвучала. И если бы я написала сама — тоже. Такой вот у нас симбиоз... Тебе хорошо платят?

— Прилично.

— Ты не из-за денег пришел?..

— Нет. Я хочу писать свои книги. Так, как велит мое художественное чутье, а не издательство! И под своим именем.

— Но чем я-то могу тебе?

И в этот момент в кабине погас свет. Снизу доносился какой-то неясный шум.

— Весело! — проговорила Катерина. — Встречать Новый год в темном лифте между этажами, такой экзотики у меня еще не было!

— Погоди... У меня в кармане бутылка водки, я со стола прихватил... Слышишь? По-моему, там, внизу, считают: вот-вот пробьют куранты!

— Лучше бы ты прихватил шампанское, — хмыкнула она.

— Нету. Пей водку.

— Из горла?

— Ну, извини, стырить фужеры я не додумался.

— Ладно, — она приняла бутылку из его рук. — С Новым годом, Николай!

Слышно было, как она сделала три глотка, затем ее рука тронула его колено.

— Ты где? Бери, твоя очередь!

— С Новым годом, Катерина! — и он отхлебнул.

— Говорят, что если пьешь из бокала после другого человека, то узнаешь его мысли. А если из целой бутылки? — хихикнула она.

— Лучше бы тебе мои мысли не знать, — произнес он... И вдруг широко улыбнулся. — Дуреха ты... Я на тебя злился, а ты, оказывается, просто смешная дуреха.

— А чего ты на меня-то? Это же договор такой, ты его тоже подписал, разве нет?

— Я не знал, что... Я думал, ты просто нахально врешь... Держи бутылку, — он нащупал ее руку.

— Так я нахально... но по договору! — засмеялась она и лихо глотнула водки. — А почему ты свой роман не пишешь? У тебя же такой талант! — он ощутил, как она тычет ему бутылку в колени.

— Я пишу... Не печатают. Некоммерческая, говорят, литература... Спроса не будет... Любовные романы посоветовали ваять, представь себе!

— Хи... Вот идиоты.... А я думала, что редакторша какая-то за меня пишет. Мне никогда не говорили, что мужик. Ты так тонко в женскую душу влез... Прямо Флобер! — она снова хихикнула: водка (с учетом выпитого ею до прихода на эту тусовку, без сомнения) давала себя знать.

— Ты читала Флобера?!

— А я что, похожа на дуру? — обиделась она.

— Похожа, — честно признался он.

— Интересно... как ты можешь писать такие проникновенные, тонкие мысли, и быть таким тупым в жизни? Неужели не понял, что я роль играю?

— Какую? — удивился он.

— Дурочки!

— А... нет, не понял! Зачем?!

— Это... это такой способ выжить... в среде акул шоу-бизнеса... чтобы не съели. Чтобы как-то набрать старт, сделать имя... А потом я что-нибудь получше придумаю!

Он почувствовал ее ищущую руку и, поколебавшись, отдал ей бутылку.

— Не пора ли тебе остановиться?

— Еще чего! Новый год! К тому же у меня такой подачек: дедушку нашла! — Она засмеялась и отпила еще глоток, он слышал.

— Какого еще дедушку?..

— Ты же Дед Мороз? А я Снегурочка, сам сказал. Значит, внучка твоя. Я больше не сирота!

Бутылка глухо стукнула об пол. А Катерина вдруг поползла к Николаю, положила голову ему на колени.

— Я же детдомовка... Мне, пойми, с моей внешностью, ничего не светило, кроме постелей «спонсоров»... А так я, благодаря тебе, стала независимой...

— Вот только мне не надо лапшу, а?! — он резко дернулся и едва не стряхнул ее голову со своих колен. — Мне-то хоть не ври! Никакая ты не детдомовка, у тебя мать есть! Отец вас бросил, но...

— Николай, я что-то и впрямь много выпила... Прости, спать хочется... Нет у меня матери... я в детдоме выросла... с чего ты взял, что я вру, не пойму... Эти, в издательстве, мне тоже не верят... Да будь у меня такая фантазия, чтобы все это выдумать, — я сама бы книги писал... ла...

Он еще что-то восклицал, но она его уже не слышала: она спала крепким сном на его коленях.

Когда лифт, наконец, засветился и спустился вниз, он вынес спящую «Снегурочку» на руках, передал ее друзьям и покинул заведение.

* * *

Закончились новогодние каникулы.

Катерине позвонили из издательства:

— Рукопись вашего нового романа готова. Шофер заберет ее завтра у *редактора* (слово «негр» в издательстве никогда не употреблялось: табу!), так что приезжайте, ознакомьтесь с вашим очередным шедевром! — произнес в трубку подобострастный голос с едва заметной ноткой сарказма.

— Я сама ее заберу у *редактора*, — сухо ответила Катерина, — продиктуйте адрес!

— У нас так не положено. По договору вы не должны состоять с ним в контакте...

— Или вы даете мне адрес, или я не стану продлевать договор.

— Но...

В трубке зависла пауза.

— Слушаю вас, — нетерпеливо проговорила Катерина.

— Дело в том, что этот редактор, — он мужчина.

— И что? Он маньяк? Нападает на беззащитных девушек?

— Нет, но у него характер, как бы так сказать, не очень...

— Адрес! — обрезала Катерина.

Час спустя в квартире Николая прозвенел звонок. Он отправился открывать.

На пороге стояла она. Девушка, о которой он неотступно думал все дни, прошедшие с Нового года. На светлой шубке таяли снежинки.

— Я ждал тебя, — улыбнулся он, впуская ее в квартиру.

— Вот как?

— Ага. Был уверен, что мы еще увидимся,

— И почему же? — прищурилась она, расстегивая шубу.

Он помог ее снять.

— Мы из одной бутылки пили, забыла? Теперь я Снегурочковед, знаю все твои мысли.

Катерина захохотала.

— Так ведь и я — твой!

— Все равно я знаю о тебе больше! — не сдавался он.

— Ой, страшно. Я во сне выдала свои секреты? — она сделала испуганные глаза.

— О, да. Я бы даже сказал, интимные, — понизил голос он.

— А-а-а... Какие?

Странно, они шутили, совершенно точно шутили, — но она вдруг растерялась.

— Теперь я знаю, как пахнут твои волосы. Как ты дышишь во сне...

— Звучит интригующе, — усмехнулась Катерина, стараясь справиться с растерянностью. — Как начало нового романа.

— Или начало новой жизни, — прошептал он, касаясь губами ее волос.

Она не ответила. Просто обняла его за шею и прижалась щекой к колючей скуле.

И так они стояли в прихожей долго, долго.

Они никуда не торопились. Ведь это только *начало*.

Впереди вся жизнь.

Юлия ЗАБОРОВСКАЯ

Училась во французском университетском колледже на отделении литературы и философии. Живёт в Петербурге и работает в Михайловском театре оперы и балета.

БЕЗЛИКАЯ ЛИКА

В классе стояла тишина, нарушаемая лишь скрипом ручек о бумагу да несмелым покашливанием. Шла контрольная по математике у Мэри Поппинс. Оставалось десять минут до конца урока, и у тех, кто сегодня не подготовился к контрольной, еще теплилась слабая надежда на пожар, цунами или, как минимум, на то, что математичку вдруг вызовут в учительскую.

Ли́ка быстро выполнила задания на «тройку» и перешла к решению более сложных проблем — надо было непременно ответить Нюте на записку. Нюта ведь не отстаёт, она словно ищейка, которая вышла на след зверя, и, будьте уверены, она непременно получит свою добычу. Ли́ка написала что-то карандашом на листочке в клеточку и осторожно пододвинула подруге.

— Да ты что?! Наш Сотников? — неожиданно вслух вырвалось у Нюты, когда она мельком прочитала ответ.

— Тише, все остальное потом, — Лика испугалась, что их услышат, и быстро стерла написанное.

Однако было уже поздно. Мэри Поппинс своей плавной и неспешной поступью направилась к ним, прежде нацепив на нос висевшие на золотой цепочке очки.

— Что-то очень интересное? — спросила она, поравнявшись с Ликой и Ньютой и устремив на них невозмутимый серый холодный взгляд.

Лика каждый раз удивлялась непоколебимому спокойствию математички. Она умело справлялась даже с их сумасшедшим 8 «А», при этом ни разу не повысив голос. Плывающая походка, экономные жесты, немногословность, — действительно в ней было что-то от Мэри Поппинс. «Может, тут и без магии не обошлось», — ловила себя порой на мысли Лика, ведь невозможно, чтобы обыкновенные смертные умели так владеть собой.

Пока математичка сконцентрировала внимание на девочках, на последних партах нарастало нетерпеливое жужжание, словно в класс влетел огромный рой пчел. Мэри Поппинс коснулась рукой мочки уха, поморгала, точно ее раздражало какое-то насекомое, и обернулась ко всем.

— А ну-ка, быстро захлопнули свои варежки!

Мгновенно наступила абсолютная тишина.

Ну всё, подумала Лика, если уж дошло до «варежек», значит, мы доигрались. Но тут вовремя прозвенел звонок, и класс стал живо наполняться голосами, шелестом тетрадей, скрежетом стульев и парт.

— Ну, ты даешь, — возобновила прерванный разговор Ньюта, когда они с Ликой на большой перемене удобно уселись на подоконнике, — уж от тебя-то я этого не ожидала! Сто процентов без шансов. Кто ты и кто Сотников?

— Не знаю, — пожала плечами Лика и вздохнула, — но вчера он со мной поздоровался. Мне так показалось.

— У тебя точно нет температуры? Сотников даже со своими одноклассниками не здоровается, а тут ты.

«Может, и правда воображение разыгралось, — подумала про себя Лика, — или за моей спиной тогда стояла красавица Войцеховская, и тот привет предназначался ей?»

Сотников был крутой, это знали все. Причём, по негласным правилам школы, чтобы тебя признали крутым парнем, вовсе не нужно было хорошо учиться или иметь папу-олигарха, да даже красавчиком быть для этого совершенно не обязательно. Можно было обладать всеми вышеперечисленными достоинствами и до самого выпускного плестись в неудачниках. Никто не смог бы ответить, по какому принципу в школе, где училась Лика, раздавали подобные титулы и навешивали яркие ярлыки. Но ярлыки эти держались крепко и менялись крайне редко, почти что никогда.

Звонок уже давно прозвенел, когда Лика бегом поднималась на четвертый этаж, чтобы присоединиться к своей группе по французскому. Сотников спускался ей навстречу, заигрывая с Войцеховской, которая шла чуть впереди и делала вид, что его не слышит. На самом деле она все слышала, но не могла не насладиться очередной маленькой победой.

— Ну, все, уговорил, — снисходительно обернулась красавица и подарила Сотникову свою самую очаровательную улыбку.

Лика попыталась незаметно просочиться между старшеклассниками, хотя можно было и не стараться, они редко кого-нибудь замечали.

«Красивая пара», — вздохнула она про себя. Как же наивно было думать, что одиннадцатиклассник Сашка Сотников может обратить внимание на неё — девочку, у которой иногда исчезает лицо.

В младшей школе Лике стало казаться, что у нее нет лица. Часто, вернувшись домой после уроков, она долго рассматривала себя в большом овальном зеркале в прихожей — щурилась, гримасничала, растягивала ладошками нежную детскую кожу. Появлялись красные пятна, раздражение, все, что угодно, но только не лицо.

«Боже, у меня нет лица, — ужасалась она всякий раз и с обидой вспоминала яркие, индивидуальные лица одноклассниц, лица, которые словно были созданы для того, чтобы легко и остро впечатываться в память тех, кто их встречает.

Нюта, например, напоминала Лике маленькое теплое солнце. Вздернутый нос, всегда искрящиеся глаза цвета кока-колы и рассыпавшиеся по лицу конопушки, похожие на крошечных солнечных зайчиков.

Лика же неизменно видела в зеркале только размытое близорукое пятно, огромную кляксу, будто кто-то прошелся по ее лицу грязной стирательной резинкой или выпустил в лицо клубы плотного густого пара.

Она подозревала, что её одноклассники о чем-то догадываются. Безликие девочки, они ведь никому не нравятся.

В тот жуткий день в младшей школе их классная заболела, и на замене была учительница из параллельного 2 «Б». Сперва все шло ровно и гладко, в начале каждого урока Нина Ивановна раздавала ребятам задание, уходила и лишь несколько раз в течение последующих сорока минут заглядывала к ним для порядка.

По русскому задали контрольное списывание. Лика старательно переписывала на листочек в косую линейку

текст о природе, стараясь не делать ошибок и не пропустить случайно ни одной запятой. Она была так сосредоточена, что совсем не замечала усиливающейся возни в классе.

— Эй, Овечкина, кажется, твоя мама идёт! — вдруг громко сообщил Максим Кашин, выглянув в окно.

— Не может быть, — спокойно ответила Лика, но от работы все же оторвалась. Мама не приезжала и даже не звонила последнее время, как говорила Ликина тётка — мама строила новую семью. После успешного завершения она обещала забрать к себе дочку, которой почему-то казалось, что её бедная мама целыми днями без выходных возводит где-то далеко огромные кирпичные стены. Только строительство это что-то порядком растянулось и давно уже получило статус долгостроя. И всё же предательски вспыхнул слабый огонек надежды.

Уже несколько ребят столпились у окна.

— Да, это она! — вновь повторил Максим, и остальные закивали в унисон.

— Точно, точно, Лика, подойди сама и увидишь.

Девочка не помнила, как стремглав соскочила со своего места, едва не опрокинув парту, как, забравшись на подоконник, тревожно всматривалась в окно, пытаясь сквозь ноябрьскую серую морось угадать знакомый тонкий силуэт, но тщетно.

Позднее возвращаясь в памяти к тому моменту, она никак не могла вспомнить, как именно оказалась запертой в ловушке между двумя оконными рамами, только не забыла звонкий металлический звук напех закрывающейся щеколды.

Заметавшись, точно маленький загнанный зверек, она барабанила что есть силы ладонями по стеклу. Стекло дрожало и грозило разбиться. Раззадоренный удачной шуткой, класс гудел и свистел.

— Ну все, подумались и хватит! — вдруг сказал кто-то из ребят. — На улице холодно, заболеет ещё.

— Да вы её свитер видели? Разве в таком можно замерзнуть?

— У меня даже бабушка такой не наденет!

И вновь послышался оживленный смех. На слабые протесты немногочисленных защитников уже не обращали внимания.

Лица чувствовала, как поднимаются в ней ярость и обида. Слезы обжигали щеки. «Эх, только бы вылезти сейчас отсюда, вот я им задам».

Вдруг Лица заметила у своих ног мобильный телефон. Это была гордость Максима Кашина и небывалая, недосыгаемая роскошь для всего остального класса. То, что всего несколько лет спустя стало обычным атрибутом жизни, тогда было чем-то вроде магического тотема, который давал его обладателю абсолютную неприкосновенность.

В голове у неё уже созрел план. «Посмотрим, как летает вниз абсолютная неприкосновенность!» Только надо чуть-чуть изловчиться. Несмотря на хрупкое телосложение (тётя называла ее «дитё блокады»), у неё не с первого раза получилось изогнуться так, чтобы дотянуться до лежащего у ног телефона. Когда, наконец, ей удалось двумя пальцами зацепить волшебный тотем, она с вызовом посмотрела на ребят.

— Мой телефон! — удивился Максим, не сразу заметивший пропажу.

Лица покрутила им перед носом у Максима и потянулась вверх, чтобы открыть форточку.

— Дура, ты что?! — взвизгнул Максим и собрался открывать раму, но другие мальчишки его остановили.

— Да не ссы ты, ничего она не сделает.

Однако ребята немного притихли и с любопытством смотрели на запертую между стеклами девочку. Никто не

верил, что какая-то тихоня Овечкина осмелится совершить подобное святотатство, хотя в глубине души все, кроме Максима, немножечко надеялись на это.

Лика с трудом приоткрыла форточку, а затем быстро и без прамбул вытолкнула мобильный телефон. Три этажа полета — и едва уловимый звук удара. Класс замер.

— Я убью-ю тебя! — заорал Кашин, но не успел, так как в этот момент в классе показалась Нина Ивановна, за которой незаметно выбежала перепуганная отличница Катенька.

Лика жила в семье тётки, у которой было ещё трое своих детей, бесконечные хлопоты и ежедневная борьба с нехваткой денег, поэтому рассчитывать на понимание не приходилось. И правда, после того как инцидент стал предметом бурного обсуждения и спора, когда разъяренный отец Макса Кашина, брызгая слюной, сыпал свои страшные угрозы Ликиной семье, классной и всей прогнившей системе образования, — после всего этого Лике вместо капли сочувствия досталась лишь порция крепкого кожаного ремня.

Предусмотрительно нацепив на себя несколько пар уличных штанов, чтобы было не так больно, Лика ждала, когда кончится наказание, ведь она хорошо усвоила, что даже очень плохие вещи когда-нибудь заканчиваются.

И все-таки в глубине души чувствовала, что победила.

На следующий день она со страхом и нерешительностью зашла в класс, и, заняв свое место за партой, принялась ждать насмешек одноклассников.

— А, Овечкина, привет! — поздоровался с ней Димка, проходя к своему месту.

— Привет, — удивлённо, еле слышно пробормотала Лика, не зная, как реагировать на непривычное внимание.

Ещё несколько ребят также вполне искренне ей улыбнулись.

Последним в дверях класса появился опоздавший Макс Кашин. Увидев его, класс протяжно загудел, всем хотелось сострить и отпустить какую-нибудь шуточку.

— Че, Макс, папе будешь теперь из учительской звонить?

Макс пробурчал себе что-то под нос, прошел мимо Лики, громко обозвав ее овцой, уселся за парту и первым делом вытащил из рюкзака новенькую серую Nokia. Однако у этого телефона уже не было никаких магических сил.

С того дня что-то едва уловимо изменилось во 2 «А», благодаря чему безликой девочке стало жить в школе чуточку легче.

А перепуганные произошедшим родители быстро собрали деньги на новые пластиковые стеклопакеты, и вскоре от страшных с облупившейся краской деревянных рам остались лишь воспоминания.

* * *

Прошла неделя со дня, когда Лика поделилась с Нютой своей тайной. Поделилась и пожалела, так как Нютин неутомимый мозг тут же начал строить планы по завоеванию внимания Сотникова.

Со смехом отвергнув несколько совершенно диких идей подруги, Лика предложила сдаться. На пару дней наступило затишье.

— Придумала! — крикнула вдруг Нюта во время пробежки на физре. Крикнула и остановилась. Так, что бежавшая следом Лика, не успев затормозить, налетела на подругу и чуть не упала.

— Че встали, дуры! — возмутился бегущий за ними Кашин.

— Сам дурак!

Слушая безумный план Нюты, в котором были задействованы и учитель французского, и редактор школьной газеты, Лика чувствовала, как подгибаются коленки.

— Ты сошла с ума, — только и могла пробормотать она.

— Да не парься, я всё устрою. Да и почему бы Сотникову лишний раз не поболтать с симпатичной девчонкой? А повод у нас убедительный. Тебе останется только взять у него интервью.

«Легко сказать», — подумала Лика, решив, что лучше бы она ещё раз сдала экзамен по французскому в присутствии носителя языка и, так уж и быть, директрисы, которая вела у них французскую литературу и при виде которой первоклашки от страха прижимались к стенам.

На переменах Лика боялась встречаться глазами с Сашкой, опасаясь, что по одному её взгляду можно узнать всё, что они с Нютой задумали.

Нюта тем временем убедила француженку в том, что для газеты необходим новый материал, и даже незаметно подвела её к определенной теме.

— Ну, что ж, если вам удастся написать материал и ещё сделать приличный перевод, то плюс один балл каждой к оценке в четверти.

Всё было готово. Оставалось лишь воспользоваться подходящим моментом, вопрос как, ведь Сотникова всегда окружает стайка весёлых и уверенных в себе одиннадцатиклассников.

Несколько дней Лика с Нютой искали удобный случай, но каждый раз момент был неподходящим.

Дни тянулись медленно и лениво. На уроке английского почти вся группа засыпала, а нужно было сдавать вы-

ученные наизусть темы. Лике досталась тема про путешествия. Она монотонно читала вызубренный текст, стараясь не сбиться, хотя всё равно кроме учительницы Ольги Николаевны её никто не слушал, мальчишки вообще почти скрылись под партами и мирно спали, пока Ликина тема не коснулась морской болезни. Услышав словосочетание «sea-sick» и подумав, что наконец-то речь зашла о чем-то знакомом, ребята заметно оживились, послушались сдавленные смешки. Когда же словосочетание прозвучало во второй раз, мальчишки уже не могли сдержаться и разразились неудержимым хохотом, так что продолжать дальше было бессмысленно.

— Какие же вы дураки, — сказала им Лика, улыбаясь.

Ольга Николаевна тоже рассмеялась, так что спиральки её огненно-рыжих волос весело запрыгали.

— Вам самим-то не стыдно? Как дети малые. Вы в каком классе, в первом или в восьмом?

Но она на них не сердилась, любила всех детей, никого не унижала и не пыталась «щелкнуть по носу». Пожалуй, она была любимой Ликиной учительницей.

В пятницу Лика задержалась, чтобы переписать провальную контрольную по математике у Мэри Поппинс. И когда она, наконец, спустилась в опустевший гардероб, то нос к носу столкнулась с Сотниковым. Тянуть дальше не стоило, удачей момента не придумаешь.

— Саша, кажется? — обратилась к нему, напустив на себя как можно более небрежный вид.

— Я, — удивленно, но с интересом посмотрел он на Лику и улыбнулся.

«Неплохое начало», — пронеслось у неё в голове.

— Кажется, во всей школе только ты можешь мне помочь. Ты вроде занимался конным спортом?

— Ну?

— Прикинь, француженка задала на эту тему статью для её дурацкой газеты, и если я не напишу к следующему выпуску, то в четверти будет пара. А я лошадей-то этих в глаза даже не видела никогда, — вдохновенно сочиняла Лика, а сама все больше пропадала в Сашкиных пронзительных голубых глазах.

Сотников на секунду задумался, крутя в руках мобильник, и уже хотел было что-то ответить, но их прервали.

— Шурик, ты здесь? — слышался чей-то голос в гардеробе. Войцеховская. Только её сейчас не хватало.

— Слушай, извини, мне надо бежать, но в понедельник я тебе постараюсь чем-нибудь помочь. Счастливо, — бросил Сотников на прощание и, на ходу надевая куртку, вышел из раздевалки.

«Катастрофа!!!!» — набрала Лика СМС Нюте, как только сладкая парочка скрылась из вида.

Казалось, что понедельник никогда не наступит. Лике хотелось провалиться сквозь землю, как когда-то давно в младшей школе. Проходя каждый раз мимо зеркала в прихожей, она старалась не смотреть на своё отражение, так как знала, что в нём увидит, а, точнее, чего не увидит.

Безликие девочки, они ведь никому не нравятся.

К счастью, теперь она отвоевала своё законное право отрастить длинные волосы. А раньше приходилось смиряться с оборванной неровной чёлкой и торчащими в разные стороны короткими прядями, которые подвыпивший тёткин муж благоговейно сооружал ножницами на её голове, мотивируя это «простотой в использовании».

— А ну, позови-ка свою тётку, нехай приводит Машку с Дашкой, уж больно хорошо у меня сегодня выходит.

Ли́ка шла звать остальных, а сама украдкой утирала слезы от очередного шедевра парикмахерского искусства.

После торжественного мероприятия все девочки в семье, собравшись вместе, здорово напоминали великих княжон после коллективной болезни корью.

Долгожданный понедельник не принёс ничего нового. Надежды на большую перемену не оправдались. Так как их класс в очередной раз «подорвал престиж школы, испортил репутацию и бросил тень на весь уважаемый педагогический состав», то на большой перемене перед химией они ожидали нового дисциплинарного взыскания.

Завуч зашла в класс, никем не замеченная. Девчонки, разбившись на группы, что-то оживленно обсуждали, несколько ребят по обыкновению валяли по линолеуму двоечника Эдика, на что последний, кстати, никогда не обижался, так как давно уже смирился со своей привычной с младшей школы ролью шута.

— 8 «А»! Сели все по своим местам! — взвизгнула завуч, отнюдь не обладавшая выдержкой Мэри Поппинс.

Ребята вяло разбрелись по партам. Раскрасневшийся Эдик, как ни в чем не бывало, поднялся с пола, отряхнул от пыли зелёный пиджак, поднял испачканный чьими-то следами от обуви рюкзак и, глупо улыбаясь, уселся на свое место.

Всё проходило по привычному сценарию. Завуч кричала, время от времени срываясь на визг, на её лице и шее стали проступать пунцовые пятна, по классу потихоньку распространился едкий запах пота.

— Вы что о себе возомнили? Запомните раз и навсегда, что вы здесь пустое место, ноль! Вы ещё никто! Ясно вам?

Ли́ка усмехнулась. И здесь пустое место. Что ж такое-то. Дома тёткин муж тоже очень любит так говорить, особенно когда выпьет. Она в такие моменты старается не попадаться ему на глаза, но в трехкомнатной хрущёвке с пятиметровой кухней это порой бывает затруднительно.

— И нечего на меня своими зенками смотреть. Ну, выпил дядька Колька, значит повод серьёзный. Ишь ты, выпулилась как! Ты у нас вообще номер седьмой, ясно?

И дядька Колька принимался объяснять свое собственное представление о семейной иерархии, загибая кривоватые, с заусенцами и грязью под ногтями, пальцы. Перечислив всех членов семьи и даже ободранного кота Фимку, он, наконец, доходил до Лики.

— Уяснила? Ну, а теперь подсобика мне немного, спать охота, сил нет.

* * *

На следующий день на большой перемене основная масса школьников по обыкновению сидела в столовой. Лика с Нютой уже без прежнего энтузиазма вяло обсуждали, как быть дальше.

— Девчонки, привет! — вывел их из задумчивости бодрый голос. Перед ними стоял Сашка Сотников. — Помощь ещё нужна?

«Только если скорая», — чуть было не вырвалось у Лики. Ей казалось, что звук её прыгающего сердца слышит вся школа.

Сотников сказал, что вечером будет свободен и, взяв Ликин телефон, обещал ей позвонить и что-нибудь надиктовать.

Оставшись снова вдвоём за столом, Лика с Нютой с удивлением заметили, что все в столовой смотрят только на них. Восьмиклассницам не полагалось дружить с одиннадцатиклассниками.

— Пойдём уже отсюда, — сказала Лика, и, оставив на столе нетронутую шоколадку, взяла рюкзак и направилась к выходу.

— Ну, что ж, вы меня удивили, девочки. Très bien. Исправим некоторые ошибки и плюс один балл, как и обещала. Побольше бы мне таких энтузиасток, как вы, — расплылась в улыбке француженка, когда получила от Лики с Нютой замечательно написанный материал. Она искренне радовалась, когда кто-то, кроме неё, разделял любовь к обречённому на вымирание французскому журналу.

Лика была уверена, что на этом все закончится, но Сотников через пару дней позвонил снова, а потом ещё раз и ещё. Стали переписываться в соцсети.

И вот однажды вечером, когда их переписка почти сошла на нет, и вроде бы больше не о чем было разговаривать, Лика увидела на экране монитора: «Может, встретимся сегодня?»

«Да-да-да-а!!!!!» — хотелось написать в ответ, но пришлось ограничить себя скромным «Давай». Все вокруг изменилось в одну секунду, исчезли голоса ругавшихся весь вечер сестёр, замолчал телевизор и дурацкое радио, которое любила слушать тётя. Все вдруг стало очаровательным и приятным, словно внутри зажегся маленький дрожащий огонек. И это мелкая приятная дрожь теперь щекотала Лик у где-то под рёбрами.

Проходя мимо зеркала, она резко остановилась, не в силах поверить в то, что видит. Густое плотное облако, обычно скрывавшее её лицо, рассеялось, как будто его и не было никогда, и Лика увидела незнакомую девочку с огромными, широко распахнутыми карими глазами. Маленький носик, легкий румянец на белоснежной коже. От близзорукого пятна не осталось и следа.

«Прощай, безлика я девочка! Прощай навсегда!» — ликовала Лика, все ещё не в силах поверить, что Сашка Сотников, мечта всех девчонок, сам позвал её, Лик у, на

свидание. Она вернулась в комнату, выключила компьютер и в растерянности забежала по квартире, то заглядывая в шкаф, то бессмысленно выдвигая по очереди ящики комода.

Времени оставалась совсем немного. Через час они договорились встретиться у метро, чтобы потом вместе пойти в парк.

На улице было хорошо. В свете фонарей весело кружились пушистые снежинки, снег под ногами скрипел и подгонял прохожих вперед. Быстрее, быстрее, ей казалось, что она уже не идёт, а летит.

Когда она подошла к условленному месту, Сотников уже ждал её. Чуть ссутулившийся от холода, без шапки, руки спрятаны в карманах. Увидев, бросил недокуренную сигарету на снег и затушил ногой.

— Привет, — первым поздоровался он.

— Привет. Я опоздала, кажется.

Лица почувствовала, как ещё не успевший рассеяться едкий табачный дым попал ей в горло, и закашлялась.

— Да я сам только пришел. Ну, пойдём?

Они направились в сторону парка, а дальше произошло ужасное. Проходя мимо торгового павильона, Сотников остановился и, каким-то нелепым жестом указав на него, галантно предложил:

— Пиво? Сигареты?

У Лики всё внутри оборвалось. Ей показалось, что она ослышалась. Это было слишком нелепо, чтобы быть правдой. В одну секунду одиннадцатиклассник Сашка показался ей обыкновенным дураком, никаким не **Сотниковым**, а просто-напросто **Копейкиным**! Внезапно исчезли даже самые крошечные романтические мысли. Проводить с ним вечер абсолютно расхотелось, и вот уже в который раз она

пожалела, что не обладает магической способностью проваливаться сквозь землю. Другого способа избежать мучительной участи она не могла придумать.

Не обладающей Нютиным талантом к импровизации, Лике не оставалось ничего другого, как смириться и ждать, когда это свидание как-нибудь тихо и само собой закончится.

Разговор не клеился, хотя Сашка пытался шутить и даже делал комплименты, но у Лики была одна мысль — быстрее бы домой.

Атмосфера стала натянутой, и оба чувствовали — что-то не так.

Лика не знала, сколько ещё продлится эта пытка, но тут её мобильник протяжно запел голосом любимой Леоны Льюис.

Кажется, это был единственный раз, когда она так рада была слышать свою тётку.

— Да, скоро буду, — громко сказала Лика в трубку, отчаянно пытаясь придать голосу налёт разочарования.

Вечером, придя домой, она тут же забралась под одеяло и, не обращая внимания на громкую музыку и возню сестёр, уснула глубоким сном.

В школу она вбежала за десять минут до начала урока, и уже войдя в вестибюль, почувствовала, что что-то изменилось. Вчера, во время злосчастной прогулки, они с Сашкой пару раз встречали ребят из школы, и вот теперь к ней подходили совсем незнакомые девчонки, улыбались и спрашивали, правда ли, что она встречается с самим Сотниковым. Лика отрицательно мотала головой, но ореол тайны еще больше подогревал интерес к неожиданной новости.

Она совсем растерялась в этой толпе, пока к ней на помощь не подросла Нюта.

— Ну, и как это понимать? — надулась она, — почему я от посторонних узнаю, что ты встречаешься с Сотниковым?

— Нютик, ни с кем я не встречаюсь, сейчас я всё расскажу, только подожди минутку.

Лица подошла к зеркалу. Ни облака, ни близорукого пятна. Робким взглядом молодого оленёнка на неё смотрела странная хорошенькая девочка.

«Кажется, я уже начинаю к ней привыкать», — подумала про себя и улыбнулась. Ловким привычным движением руки, стянув резинку с толстого хвоста на затылке, она принялась задумчиво водить щёткой по рассыпавшимся по плечам волосам.

— Ты чего такая загадочная? Я ничего не понимаю. Со всем. Я же столько усилий приложила. Что произошло? Все зря, значит?

— Ну как же зря, Нютик, у нас будут пятерки по французскому, — улыбнулась Лица, обняв подругу, — и всё только благодаря тебе.

Татьяна ИВЛЕВА

Родилась в Казахстане. Диплом филолога по окончании Университета получила в Одессе, там же служила в Русском драматическом театре им. Иванова. В Германии с 1987 г. Работала преподавателем русского языка, переводчиком, социальным педагогом. Редактор и составитель нескольких альманахов, антологий современной русскоязычной поэзии, автор семи поэтических сборников. Член Союза русских писателей в Германии, член жюри поэтических конкурсов, лауреат нескольких литературных премий.

ЭЛОИЗА

В самом тембре бархатного баса было что-то хватающее за сердце.

С.Г. Петров-Скиталец (1869–1941), из романа «Кандалы»

Любовь — одно из тех страданий, которые невозможно скрывать; одного слова, одного неосторожного взгляда и даже молчания достаточно, чтобы выдать его.

Пьер Абеляр (1079–1142), «История моих бедствий»

На дворе стоял ноябрь 2015-го года. Невысокого роста хрупкая, элегантная женщина по имени Элоиза сидела за круглым металлическим столиком в маленьком кафе «Во-

яж», стеклянный фасад которого был обращён на пяточок автобусной станции, откуда скоро должен был отправиться междугородний автобус Берлин-Франкфурт. На первый взгляд возраст пассажирки трудно было определить: о таких говорят «женщина без возраста». Лёгкая походка, густая русая чёлка над ярко-зелёными глазами в венчике пушистых тёмных ресниц, ухоженная внешность и спокойный, мягкий голос. Она казалась благополучной, уверенной в себе и полной сил. Окружающим и в голову бы не пришло, что полгода назад эта женщина отметила свой шестидесятипятилетний юбилей. Да и сама Элоиза не могла в это поверить. Её супругу Эдварду, ведущему инженеру концерна «Тиссен-Крупп», предстояло ещё два года работать до пенсии. Взрослая дочь Ирма совместно с мужем Даниэлем заботились о процветании своей аптеки, а двое внуков-близнецов, Макс и Алекс, находились в Китае, где постигали в Пекинском университете премудрости китайской грамоты. В их дружной, образованной семье каждый был увлечён своим делом, и перспектива превратиться в домохозяйку на пенсии не входила в её планы. Окончив факультет германистики в одном из университетов теперь уже бывшего Советского Союза, она, переехав в Германию, получила второе образование и, защитив диссертацию, удостоилась учёной степени доктора филологических наук по специальности «филолог-славист». Почти сорок лет отдала преподавательской деятельности.

«Сорок лет, — изумилась Элоиза. — Неужели?!»

Эти годы промелькнули, как кадры на ускоренной киноплёнке Retro Cinema — кино, главной героиней которого была она сама.

Взглянула на часы: девять утра, до посадки в автобус оставалось ещё полчаса. За стеклянной витриной уютного привокзального кафе моросил мелкий дождь, характерный для Германии в промозглые ноябрьские дни, и она решила скоротать время за чашкой крепкого кофе, а заодно полю-

боваться на эксклюзивный дизайн обложки её нового сборника стихов, только что изданного в Берлине, где она провела неделю, представляя свою книгу на презентации в университете имени Гумбольдта.

В кафе было почти безлюдно: за узкой стойкой бара на высоких табуретах расположилась, уткнувшись в смартфон, молодая парочка; чуть поодаль, сутуля спину, подперев кулаком небритый подбородок и печально глядя куда-то вдаль, неподвижно сидел худощавый старик в потёртой замшевой кепке и такой же куртке с расстёгнутым воротником. Он напомнил ей привезённую из Мексики бронзовую фигурку Дон Кихота, изваянного в той же полной безысходности позы. «Вылитый рыцарь печального образа», — сочувственно отметила Элоиза, проходя мимо. Ей почему-то стало жаль его. Расплатившись за кофе, вернулась к своему столику, с наслаждением вдохнула аромат горячего живительного напитка и поднесла чашку к губам, предвкушая удовольствие, как вдруг за спиной раздался пронзительный телефонный звонок и взволнованный, тревожный мужской голос окликнул её по имени: «Иза, девочка моя, ну где же ты пропала?! Я просто с ума схожу!». Элоизу будто пронзило молнией. Она вздрогнула и, не успев пригубить кофе, машинально опустила чашку, звякнув ею о донышко блюдца, плеснув на стол густой воздушной пенкой, похожей на лоскуток ажурной кисеи. «Иза, девочка моя...» — так называл её единственный человек в мире. В той, другой, непреодолимо далёкой жизни, о которой, как ей казалось, она давно забыла, перечеркнув прошлое, похоронив его горькие, тревожные фантомы под обломками в одночасье рухнувшей страны — со всей *той* жизнью, *теми* идеалами и *теми* людьми, их надеждами и чаяниями, их гимнами, именами, знамёнами, племенами... В своей первой книге стихов, изданной во Франкфурте, спустя десять лет после переезда в Германию, она, получив, наконец, немецкое гражданство, напишет, окончательно прощаясь с прошлым:

Стреножен и к Европе приобщён
Заблудший конь моих славянских предков,
Осколки их имён, племён, знамён,
Их зов во мне — как сон, забвенью предан.

Да, Элоиза была убеждена, что *тот* сон был предан забвенью, что под траурной грудой руин и обломков прежней жизни был погребён и кошмар *той* страшной июньской ночи, неумолимо и безвозвратно размежевавшей её жизнь на «до» и «после»... И вдруг снова — *этот* голос! Оттуда, из *того* чудовищного июньского сна! А может быть, это всего лишь сон во сне, и ей только приснилось, что она слышит *его* голос — такой волнующий, обворожительный бас-кантANTE, от которого сладко и тревожно замирает сердце? Среди тысячи других голосов она безошибочно узнала бы этот редкостный бархатный тембр, волшебный звук которого, как ей когда-то казалось, возвышал душу. Что за жестокое наваждение — горестное, гиблое дежавю?! Элоиза чувствовала, как дрожат похолодевшие руки, слабеют колени, а сердце колотится так, будто хочет выскочить из грудной клетки и разбиться на тысячу частей. Лицо побелело, и в висках стучат не молоточки, но молоты... «Боже Милостивый!» — молча взмолилась она, прикрыв глаза вмиг отяжелевшими веками, пытаясь сделать глубокий вдох. Но в это мгновение, словно сквозь туман, снова донёсся до слуха Элоизы, на этот раз неожиданно резкий, звук знакомого голоса, в котором теперь явно были слышны нотки облегчения.

— Какой пикник, в каком саду, Иза?! Взгляни на часы! Договорились ведь без опозданий встретиться в кафе на станции! Первое слово дороже второго... Мы с бабушкой с восьми утра здесь торчим, как «два тополя на Плющихе»... При чём здесь друзья?! А позвонить? Что?! Телефон разрядился? Эти сказки расскажешь бабушке — она поверит, а я твои штучки наизусть выучил!

Небольшая пауза и снова, теперь уже примирительно и с весёлой искоркой:

— Ну, погоди, «сталкер», бабушка тебе устроит «пикник на обочине»! Такие санкции наложит — мало не покажется! Ладно, ладно, детка, всё понял — возьму огонь на себя. Не привыкать. Главное, ты нашлась. Слава Богу! А то мы собрались уже в полицию бежать... Бабушка за утро весь запас корвалола извела, такую панику устроила! А, вот, кстати, и она! Ждём тебя в кафе. Напоминаю: платформа №5. Наш автобус через час. Поторопись!

Экстравагантно-импульсивный монолог незнакомца привел Элоизу в чувство, всё вернулось на круги своя. Ей стало ясно, что таинственный голос принадлежал старику — печальному рыцарю за соседним столиком, и что обращался он не к ней, а к кому-то другому, судя по всему, к своей внучке по имени Иза, легкомысленно сбежавшей в «самоволку», по поводу чего и возник переполох у пожилой четы русских пассажиров. А имя — Иза — просто случайное совпадение...

...С тех пор как их пути разошлись, и она, выйдя замуж, уехала с мужем в ФРГ, все вокруг неизменно называли её Элоизой, либо сокращённо — Эли. Немцы любят краткие формы имён: так Эдварда в кругу семьи и друзей зовут Эд, а юных близнецов Максимилиана и Александра — Максом и Алексом. Эд вообще крайне редко обращается к ней по имени, предпочитая универсальное немецкое «Schatz» — сокровище. Но — *Иза!* — так даже мама не называла её! За всю жизнь — никто и никогда. Только *он!* И это был *его* голос, и *его* манера говорить, и речь русская — здесь, в Берлине... Хотя, конечно, с той поры, как рухнул «союз нерушимый республик свободных», и советские «дети разных народов» разбрелись по всему свету, русская речь перестала быть редкостью в Европе. Но, всё же, внезапное явление таинственного незнакомца и не-

объяснимые совпадения, связанные с *его* голосом и её именем, показались Элоизе чрезвычайно, невыразимо странными, пугающе мистическими...

Немедленно выйти на воздух, иначе она задохнётся в этой стекляшке — от урагана нахлынувших чувств, воспоминаний и внезапной, пронзительной боли в груди. Стараясь не поворачиваться к столику, за которым сидел обладатель мистического голоса, Элоиза, так и не притронувшись к остывающему кофе, лихорадочно накинула лёгкое чёрное пальто, подхватила небольшой дорожный кофр на колёсах и в смятении устремила к выходу. В дверях столкнулась с пожилой грузной женщиной в мокрой от дождя коричневой стёганой куртке. Слега отстранилась, уступая ей дорогу, интуитивно догадываясь, что коричневая незнакомка с помятым недовольным лицом, похоже, и есть бабушка беглянки Изы...

Выйдя на платформу под широкой пластиковой крышей, Эли несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь вновь обрести самообладание. «Он?! — Нет, это невозможно! Здесь, в Германии... Почти полвека прошло! Да и видела она этого пассажира в замшевой кепке лишь мельком. А тот и вовсе её не заметил. Ах, нелепость! Между *ним* и этим незнакомцем ничего общего — лишь голоса похожи. Подобное случается. Конечно, просто показалось...», — теперь уже спокойно рассуждала она.

Подошёл автобус. Элоиза, подхваченная бурным течением дорожной суеты, забыла на время о странной встрече. Когда наконец автобус тронулся, раздался звонок мобильного телефона. Звонил муж. Негромко, деликатно ответила по-немецки: «Не волнуйся, дорогой, всё в порядке. Во Франкфурт прибудем по расписанию. Danke Schatz! Ich dich auch»¹. Пытаясь отвлечься от непрошенных мыслей, решила полистать свой новый сборник, ещё не обнаружив, что,

¹ Спасибо, сокровище. Я тебя тоже (*нем.*).

обратясь в бегство, оставила его на столике в привокзальном кафе «Вояж», но передумала, понимая: сосредоточиться всё равно не сумеет. Смотреть в серое запотевшее окно, по которому косо стекали унылые длинные струйки дождя, тоже не хотелось. «Что ж, видимо, у каждого наступает в жизни момент, когда прошлое, пробив брешь в саркофаге забвения, настигает человека, чтобы напомнить о себе...», — подумала Элоиза, смиряясь. Чувствуя себя совершенно опустошённой, сдалась, откинувшись на спинку кресла и, закрыв глаза, отправилась в далёкое путешествие «по волнам своей памяти»...

Он появился в их школе, в параллельном десятом классе, в сентябре 1966 года. Неотразимо красив, на год старше всех её сверстников, подчёркнуто независим и дерзок, пришелец, обладатель чарующего голоса и чрезвычайно модного, дефицитного, престижного в те годы плаща «болонья», знал себе цену, вводя в смущение не только старшеклассниц, но и молоденьких застенчивых учительниц. С начала сентября во всех кинотеатрах города шёл повтор итальянского фильма «Рокко и его братья» — с неподражаемым Аленом Делоном, как две капли воды, похожим на новичка. Да, именно так и говорили восторженные поклонницы: не новичок похож на Делона, но Делон на него. А плащ «болонья» лишь усиливал эту иллюзию. Разумеется, двойник знал об этом сходстве и, подражая Алену, принимал комплименты сверстниц со снисходительной кривой ухмылкой, беззастенчиво и самодовольно срывая чужие, не принадлежащие ему лавры. Но — нет в мире совершенства! — у копии обнаружился досадный изъян: не блещущее оригинальностью имя Вова, которое Элоизе никогда не нравилось. Не нравилась ей и вся эта суeta вокруг Вовы. В то время как её сверстницы забрасывали кумира записками с приглашением на романтические свидания, непреклонная девочка с яркими зелёными глазами не про-

являла к нему ни малейшего интереса, тем самым всё больше привлекая к себе его пристальное внимание. На уроках физкультуры, проходивших, благодаря двухсменному режиму школьных занятий, совместно с двумя классами, герой девичьих грёз Вова Делон, как нарекли его поклонницы, заглядывался на гибкую, ладную фигурку в белой спортивной майке и синих шортах, на тронутые золотистым загаром стройные ноги, узкие, чуть покатые плечи и густые пшеничные волосы, собранные на затылке в тугой узел. Напрасно он пытался привлечь её внимание — она всегда отводила взгляд. Однажды её сосед по двору Костя Суслó, по кличке Суслик, сумевший в короткое время стать закадычным дружком Вовы Делона и подметивший его красноречивые взгляды в сторону Элоизы, сказал ему:

— Зря стараешься, приятель. Безднадёга. Всех «отшила», и тебя «отошьёт». Пацаны её «Бастилией» прозвали — больно идейная и неприступная. Самогó Грека отвергла! Прикинь, этой весной он обломал соседскую сирень и явился к ней с корешáми, как король со свитой; соорудил из веток клумбу у дверей её квартиры, а она, смекнув, что сирень краденая, спустила «короля» с лестницы вместе с его свитой и клумбой. Короче, сцена у фонтана — всенародно облажала чувака. Соседи и его кодла кайф словили. Весь город ржал над ним. Грек на неё до сих пор зуб точит — пылает жаждой мести.

— А кто такой Грек? — мрачно поинтересовался Вова, ещё не окунувшийся в подробности местной светской жизни.

— Да, чувак тут один — амбал, гроза города... Его покойная мать русская была, а батя — грек, шишка местная, вот сынка Греком и прозвали. В прошлом хронический второгодник, в настоящем местный оболтус и хулиган. Его из всех школ за драки и за анашу выперли, так он теперь королём города заделался. Гуляет по улице Советской — ме-

стному нашему Бродвею — со свитой блатных пацанов и кастетом за пазухой. Баблѧ в лопатнике, как меди в джезказганских рудниках! Грека весь город боится, его даже мусорѧ не трогают. Если что, папаша сына всегда отмажет. С этим лучше не связываться... Из-за него одну училку молодую из школы уволили. Вообще из города уехала.

— Мерси за ценную информацию, друг Горацио, — задумчиво произнёс начитанный Вова и, одарив приятеля своей фирменной ухмылкой, добавил неопределённо:

— Ладно, разберёмся...

Благополучная, состоятельная семья Вовы приехала по контракту в их медный город Джезказган из Москвы. Отец — красивый, статный мужчина, известный специалист по переработке меди, получил долгосрочное назначение на один из крупнейших джезказганских комбинатов. Мать, решительная и энергичная, зорко оберегавшая семейные ценности, не желая отпускать мужа одного, в два счёта ликвидировала проблему: упаковала чемоданы и, прихватив детей, отправилась с мужем, подобно декабристке, в далёкую, как она выражалась, «среднеазиатскую ссылку». Ирэне, старшей Вовиной сестре, студентке МГУ, был срочно оформлен академический отпуск, а десятиклассника Вову устроили в лучшую школу города. Семье московского специалиста выделили просторную благоустроенную квартиру в сталинском доме для «шишек», в центре города, напротив кирпичного здания КГБ.

Элоиза и Костя Сусло жили в одном дворе, недалеко от дома Вовы; все трое шли в школу и возвращались домой в одно и то же время, по одной улице. Девушка всегда торопливо шагала в одиночестве, чуть впереди или позади них, а не разлей вода приятели вдвоём. Однажды, накануне ноябрьских праздников, Вова по какой-то причине возвращался один. Внезапно, обогнав Элоизу, остановился и резко развернулся:

— Привет, Иза! — артистично воскликнул он, ослепив её голливудской улыбкой. От неожиданности девушка опешила и потеряла дар речи.

— Угадай, что у меня здесь? — продолжил наступление Вова, воспользовавшись её замешательством и выставив на обозрение перед её носом умопомрачительную чехословацкую папку из модной в те годы искусственной фактурной кожи бежевого цвета — предмет зависти всей школы. Едва придя в себя от изумления, застигнутая врасплох беглянка смущённо коснулась ладонью лба, зачем-то поправив чёлку, и тихо ответила:

— Вообще-то, меня зовут Элоиза... А в папке у тебя тетради и учебники, как и у всех.

— А вот и не угадала! У меня не «как у всех»! И, да, я знаю: твоё имя Элоиза. Шикарное имя. Редкое! Кто придумал — мама или отец?

— Выбрала мама. Её вдохновила история Элоизы и Абеляра. Был в средние века такой поэт и философ. Элоиза была его ученицей. Они жили в Париже и тайно обвенчались.

Теперь от изумления застыл Вова.

— Клёвая история! Никогда раньше не слышал. Расскажешь?

— Может быть, — краснея, произнесла девушка, — но не сейчас. Мама ждёт. Будет волноваться, а ей нельзя — больное сердце.

— Извини, не стану задерживать. На, вот, держи!

Ловким движением фокусника расстегнул молнию на папке и достал свежий номер газеты «Джезказганский рабочий».

— Вуаля! Здесь твои стихи. Не знал, что ты пишешь!

Миловидное лицо девушки вспыхнуло густым румянцем.

— Спасибо, я сегодняшний номер ещё не видела. Мама, наверное, тоже. Покажу ей. Вот обрадуется! А откуда у тебя газета?

— Утром, по дороге в школу, купил в киоске. Сестра попросила. Она занимается фехтованием, и там заметка про неё — на последней странице, а внизу твои стихи. Вот и прочёл. Классно пишешь! Давай вечером встретимся — расскажешь мне про Абеяра, а я тебе про Арбат...

— Не знаю... — качнув головой, растерянно пробормотала вконец смущённая десятиклассница.

— Я буду ждать тебя здесь, на этом месте, в шесть вечера. До встречи, Иза!

Напрасно прождал Володя целых два часа. Элоиза не пришла. Не появилась она и в школе на следующий день. Костя рассказал ему, что вечером «скорая» увезла в больницу маму Элоизы, и дочь ни на шаг от неё не отходит. Махнув рукой на контрольную по математике (гори она огнём эта тригонометрия!), Володя тут же отправился в центральную больницу, находившуюся в двух остановках от школы... Так началась их с Элоизой школьная дружба, которой, однако, не суждено было долго длиться. После занятий обеспокоенная девушка торопилась в больницу к маме; он шёл вместе с ней, терпеливо ждал в вестибюле и провожал домой. Из их доверительных бесед узнал, что раньше её семья жила в Алма-Ате, что отец, встретив другую женщину, бросил их, когда ей исполнилось десять лет. Они с мамой уехали в Джезказган, к маминой старенькой тётушке; та прописала их в своей квартире, помогла устроиться. В «медный» город они прибыли 12-го апреля 1961 года — в день полёта Юрия Гагарина в космос, о чём с особой гордостью сообщил голос Юрия Левитана.

— О, это нам счастливый знак на новом месте! — радостно воскликнула мама. — К тому же, оба наших героя — Юрии! Элоиза, доченька, загадывай желание — оно непременно сбудется!

И мама горячо обняла её.

По радио звучала новая песня-речитатив Микаэла Таривердиева на слова Григория Поженяна «Я бы хотел...», и Элоиза, не раздумывая, загадала: «...чтобы мама жила подольше... чтоб сороку олень не предал...». Гордая мама, отказавшись от алиментов, воспитывала дочь одна. Скромной зарплаты библиотекаря едва хватало, чтобы свести концы с концами. Год назад, переписав квартиру на маму, тётушка ушла в мир иной. А вскоре, фанатично любящая свою работу, ответственная и исполнительная мама получила должность заведующей библиотекой.

Две недели пролетели быстро, маму выписали из больницы. Близился Новый, 1967-й год, начались зимние каникулы, и вместе с сестрой и родителями Володя уехал в Москву. Накануне отъезда зашёл к Элоизе. Они долго прощались во дворе, в заснеженной беседке, и он, согревая её узкие ладони в своих, растроганно шептал: «Иза, девочка моя, не грусти, я скоро вернусь! Просто жди меня...». И девочка, считая дни и часы, ждала...

Вова вернулся в школу с опозданием на несколько дней, не взглянул, не подошёл, и в следующие дни явно обходил её стороной. Элоиза, из гордости, тоже старалась не сталкиваться с ним. Не находя объяснений, мучилась догадками, страдала, бессонными ночами орошая подушку слезами. Мама, понимая, что происходит с дочерью, не допрашивала расспросами. Первая любовь. Пройдёт. Скоро экзамены: сначала выпускные, затем вступительные. Начнётся студенческая жизнь, да и молодость возьмёт своё — девочке некогда будет плакать и отчаиваться. Всё развеется без следа. Да-да!

Старательно избегая друг друга, Володя и Элоиза делали вид, что не знакомы. Но однажды Костя Суслик, догнав её по дороге домой, бросил коротко:

— Делон хочет поговорить с тобой. Сегодня — у нас во дворе, в беседке. В шесть.

Девушку бил озноб, когда она подходила к беседке, что пряталась в окружении деревьев, между домами. Володя ждал. Молча постояли.

— Иза, — неуверенно начал он, — мы расстались...

— Я заметила.

— Не хочешь знать, почему?

— Нет, — сухо ответила она, не глядя на него, чувствуя, как гулко бьётся кровь в висках и мучительно замирает сердце.

— Послушай, ты мне, по-прежнему, очень нравишься... Но, знаешь, кое-что изменилось. Дело не в тебе, а во мне. Хотя, и в тебе тоже... Ты совсем ещё ребёнок, и меня не устраивают такие отношения... Я хочу взрослой жизни, взрослых отношений! Я пока не могу тебе всё объяснить! Но... мы дружили, и было бы глупо расстаться в обиде друг на друга, понимаешь?

— Понимаю, Володя. Я не в обиде. Ты ничего мне не должен. Живи, как хочешь.

Он шагнул к ней, неловко схватив за плечи, повернул к себе и попытался поцеловать.

— Иза! На прощанье...

— Не сто́ит! — Девушка спокойно, но твёрдо отстранилась, сама удивившись своей решительности, и, словно прозрев, вдруг с изумлением обнаружила, что они почти одного роста. Птичка-невеличка, как называла её мама, раньше она не замечала его низкорослости, отождествляя бледную копию с ярким киногероем Алена Делона.

Месяцы мчались неудержимо. Элоиза прилежно готовилась к выпускным экзаменам, день и ночь сидя за учебниками. А мама, влезая в долги, готовилась к выпускному балу своей единственной дочери. У спекулянтов было куплено платье неземной красоты: многослойная, пышная юбка из модного белого капрона, затканного бархатными цветами, сплошь усыпанными прозрачными мелкими блё-

стками, была перехвачена на узкой талии розовым атласным поясом. Великолепное, нарядное, воздушное, оно делало Элоизу похожей на сказочную принцессу. Мама отдала за эту сказку целую зарплату, и ещё одну выложила спекулянтам за модные итальянские босоножки из белой перламутровой лайки, на высоком, тонком, прямом каблуке, глубоко вырезанные и украшенные впереди изящными плоскими бантами. Этот вечер должен запомниться дочери на всю жизнь! Да и для такой славной девочки ничего не жалко, только бы доставить ей радость, только бы она была счастлива...

Наконец, экзамены успешно сданы. В салоне красоты «Волшебница» умелыми руками мастеров созданы причёска, маникюр и педикюр. Куплены цветы — роскошный букет белых лилий. Мама, как и многие родители, с гордостью сопровождала свою принцессу на официальной части выпускного бала. После вручения аттестатов, названных директором школы в торжественной напутственной речи «путёвками в жизнь», растроганные предки, прослезившись от нахлынувших чувств, стали расходиться по домам, а беспечные, безмятежно счастливые выпускники остались в просторном актовом зале, где гремела музыка и царил праздник. Договорились, что в четыре утра вместе с учителями отправятся на главную площадь города, где собирается по традиции вся новоиспечённая молодёжь, чтобы встретить с первыми лучами восходящего солнца новую, взрослую, яркую жизнь...

Недостатка внимания со стороны юношей у Элоизы не было. Они наперебой приглашали её на танец, осыпали комплиментами и цветами. Одинаково ровная и приветливая со всеми, она искала глазами Володю, но его в зале не было. Случайно уловив обрывок фразы: «...Делон с новой чувихой...», поняла, что он был здесь, и не один. Вероятно, с очередной подружкой уже отправился встречать рассвет.

Узкие ремешки итальянских босоножек, не рассчитанных на долгосрочные танцевальные *па*, стали слегка натирать кожу, досаждая Элоизе. Она решила сбегать домой, чтобы переобуться — дать отдых уставшим ногам и спасти тонкие каблукки, обтянутые кожей, от неминуемых царапин, остающихся после прогулок по неровному, выщербленному асфальту городских улиц. Часы показывали половину третьего. Её дом стоял в ста метрах от школы. Спорхнув вниз по лестнице к выходу в школьный двор, пересекла его, завернула за угол здания и... лицом к лицу столкнулась с Греком.

— Опана! На ловца и зверь бежит! — воскликнул Грек, ловко ухватив Элоизу за руку. — Вышла из леса наша поэтесса, — нарочито гнусавя и ёрничая, ехидно добавил он.

Девушка попыталась высвободить руку, но притеснитель больно стиснул её узкое, по-детски беззащитное запястье.

— Ага, попалась, птичка, стой! Не уйдешь из сети, — осклабился ловец, смачно сплюнув прямо себе под ноги. — Не расстанемся с тобой. Ни за что на свете! — пообещал он, притягивая её к себе.

— Георгий, отпусти, мне больно! — тихо произнесла она и беспомощно оглянулась. Чуть поодаль, сбившись в стаю, маячили его дружки, мигая во тьме огоньками сигарет. Потянуло сладковато-терпким запахом анаши.

— Прошу тебя...

— Плохо просишь, коза строптивая... Проси лучше! Может, и отпущу. Я сегодня добрый.

— Чуваки, — оглянулся он в сторону курильщиков, — тащи сюда «чернила» и харчи!

— К-какие чернила? — ничего не понимая и слегка заикаясь от испуга, растерянно пробормотала Элоиза.

— Обыкновенные, какими стихи пишут! — и, довольный своей шуткой, запрокинув косматую голову, демонстративно сверкнув золотыми коронками, Грек отвратительно заржал.

Орава, человек десять, приблизилась вразвалку, окружая их плотным кольцом, гогоча и перебрасываясь скабрёзными шуточками и матерками. Было темно, лиц почти не видно, но двоих парней из параллельных десятых классов она узнала. Это немного подбодрило её. В этот момент кто-то протянул Греку бутылку убойного креплёного напитка «Солнцедар» — этого винного ужаса, гремучего коктейля, состоящего из низкосортного алжирского виноматериала, разбавленного свекольным сахаром, этиловым спиртом, ещё чёрт знает чем, и метко прозванного в народе «термоядерным», «бормотухой», «чернилами». Чья-то простёртая пятерня услужливо продемонстрировала почтовую подарочную коробку зефира в шоколаде, явно прихваченную с праздничных столов в актовом зале.

— Пей! Пей, говорю!! — хрипло гаркнул лиходей.

— Я не пью, Жора! Пожалуйста, отпусти меня!

— Ой, ой, о-ой! Принцесса не пьё-о-от! — с фиглярскими ужимками пропел фальцетом, всё больше наглежа, изрядно захмелевший хозяин города по кличке Грек. Подвыпившие дружки развязно заржали.

— Слышь, ты, чувырла, хор-рош стр-роить из себя недотр-рогу! — опасно сменив тон, прорычал хозяин. — Все пьют, и ты будешь! «Путёвку в жизнь» обмоем! — заявил он, вплотную приблизив рыхлую лоснящуюся физиономию к её побелевшим щекам.

И снова взрыв глумливого хохота, напоминающего лай гиен...

Элоизу передёрнуло от алкогольного перегара, смешанного со специфическим, тошнотворно-приторным духом анаши, от разнузданного хамства этого верзилы с рябым одутловатым лицом, от вида наглых, ухмыляющихся физиономий его дружков, от дурного предчувствия, разочарования и страха, сковавшего её похолодевшее сердце. А эти двое парней?! Они же её однокашники. В одной шко-

ле, у одних учителей, вручивших сегодня им всем красивые одинаковые аттестаты... И вечер этот — выпускной! — один для всех, чтобы запомнили... Почему они молчат?!!

— Отпусти, Жора! Пожалуйста!! Мне домой надо... — умоляюще произнесла пленница.

— Ништяк! Выпьешь со мной — отпущу, — упорствовал верзила, напирая на жертву.

Девушка брезгливо отпрянула и, судорожным рывком высвободив из его жёсткой клешни руку, сделала отчаянную попытку пройти. Но Грек преградил ей дорогу.

— Слон, а ну-ка поддержи козу строптивую, коза пить хочет!

Чьи-то цепкие, когтистые лапы, царапая и раня, безжалостно схватили её, запрокинули голову; кто-то попытался, причиняя боль, втиснуть горлышко бутылки в её судорожно сжатые губы; что-то липкое, гадкое, обжигающее выплеснулось ей в лицо и на волосы, ослепило глаза, затекло в рот, ноздри, уши, стекая струйками по шее на грудь и на белое платье. Оглушённая, она зажмурилась, задохнулась, закашлялась, что было сил рванулась! Тонкий, как спица, неустойчивый каблук подвернулся, хрустнул и, потеряв равновесие, бунтарка неловко опрокинулась навзничь на грубый пористый асфальт, больно ударившись спиной и затылком, ободрав в кровь локти.

— Подонки, что вы делаете?! — всхлипывая и оправляя юбку, вскричала Элоиза.

Слащаво ослабившись, Грек по-барски протянул ей руку, но она, холодно проигнорировав его жест и, сбросив с ног непоправимо изломанные босоножки, молча поднялась сама. Перед глазами плыли огненные круги, в ушах стоял звон.

— Кто подонки?! А ну, прос-си прощ-щения, ш-шал-лава! — угрожающе прошипел распоясавшийся бандит, за-неся руку над её бескровным лицом и смачно сплюнув ей

под ноги. Плевок вклепился прямо в её нагую щиколотку, растёкшись по коже мерзкой амёбоподобной кляксой. Паданы пьяно загоготали.

В это мгновение кто-то из парней за её спиной, прикуривая, чиркнул спичкой. Элоиза инстинктивно обернулась. Вспышка на миг осветила лицо курильщика, их глаза встретились. Это был он, Вова Делон — столичный новичок, кумир всех девочек города, её первая любовь и, ещё совсем недавно, близкий, родной человек, доверенный друг. «Что он делает здесь?!» — мелькнуло у девушки в голове. Этот вопрос навсегда останется для неё без ответа... Глубоко затянувшись и выпустив густое облако дыма, «друг» повернулся к ней спиной и, имитируя независимую делоновскую походку, чуть вразвалку, не спеша, зашагал прочь.

— Во-ло-дя!!! — в отчаянии закричала девушка.

— Заткнись, слышь, ты, гордячка-неудачница!! Поспори на тебя твой Володя! Поспори — и проспори!! — грязно ухмыльнулся террорист. — Поимел тебя в виду... А ты, коза тупая, поверила! Недотрогу из себя строила, Бастилия падшая... Не ори, хуже будет! — пригрозил он.

Неожиданное, жестокое и циничное признание Грека, подобно скальпелю, резануло её по сердцу, но, причинив нестерпимую боль, мгновенно прояснило затуманенное ужасом сознание.

— Хуже-уже-не-будет, — вдруг успокоившись и потеряв страх, с расстановкой отчеканила охрипшим голосом Элоиза и, внезапно, коротким, молниеносным кошащим движением врезала своему обидчику оглушительную пощёчину.

От неожиданности верзила отпрянул. Обернувшись к его обомлевшим соглядатаям, от боли и омерзения едва держась на ногах, брезгливо, сухо бросила: «Уроды!». Её бил озноб. Слегка припадая на вывихнутую правую ногу,

пошатываясь, словно балансируя на натянутом канате, медленно и бесстрашно направилась вперёд, не оглядываясь, чувствуя за спиной смертельный холод свинцового кастета...

В этот миг парадная дверь школьного здания распахнулась, и волна весёлых, возбуждённых выпускников с шумом и смехом выплеснулась на пяточок школьного двора, устремляясь к главной площади города, чтобы встретить первый в жизни взрослый рассвет...

Нащупав под ковриком ключ, оставленный мамой, Элоиза бесшумно, словно тень, проскользнула в квартиру, сбросила оборванное, безнадёжно испорченное платье. Чтобы не разбудить маму, плотно закрыла дверь её спальни и, запершись в ванной, долго стояла под душем, смывая с себя кроваво-коричневую, липкую жижу жгучего «Солнцедара», смешавшегося с грязью, лаком для волос, слезами и тушью для ресниц, размазанной по щекам, с запёкшейся на губах и локтях кровью, с тошнотворной слизью плевков — с пережитым ужасом и омерзением... Сказочные босоножки, ещё недавно сотворённые итальянским мастером из нежнейшей перламутровой кожи, а теперь ободранные, непоправимо смятые и растерзанные, похожие на белых подбитых птиц, остались лежать на грубом чёрном асфальте школьного двора, а тоненький золотой браслет, мамин подарок к выпускному, сорванный с её запястья, — в кармане мешковатых штанов обкуренного, пьяного бандита...

Оберегая маму, Элоиза не рассказала ей о случившемся. Как могла, скрыла ночной кошмар, синяки и ссадины, убедив её, что браслет, платье и босоножки до времени спрятала; вот поступит в институт, тогда... Несчастье этой ночи она навсегда заперла под замок в самых тёмных глубинах своего сознания, решив при первой же возможности навсегда покинуть «медный город». Легко сдала вступи-

тельные экзамены, став студенткой Джезказганского педагогического института. С отличием окончила первый семестр и, уговорив маму, перевелась в Ивановский государственный университет на факультет германистики, безвозвратно покинув «медную столицу» родного края. Перед отъездом случайно услышала, что Грека посадили за разбойное нападение на офицера КГБ с целью завладеть его оружием, а от Кости, который, похоже, не догадывался о ночном происшествии на школьном дворе, узнала, что Володи вернулся в Москву, женился, и у него родилась дочь...

Получив диплом, уехала по распределению в Белоруссию, устроившись переводчиком на одном из значительных белорусских предприятий, где вели монтажные работы немецкие специалисты из ФРГ. Там же познакомилась с Эдвардом, молодым инженером фирмы «Крупп». Вопреки всем унижительным процедурам, связанным с оформлением документов на заключение брака с иностранцем и получением заграничного паспорта, вышла замуж и уехала с мужем в Германию¹. Через несколько месяцев родилась малышка Ирма, приехала из Казахстана мама, и они счастливо зажили в просторном двухэтажном доме Эдварда, унаследованном им от родителей. Бабушка с радостью взяла на себя заботу о внучке, и Элоиза смогла вернуться на работу. А спустя три года, в одной из лучших клиник Франкфурта, маме сделали операцию на сердце. Хирург, выписывая её из клиники, пожелал ей, получившей второй шанс, долгой и счастливой жизни. Спокойный, корректный, всегда подтянутый, Эдвард оказался нежным отцом, заботливым мужем и приветливым зятем. Обладая мягким, сдержанным характером, не был склонен к яркому выражению чувств, однако свою семью беззаветно любил.

¹ В 1969 году официально был пересмотрен семейный кодекс, в котором было прописано, что жители СССР имеют право создавать семьи с иностранными гражданами

«Чтобы мама жила подольше... Чтоб сороку олень не предал...»

...Эд, с внушительным букетом роз, — как всегда, когда он встречал её, — уже стоял на платформе в ожидании автобуса, прибывшего без опоздания. Тепло обнял её, вдохнув родной запах пшеничной чёлки, трогательно промолвил, смешивая от волнения немецкие и русские слова: «Willkommen zurück, Liebling!¹ Всё хорошо, mein Schatz!² Едем к Ирме обедать. Вся семья в соборе». — «Семья не в соборе, а в сборе!» — смеясь и светясь от счастья, попрала его Элоиза.

Эпилог

Миловидная разругавшаяся девочка лет пятнадцати в яркой розовой куртке с капюшоном впорхнула в стеклянное кафе, похожее снаружи на аквариум. Подлетев к пожилой паре, поджидавшей её, принялась бурно обнимать и тормошить обоих, возбуждённо приговаривая:

— Виновата, ну, виновата... Ах, простите, не ругайте! Дедуля, бабушка, это была потрясающая домашняя дискотека! Представляете — на террасе в саду! А потом мы всей компанией гуляли по ночному городу... Ой, так классно! Мне совсем не хочется уезжать! У меня теперь здесь куча новых друзей, они наперебой приглашают меня летом в гости, представляете?

— Иза, егоза, не тарихти, расскажи всё по порядку, — улыбаясь, примирительно молвил дед.

Слушая их оживлённую болтовню, Вера, бабушка Изы, вспомнила, как почти полвека назад, в заснеженной январской Москве она познакомилась с Володей, младшим братом своей однокурсницы Ирэнны, не подозревая, что скоро жизнь сведёт их навсегда. Встреча случилась на вечеринке,

¹ С возвращением (нем.).

² Мое сокровище (нем.).

которую Ирэна с Володей, приехав из Джекказгана на каникулы, устроили в их московской квартире, где сияла большая нарядная ёлка, в воздухе парили разноцветные конфетти и спирали серпантина, а в бокалах пенилось «Советское шампанское». Маняще мерцали огоньки шикарных сигарет «Femina»; медленно покачивались в танце пары в такт завораживающих мелодий, записанных на заграничной виниловой пластинке. «I love you... I want you...» — исповедально пели «Битлз». И Вера верила им. Это была их с Володей первая встреча и первая ночь. А через несколько дней он с отцом отбыл в Джекказган: сын должен был закончить десятый класс и получить аттестат зрелости, а отец — завершить проект и получить почётную грамоту и повышение по службе. Сестра же с мамой остались в Москве; Ирэна не захотела возвращаться в провинциальный Джекказган и, досрочно прервав академический отпуск, восстановилась в МГУ. Вера была на три года старше Володи, которому едва исполнилось восемнадцать, и, когда поняла, что беременна, принялась действовать решительно, в упор, для начала отправив ему длинное, эмоциональное, убедительное письмо. Спустя полгода, закончив в Джекказгане школу и получив аттестат, Володя вернулся в Москву, они зарегистрировались и стали жить в Вериной тесной двухкомнатной «хрущёвке» совместно с тёщей. Родилась девочка, назвали в честь тёщи Розой. Ребёнок рос болезненным, да и бабушка Роза стала сдавать, и Вере пришлось оставить учёбу. Продолжать образование многообещающе начитанный Володя тоже не смог — надо было кормить семью, и он стал работать таксистом, попутно подфарцовывал дефицитными товарами. Его родители, надежды которых он так жестоко обманул, разочарованные и ошеломлённые неожиданным поворотом судьбы, почти не общались с ними, не помогали молодой семье, считая Веру виновной в «загубленной жизни сына». Он много работал, ма-

ло бывал дома. Стал замкнутым, раздражительным, беспрерывно курил, и от него всё чаще пахло портвейном и чужими женскими духами польского производства «Быть может». Вера догадывалась, что он ей изменяет, но, жалея его и не исключая своей вины, молча сносила все обиды. Время шло, жизнь в стране становилась всё более тяжёлой, будущее всё более туманным. Они жили в полном отчуждении друг от друга, но дочь оба любили и, как могли, поддерживали. Роза выросла настоящей красавицей, окончив институт, работала, но так и не смогла устроить свою жизнь. Грянули лихие девяностые. Пришлось выживать. Верина мама после долгого и мучительного недуга ушла в мир иной. Розе было уже за тридцать; семью создать не получилось, поэтому, забеременев, она решила родить для себя...

Малышку из роддома Вера и Володя забирали вдвоём: роды оказались тяжёлыми, врачам удалось спасти только ребёнка...

На следующий день новоиспечённая бабушка осталась дома с малышкой, а дед отправился в ЗАГС, чтобы получить два свидетельства: о смерти дочери и о рождении внучки, которую, по настоянию Веры, в память о двух Розах, решено было также назвать Розой. Вернувшись из ЗАГСа, Володя молча положил оба свидетельства на стол. «Быстрова Иза Владимировна» прочла Вера и вопросительно взглянула на мужа.

— Знаешь, я подумал, что давать малышке имя двух умерших родственниц — мамы и бабушки — плохая примета... Отчество моё, фамилия наша, а имя... — Его голос дрогнул; он на мгновение закрыл глаза и отвернулся. — Просто красивое имя — лёгкое, светлое...

— Может, ты и прав, — вздохнула Вера, — пусть будет Иза.

Внезапно свалившееся на них горе и новые заботы о новорожденной внучке, которой они заменили родите-

лей, снова сплотили и сблизили их. Оба души не чаяли в девочке, и та отвечала им искренней любовью. Володина сестра Ирэна вышла замуж за своего коллегу — русского немца и, после развала СССР, уехала с мужем по приглашению его родственников в Германию, в Берлин. Время от времени они втроем — Вера, Володя и Иза — навещались к Ирэне в гости.

— Так, Вова, Иза, пора! Поговорим в автобусе — вот он подъезжает! — перебив их, приказала Вера. Её внимание уже давно привлекла книга небольшого формата, очевидно, кем-то забытая и бесхозно лежащая рядом с чашкой остывшего кофе на металлическом круглом столике напротив. Проходя мимо, она приостановилась, бросив взгляд на манящую атласную обложку: «Элоиза Росс. Дежавю. Стихи». Открыв наугад, прочла:

Я в памяти дотла сожгу
Случайно вспыхнувшую встречу
И тайну слов, и тихий вечер
На том, на дальнем берегу...

Вере неудержимо захотелось разгадать «тайну слов» незнакомой русской поэтессы с редким, удивительным, совсем не русским именем, и, не раздумывая, она опустила книгу в сумку — всё равно ведь ничья, да и путь до Москвы не близкий, а книга поможет скоротать время в дороге.

Роман КАМБУРГ

Родился в Казани. Писатель, поэт, врач и исследователь. С 14-и лет пишет стихи. С 1993 года живёт и работает в Израиле. В 2001 году вышел сборник стихов «Миг», а в 2015 году опубликована книга рассказов и переводов «Партии с Богом», которая находится в библиотеках Израиля, России, Англии и США.

ЗЕРКАЛО

Жена Эндрю, мама Алекса, умерла полгода назад. Эндрю в эти месяцы не мог уснуть, не приняв снотворного или не выпив коньяка на ночь. Только сейчас, выйдя из детской сына, он подумал: «Как малыш переживает!» Решил показать его психологу, да и самому заодно посоветоваться.

Вначале он записался сам и, с трудом подбирая правильные слова, начал рассказывать о случае с зеркалом.

— Время лечит, мой дорогой, — заключил психолог. — Держитесь. Зайдите ко мне месяца через три-четыре, а за мальчиком понаблюдайте. И как можно больше ласки и внимания. Позвольте задать нескромный вопрос? У вас есть подруга или хорошая знакомая?

— Нет. Я пока даже думать ни о ком не могу.

— Понимаю... понимаю, — пробормотал психолог.

Тем временем Алекс начал каждый день навещать угол, где висело зеркало. После того, как отец видел его там, он уже не отодвигал кресло. Оно так и стояло, готовое к тому, чтоб на него влезть. Мальчик начал понимать, что зеркало показывает самые заветные и сильные желания. Оно чувствует прикосновения. Если до него дотрагиваться чаще и дольше, оно вознаградит, покажет всё, что пожелаешь. А Алекс так хотел, чтобы папа увидел мамочку! «Но как, как это сделать? — спрашивал он себя. Однажды он начал горячо и сбивчиво убеждать отца подойти к зеркалу, просить его об одном... и гладить... дольше гладить зеркальную поверхность. Эндрю вновь ничего не увидел и проникся решением пойти к другому, более серьезному психологу. Он знал, в отличие от сына, что оттуда не возвращаются. Алекс же чувствовал, что папе не хватает веры в чудо и неистового, чистого, детского желания увидеть маму.

— Как вы думаете, мальчик в порядке? — с тревогой в голосе спросил Эндрю психолога после своего рассказа.

— Я полагаю, что потеря матери — тяжелое испытание для него. Но надо ждать. Если его реакция не пройдет через несколько месяцев, может быть, понадобится лечение. Психотерапия, антидепрессанты. Но это не у меня, а у психиатра.

Итак, оба психолога в один голос утверждают: «Ждать».

И вдруг, уже в самом конце беседы, психолог сказал ему:

— А вы знаете, если серьезно, я бы тоже хотел иметь такое зеркало. Мне когда-то приходила мысль, что если вода имеет память, то, возможно, и зеркало при каких-то условиях может помнить изображения. Когда я был подростком, то стеснялся перед зеркалом раздеваться. Мне всё казалось, что оно меня запомнит, сфотографирует. Ладно, идите, а то мы с вами сейчас научной фантастикой займёмся. Ни у вас, ни у меня нет на это времени, смотрите, сколько пациентов ещё ждут.

Эндрю шел домой, думая о фразе психолога «...возможно, и зеркало при каких-то условиях может помнить изображения». Когда он вернулся домой, Алекс сидел, не отрываясь от калейдоскопа. Няня привычно отрапортовала:

— Ел хорошо, вёл себя нормально.

На следующий день группа сотрудников из отдела пошла на обед в соседний ресторан. После смерти Мари, Эндрю избегал этих коллективных обедов, но сегодня присоединился к коллегам. Напротив него за столом сидели две подружки, Энн и Петра. Энн, худощавая, говорливая брюнетка, без передышки рассказывала о своей семье, о муже, о детях, смеялась, возмущалась, снова продолжала свой монолог. Рассказы Энн не задевали ушей Эндрю, как будто лилась вода, создавая шум. Её подруга Петра, с каштановыми длинными волосами и серыми глазами, почти молчала, лишь бросая из-под очков взгляды на подругу и других сотрудников. Эндрю казалось, что на него она посматривает особенно выразительно. Она работала в фирме совсем недавно, поэтому он ничего про неё не знал. Да и не интересовался в последнее время ничем, включая симпатичных женщин. Когда обед кончился, Эндрю оказался рядом с Петрой и подал ей плащ — на улице начался проливной дождь.

— У вас есть зонтик? — поинтересовался он.

— Нет, но не беспокойтесь. Кажется, у Энн есть. Я сейчас спрошу.

— Смотрите, какой у меня, — и Эндрю раскрыл свой огромный зонт-трость с изогнутой ручкой.

— Знаете, как такой называют? — спросила Петра и насмешливо ответила, — семейный.

Лицо Эндрю пасмурнело.

— Что-то случилось? Я вас обидела?

— Да нет. Просто вы сказали «семейный», а у меня полгода назад жена умерла.

— Извините, ради бога, я не знала.

— Ничего. Вставайте лучше под зонт и пойдемте на работу.

Петра взяла Эндрю под руку, и тут полил настоящий ливень. Они молчали. Эндрю вдруг почувствовал, как пахнут свежестью волосы Петры, смешиваясь с влагой дождя.

— Вы замужем? — неожиданно для себя, вырвалось у него.

— Нет, разведена, — и снова повисла пауза.

— У вас есть дети? — поинтересовалась Петра.

— Да, сын шести лет. А у вас?

— Нет, мы быстро разошлись. Не успели завести детей, а я очень хотела.

Петра подняла лицо к Эндрю, и он взглянул на неё, как уже ни на кого не смотрел последние полгода.

— А как вы справляетесь с ребёнком без жены?

— У него есть няня. Впрочем, она у нас давно. Хотите посмотреть сегодня, как я с ним справляюсь? Я вас приглашаю после работы на чай... Если можно, — добавил он, как бы испугавшись своего приглашения.

— Можно. Я приду, — просто, без церемоний ответила Петра, — напишите мне адрес и объясните, как доехать.

— Я вас заберу на машине и потом верну к вашей.

— Нет, нет. Я поеду на своей. Дайте мне адрес.

— Хорошо. Это недалеко.

Остаток рабочего дня Эндрю провел в сомнениях. Он волновался. Не знал, как сын воспримет чужую даму. Ведь это было первый раз после смерти Мари. Да ещё он стеснялся няни. За четверть часа до конца работы Петра подошла к Эндрю.

— Вы можете поехать за мной, это лучше всяких объяснений, — предложил он.

Но и от этого Петра отказалась.

— Нет, я сама справлюсь. До этого мне надо ненадолго заехать в одно место...

Выехав со стоянки, Петра повернула в ближайшую кондитерскую, где купила огромный шоколадный торт. Он очень напоминал замок из шоколада, настоящее шоколадное царство. Она не была только уверена — угодит ли сыну Эндрю. Хотя продавец её уверял, что нет ребёнка на свете, которому может не понравиться такое чудо кондитерского искусства.

Когда она вышла, дождь продолжался, хотя и ослаб. Без труда нашла дом Эндрю, с некоторым волнением подошла, а войдя внутрь, загляделась на необычный дизайн.

— Кто вам это делал?

— Мари. Она была специалистом по интерьеру.

— Прелесть! — восхитилась Петра, подавая Эндрю мокрый плащ.

В эту минуту няня ввела за руку заспанного Алекса.

— Он сегодня устал и припозднился, — как бы оправдывалась она.

Петра сама подала малышу огромную коробку, растопив его смущение. А когда раскрыли торт, то Алекс вскрикнул от восторга:

— Папа, папа, мы давно не покупали шоколадный! Это ты ей сказал купить?

— Я и не знал, что она поедет за тортом. Так уж получилось, совпало.

— Да, совпало, — отозвался Алекс, — как же вы догадались, тётя... — Он запнулся, забыв её имя.

— Петра, — подсказала она и непринужденно, не дожидаясь приглашения, села на софу. Позвали пить чай и няню, но она отказалась, собралась домой. Возбужденный малыш всё повторял, чтобы оставили назавтра торт няне.

— Тетя Петра, пойдёте, я покажу вам свою комнату. Только вначале торт.

— Да, да, конечно, — и Петра начала осторожно разрезать толстый слой шоколада, а Алекс завороченно смотрел.

— Мы пойдём в комнату вместе. А сейчас вам, мой милый друг, самый толстый кусок.

Эндрю почти не раскрывал рта, только Алекс и Петра непринужденно болтали. Он видел, как они оба изменились от этой встречи — его задумчивый и рассудительный мальчик и эта молчаливая, спокойная на работе женщина. Потом они уединились в детской почти на два часа, он же пошёл в свой кабинет, где написал множество электронных писем, однако его голова оставалась занятой... Петрой.

Когда пришло время прощаться, они корректно обнялись, прижавшись друг к другу щеками.

— Мне было так хорошо с вашим сыном, — сказала Петра, — спасибо за чудный вечер.

Последняя фраза немного задела Эндрю, как будто бы она приходила только ради сына. Тотчас, как дверь за ней закрылась, Алекс без умолка начал рассказывать, как она восхищалась его сокровищами: калейдоскопом и коллекцией переводных картинок, как читала ему книгу. От возбуждения он долго не засыпал. Эндрю сидел в полутемной детской около него, слушая восторженные рассказы и односложно поддакивая. Вдруг наступила тишина: завод Алекса кончился — он мгновенно провалился в сон.

На следующее же утро мальчик спросил, когда снова придёт тётя... и он, как вчера, запнулся, почему-то имя Петра ему не давалось. А Эндрю на работе пытался несколько раз оказывать ей знаки внимания, но женщина оставалась сдержанной, даже холодной. Только раз спросила:

— Как ваш замечательный сыночек?

И он ответил:

— В восторге от вас.

Приближался конец недели.

— Не хотите ли выехать на природу? Завтра обещают великолепный день, — спросил он её в пятницу после обеда.

Петра пристально посмотрела, строгость на её лице растворилась, уступив место теплой улыбке — появлялась милая ямочка на левой щеке.

— Вы хотите, чтобы Алекс привязался ко мне? — спросила прямо.

— Я... я просто хотел побыть с вами.

— Не обижайтесь, временами я колючая. Это от слабости и неуверенности. Поедем, только ненадолго. У меня больная мама, я обещала провести с ней субботний вечер.

Она пришла на встречу за пять минут до свидания, что так не свойственно женщинам. Узкие джинсы, вельветовый пиджак абрикосового цвета, корзиночка, как в старинных фильмах. Эндрю держал Алекса за руку. Но когда малыш издали увидел Петру, то с радостными возгласами рванул к ней. Они отправились в пригородный лес, где было озеро. Воздух пьянил бархатным сентябрьским теплом. «Небо синей скатертью мир накрыло грешный», — звучало в ушах

Эндрю. Однако небо было не синее, а чуть сиреневое, с белыми, как пена, облаками. Никто из них не замечали времени, лишь сакраментальная фраза Петры вернула всех к действительности:

— Мне пора. Уже два часа. Я должна ехать к маме.

Через несколько дней после волшебного пикника в лесу, Алекс забрался на свое заветное кожаное кресло. С трепетом в сердце, прикоснулся к зеркальной поверхности и почти мгновенно, увидел сидящую на софе тётю Петру. От избытка чувств, малыш не выдержал и расплакался. «А как же мама, мамочка... Где ты? Как же так?» Он рыдал, не сдерживаясь. Хорошо, что няня не слышала — смотрела вечный, без начала и конца, сериал. Алекс успел успокоиться, сходил в ванную, умылся. «Может, и не заметит», — подумал он.

Сериал кончился, няня позвала Алекса обедать.

— Всё в порядке? — спросила она.

— Да, как всегда.

По вопросу он понял, что няня что-то заметила.

Вечером, на ежедневном и кратком рапорте, она сказала Эндрю, что Алекс в обед был заплаканным.

— Он здоров? — спросил Эндрю.

— Мне кажется, да. Он с аппетитом съел обед и попросил добавку компота.

— Хорошо, — вздохнул отец, — я поговорю с ним.

Когда же увидел сына, то тотчас заметил его припухшие веки. Но решил ни о чём не спрашивать, даже намёка не сделал.

На следующий вечер сам Алекс рассказал отцу, что увидел в зеркале тётю Петру.

— Давай посмотрим на неё вместе... пойдём, пойдём, — и он потащил отца к зеркалу.

Эндрю встал рядом с креслом, Алекс забрался на подлокотник. Ребёнок взял руку отца, прижал его большую ладонь к зеркалу. И тут же моментально появилось изображение Петры. На этот раз оба видели её. Она сосредоточенно разрезала шоколадный торт, сидя на софе. Потом приподняла серые глаза и улыбнулась им загадочно, словно Джоконда.

Александра ЛЮМЭЛЬ

Родилась 22 июня 1975 г. в городе Ржеве. Окончила исторический и юридический факультеты в Ярославле. Работала юристом. С 2010 г. постоянно живёт во Франции, где сбылась её мечта о музыке: пишет песни и исполняет их на гуслях на русском и французском языках. Президент ассоциации «Фермата», основная деятельность которой заключается в популяризации оперной, классической музыки и балета для детей и молодёжи.

ТЕРМОМЕТР

Они вошли вместе, держась друг за друга.

Именно держась. Не поддерживая, не в обнимку. А именно держась. Я сразу обратила внимание на них. За время работы в пункте вакцинации от ковида, я ежедневно встречала разные супружеские пары. Чем старше были люди, тем счастливее они выглядели вместе, тем трепетнее относились друг к другу. Видимо, перед лицом вечности их общая судьба измерялась уже не временем, проведённым вместе, а отзывалась памятью о радостях и горе.

Но пара, пришедшая тем ранним апрельским утром, отличалась от всех, виденных мной до этого. Они не просто шли, слившись в единое целое, а казались неуклюжим четвероногим и четвероруким, подслеповатым существом.

Сначала я подумала, что это вызвано болезнью: женщина не ориентировалась в пространстве.

— Разрешите нам присесть рядом? — спросил мужчина. — У моей жены Альцгеймер, она может испугаться.

Поставив у моего стола ещё один стул, я продолжала приём. Как и положено, спросила:

— Ваша фамилия?

— Мадам и месье Левандович, — ответил мужчина, протянув идентификационные и медицинские карточки. Левандович Абрам и Левандович Мария, урожденная Коган.

В документах указано место рождения: «Минск, СССР».

— Вы из Беларуси? — спросила я уже по-русски.

— Да. А я тоже подумал, что и вы из наших мест: у вас акцент характерный и внешность такая знакомая.

— Мой дедушка из Барановичей.

— Слышал. Но ни разу не бывал там, не успел.

Заполняя досье, отмечаю год рождения: 1937.

Мне очень хочется с ними поговорить, но столько народа, надо торопиться. Для вакцинации необходимо проверить температуру. По санитарному протоколу это делается бесконтактным термометром, поднося его к открытой части лба.

— Сейчас измерим температуру, — сказала я и, ничего не подозревая, как обычно, направила на лоб Левандовичу термометр. Но тут же его супруга, страдающая Альцгеймером, схватив меня за руку и выхватив термометр, отшвырнула его далеко в сторону.

Растерявшись, я потеряла дар речи.

— Простите её, пожалуйста, — засуетился месье Левандович. — Машенька, милая моя, дорогая моя, всё в порядке, успокойся.

Он обнял её, и в мёртвой тишине раздался его извиняющийся голос:

— Пожалуйста, не обижайтесь на неё, — повторил он уже по-французски, нежно укачивая свою супругу. — В Да-

хау охранники «играли» с детьми таким образом: они заряжали один патрон в револьвер и, выстроив детей в шеренгу, крутили барабан, целясь по очереди кому-нибудь в лоб. Кому-то везло, а кому-то и нет. Маша была совсем малышкой, когда на её глазах убили братишку и сестрёнку. До освобождения дожили только мы с ней.

В зале слышались всхлипывания, причём плакали не только женщины. Одна из пациенток поспешила выйти, зарывав в голос уже у двери.

К нам подошла врач, молоденькая девушка, с покрасневшими глазами от плача и распухшим от слёз носом.

— Мы всё поняли, — тихонько сказала она. — Не нужно их травмировать, я заполню досье сама. Проверю лишь давление и пульс, этого достаточно.

И мои старички направились в палатку для прививки. Уходя после вакцинации, Абрам с Марией вновь подошли ко мне. Как и следовало ожидать, Мадам Леванович не узнала меня.

— Простите нас, пожалуйста. Она подумала, что меня снова пытаются пристрелить, как в Дахау. Всё забыла, что только можно, а вот поди ж — это врезалось в память.

— И с вами тоже так «играли»?

— Да, и с ней, и со мной. Я стоял в шеренге после её брата. Пуля не достала меня.

Мария взяла Абрама за руку по-особенному, сплетя пальцы.

— Вот так мы рядом в шеренге и находились. Чтобы Маша не хныкала — плакать было нельзя — мы брались за руки. Все стояли, прижав руки по струнке, мы же незаметно от всех переплетали наши пальцы. Может быть, потому до нас пуля не дошла. Всю жизнь так и идём рядом... После освобождения попали в американскую зону. нас оформляла датчанка-еврейка из Красного Креста, и хотя по номерам на руках нас быстро бы определили, что мы граждане СССР, она написала в документах, что мы датча-

не. Так мы оказались в детском доме в Копенгагене. А потом, став взрослыми, пытались найти выживших родственников. Для этого восстановили своё происхождение. Но никого не оказалось в живых.

— А как вы попали во Францию?

— Получив специальность инженера-аэродинамика, я был приглашён на работу в Тулузу. Рассчитывал, сколько можно сделать в крыльях самолётов дырок, чтобы аппарат обходился подешевле, летал подальше и перевозил побольше, — засмеялся он. — Я ведь вот так, как с вами сейчас, разговаривал с Юрием Гагариным, когда он в Тулузу приезжал. Ну, мы пошли. Машенька очень устала.

Мы попрощались. И они по-прежнему, держась друг за друга, медленно побрели к выходу.

Посмотрев им в след, я не смогла сдержать изумления. Было ли стремление выжить, желание не сгинуть в крошечном аду обычным инстинктом самосохранения? Не является ли та живительная сила любви и дружбы как раз той целью, которую хотят убить в нас разрушениями, утратами и смертями, не она ли есть та самая, истинная, не убиваемая, не сжигаемая никакими напалами и бомбёжками ценность, которая досталась нам за всё пережитое в награду?

Елена УЛИССОВА-ПИАНКО

Родилась и выросла в Ленинграде. Окончила романское отделение Университета им. Жданова. Живёт в Париже с восьмидесятых годов. Защитила в Сорбонне диплом (DEA) по французской и сравнительной литературе. Преподавала русский язык в лицеях разных городов Франции. Верной спутницей долгие годы была педагогика. Проза, прежде маячившая вдали, вошла позже в жизнь — стала публиковаться в альманахе «Из Парижска», Тургеневском ежегоднике (Орёл), антологии «Зимние сны». Жизнь — как капелька росы, блестит, сияет и... испаряется.

КАРИАТИДЫ

Пригороды Парижа в нашем веке плавно-безлико переходят один в другой. Постройки из серого бетона сурово смотрят на унылые, одинаковые улицы. Тоскливый пейзаж оживляют церкви, мэрии, чудом сохранившиеся элегантные особняки.

Один из особняков, построенный в XVIII веке, привлекал внимание строгим фасадом, портиком с кариатидами и заброшенным садом, где за пыльными окнами оранже-реи доживали свой век чахнувшие пальмы.

Дом принадлежал преподавателю истории и географии Жаку д'Арбону, получившему его по наследству от дяди-холостяка. Дядя, дородный, огромного роста, был под стать дому, и племянника удручала собственная шуплость телосложения. Его лучистые серо-зелёные глаза терялись за толстыми стёклами очков, и лишь вьющиеся каштановые волосы украшали правильные мелкие черты лица.

Часто на работе в лицее взгляд Жака блуждал, уходил куда-то вдаль, что казалось странным. Молчаливый, замкнутый, он мало с кем общался. Когда коллеги вели жаркий спор, он уходил в сторону, а когда кто-нибудь из них добивался, чтобы он высказал своё личное мнение, то ограничивался незначительной фразой. Жажда власти, колкость замечаний, злость были чужды его деликатной натуре. Как мимоза сжимается от прикосновения, так и он прятался при встрече с человеческой грубостью. «Странный человек, чудак», — шептались за его спиной. Как-то раз в разговоре о нём преподавательница немецкого языка обронила: «Да он же похож на героя Германа Гессе Гарри Аллера, он тоже «степной волк»!» — и прозвище быстро закрепилось за ним.

Одеждой Жак мало отличался от своих коллег: синие или чёрные джинсы, шерстяной свитер тех же тонов. Однако внимательный взгляд мог бы заметить, что пуловеры были из тончайшего кашемира, мягкие, лёгкие. Рубашки отличались безукоризненной белизной с накрахмаленными манжетами. Иногда «степной волк» приходил на работу в старинных рубашках с запонками — то золотыми, то из аметиста, агата и малахита.

С учениками отношения складывались неоднозначно. Чуткий к детям и их внутреннему росту, Жак мечтал не просто передавать знания, но на уроках пленять мечтой об открытии мира, подводить постепенно к мысли, что без знания прошлого нельзя глядеть в будущее. Однако большинство детей, гордясь молодостью и силой, недоверчиво относилось к старшим. Подросткам хотелось, чтобы жизнь

была свежа и весела без глубоких размышлений. Совместный поиск правды и красоты мало трогал их. Дети просто отсиживали отведённые на географию и историю часы. К тому же ученики чувствовали в «степном волке» какую-то загадку, это их отдаляло и смущало: необыкновенность мало привлекает в юности. «Господин д'Арбон» опять будет нам вправлять мозги, что за скука!» — переговаривались они в коридоре до урока.

Не в работе находил себя Жак д'Арбон: педагогический труд оставался необходимостью, насущным хлебом. Прилежно склоняясь в лице за тетрадками и готовясь к урокам, он хотел закончить работу и отдаться своей тщательно скрываемой страсти — архитектуре и литературе.

Домой он возвращался пешком. Прогулка помогала перейти в иное состояние духа. С юношеской лёгкостью проходил по парку: полётное движение очищало от житейской грязи и смуты. Красота здесь была в избытке: европейские деревья — клёны, ели, сосны и берёзки — соседствовали с деревьями из далёких земель — ливанским кедром, древней секвойей, марокканским кипарисом и японской вишней.

Парк заканчивался и «степной волк» выходил на улицу, обрамлённую старыми каштанами. Деревья немного скрывали высотные дома, фундаментальные, основательные, функциональные, начисто лишённые гармонии. Жак проходил улицу быстро, стараясь не замечать некрасивость.

И вот он у себя. Часть комнат была необжитой: большие помещения требовали ухода не одного человека, а Жак д'Арбон не имел денег на прислугу. Он проходил холодный огромный вестибюль с четырьмя дверьми в большую и малую гостиную, столовую и спальню дяди. В центре вестибюля широкая лестница в виде меандра, — символа бесконечности — вела на верхний этаж. Жак чувствовал себя здесь неуютно и стремительно поднимался по лестнице.

На втором этаже начиналось его царство. Он наполнял ванну горячей водой и долго мылся, наслаждаясь теплом. Потом тщательно расчёсывал кудри черепаховым гребнем и одевался. Это был своего рода ритуал. То он облачался в приталенный шёлковый белый жилет, чёрные брюки и чёрный сюртук, то в белоснежную старинную рубашку и светло-серый костюм цвета утреннего тумана, то в одеяния состоятельных испанцев семнадцатого века. Последний комплект был особенно изысканным. Жак купил его в Мадриде в антикварном магазине.

На втором этаже располагались также спальня, галерея с портретами предков, рабочий кабинет и небольшая синяя гостиная. Крутая лестница вела на чердак, где когда-то жили лакеи. Жак с наслаждением ужинал в синей гостиной. Её светло-синие стены с деревянными панелями успокаивали, ласкали глаз. Если у него было свободное время, он расставлял в вазы букеты в сине-белой гамме под цвет гостиной: синие ирисы с белой сердцевинкой, белые розы и далии, синие колокольчики и дельфиниумы. Но самым любимым цветком оставалась синяя гортензия — намёк на его кумира, Робера де Монтескую, сделавшего из синей гортензии эмблему прекрасного из-за её странного и несколько мрачного цвета.

Меньше всего из комнат второго этажа Жак любил галерею: грозное и благородное прошлое семьи накладывало обязанности и тяготило. Его род уходил корнями в средневековье. Входя в галерею, он чувствовал гордость и горечь: переплетались два видения истории — отстранённое, объективное отношение историка-профессионала к прошедшему, и живое, телесно-ощутимое чувство причастности предков к известным событиям. Само название Франш-Конте было объёмно — Независимое Графство. Из множества толкований Жак был склонен к истории, произошедшей в XII веке: Рено III отказался подчиняться императору Лотарю II. За непокорным вассалом закрепилось прозвище Независимый, которое распространилось на земли Графства.

В галерее висели портреты предков. Часто Жак останавливался перед одним из них, написанным в 1347 году. Даже если он и не восхищался женской прелестью, но всегда с состраданием всматривался в нежные черты молодого лица. Марго Бонвиллье... Чудный чистый профиль, тёмный мягкий взгляд, светлые длинные волосы с рыжеватым оттенком, убранные в затейливую причёску с тонкими косичками, украшенными жемчугом. Свободные вьющиеся пряди обрамляли продолговатое лицо. Маленькая грудь невинно открыта. Коралловое ожерелье подчёркивает белоснежность кожи.

Грозный 1347 год... Целых пятнадцать лет будет в стране свирепствовать чума. Не выживет и Марго. Кто знает, была ли она во время эпидемии среди тех, кто закрывался наглухо в доме, опасаясь дыхания, прикосновения других? Или же она бежала из города в лес, скрываясь на вершинах гор, изнемогая от голода и ледяного ветра? Или же, в лихорадочной жажде жизни, участвовала в бесконечных мрачных празднествах, наслаждаясь каждым дарованным мгновением, танцуя ночами при свете факелов под звуки флейты и лютни, слыша в музыкальных вариациях зловещие отголоски близкой гибели? Жак мог только гадать, как погибла прелестная Марго.

А что осталось от когда-то гордо возвышающихся замков баронов Франш-Конте? Одни живописные развалины. Претендуя на земли области, французские короли снесли замки — символы власти и сопротивления. Людовик XI начал разрушать замки, а завершил уничтожение король-Солнце, Людовик XIV.

Галерея заканчивалась самым приятным уголком для Жака: портретами Жильбера Кузена и Жана Жирардо, историками-летописцами. Жильбер Кузен, учёный-полиглот эпохи Возрождения, ученик Эразма Роттердамского, владел греческим, древнееврейским и латинским языками. Труд по латыни Жильбера Кузена *Описание бур-*

гундского графства рассказывал о бедствиях жителей Франш-Конте. Жан Жирардо продолжил его дело, написав книгу *Десятилетняя история Франш-Конте и Бургундии*. Переизданная в Безансоне в 1843 году, его книга украшала библиотеку д'Арбона-младшего.

Страстный поклонник величайших умов, не случайно Жак больше всего в особняке ценил свой кабинет с богатой библиотекой. Белый, с золочёными деревянными панелями, кабинет был выдержан в стиле XVIII века и заставлен книжными шкафами из резного дуба. Владельцы особняка собирали библиотеку в соответствии со своими вкусами. Дамы прельщались романами о рыцарских чувствах, о благородстве высокой любви в светских произведениях Кретьена де Труа и Маргариты Наваррской. Мужская часть библиотеки носила несколько игриво-вольный характер. На полках стояли стихи Франсуа Вийона, роман о Гаргантюа и Пантагрюэле Франсуа Рабле, *Декамерон* Бокаччо, эротическая литература маркиза де Сада и Казановы. Поклонник поэзии, дядя коллекционировал поэтические сборники, а Жак дополнял библиотеку произведениями, отражающими его личную страсть: книгами по архитектуре, истории, литературой своих кумиров: Робера де Монтеस्कью, Пруста, Оскара Уайльда и Барбе д'Оревилю.

Да, «степной волк» тайно отдавал дань дендизму, о чём смутно догадывались в школе коллеги и ученики. Его девизом были слова Шарля Бодлера: «Дендизм — не чрезмерное чувство изящного в области вещественной эlegantности. Для подлинного денди вещи являются лишь символом аристократического превосходства ума, гимнастикой, укрепляющей волю и дисциплинирующей душу».

И — верх изысканности — одежда Жака, имитирующего Робера де Монтеस्कью, соответствовала убранству комнаты, в которой он находился. Одетый в серый костюм, он ужинал и пил вино в синей гостиной. Посещая галерею, он облачался в старинный испанский костюм, символ трудной

встречи с предками. Он помнил наказ Оскара Уайльда: «В каждый момент нашей жизни мы являемся теми, кем мы станем, и теми, кем мы были. Искусство есть символ, потому что человек есть символ». Гуляя по галерее предков или же сядя за письменный стол, Жак мечтал сохранить красоту прежних веков благородством манер и поведения.

Лишь в спальне позволял он себе некоторое «неглиже» в одежде, надевая малиновые шёлковое кимоно, сочетающееся с красно-золотистыми шторами и пурпурным цветом стен.

Одиноко, в размышлениях и чтении, проводил он время, совсем не как его жизнелюбивый богатый дядя. Тот прежде пленялся обществом женщин, и в особняке слышался кокетливый смех очередной дядиной возлюбленной. Теперь же здесь царила тишина, лишь мелодично тикал маятник настенных часов, да в сумеречные зимние вечера пощелкивали дрова в каминах спальни и кабинета. Равнодушный к женским прелестям, Жак не жаловал карриатид, добавленных дядей к особняку. Они чувствовали неприязненное отношение, страдали и ночами переговаривались друг с другом:

— Как было весело и беспечно при прежнем владельце!

— Проходя мимо, он временами останавливался и глядел складки нашего платья.

— Не только платья, иногда он ласково проводил рукой и по нашим лицам, и по вьющимся волосам. Мы чувствовали себя нужными и любимыми!

— Помнишь, сестрица, дом постоянно полнился людьми. Через раскрытые окна доносились шум и веселье: гости д'Арбона-старшего играли в карты в малой гостиной.

— Правда твоя, и не раз возбуждённые игроки выходили во двор покурить, стояли рядом с нами, обсуждая игру в вист и в пикет, в покер и в бридж.

— Наш остроумный хозяин радовал общество, сыпал прибаутками и поговорками.

— Да, собиралось порядочное общество! Выигрывал тот, кто лучше понимал психологию и стратегии противников.

— Конечно, карточная игра — своего рода дуэль, иногда возникали конфликты, но хозяин умел сглаживать их весёлым словом и шуткой. К тому же он щедро поил победителей и побеждённых шампанским.

— Благородство поведения сочеталось с уютом. Все пили кофе или зелёный чай лучших сортов. Уходили всегда с благодарностью. Жалко только, что за карточным столом сидело сугубо мужское общество.

— Знаешь, для меня самый прекрасный день в году был майский бал. Вот когда можно было полюбоваться на красивых женщин!

— Мне тоже больше нравился такой вид приёмов. За несколько дней до бала лестницу покрывали красным ковром, вестибюль был пышно убран растениями и вазами с цветами. Настраивалось фортепиано, а временами приглашался даже целый оркестр.

— Сияя улыбкой, хозяин встречал нарядных гостей. Дамы были в бальных платьях с декольте, мужчины во фраках. Все умели танцевать и непринужденно чувствовали себя в непривычных костюмах.

— Дай вспомнить, ведь порядок танцев был разный. Имитируя ритуал XIX века, господин д'Арбон открывал вечер польским полонезом, затем шёл менуэт, кадрили.

— Мне безумно нравился кульминационный момент: мазурка с причудливыми фигурами и мужским соло с антраша.

— Да, темпераментный танец!

— А затем шёл котильон, шаловливый, с играми: танцующие должны перепрыгнуть через платок. Какие взрывы хохота слышали мы тогда, какие весёлые пары выбегали на двор отдышаться!

— Бал в духе XIX века заканчивался вальсом.

— А бал XX века, наоборот, открывался вальсом и заканчивался полонезом. Во время прощального танца каждая пара, проходя мимо нашего хозяина, кланялась, выражая признательность.

— Канули в прошлое размах и широта прежней жизни! Д'Арбон-младший живёт затворником, что-то ждёт нас в будущем? Помнишь, как-то раз, проходя рядом с нами, он сказал: «Зачем имитация кариатид Шатобриана? Подражание, да ещё и не совсем удачное — у меня перед домом не кариатиды, а кариатидки! Лучше бы дядя заказал атлантов!»

— Наверное, он нас презирует!

Шли дни за днями. Стояли понуро кариатиды, тосковали по прошлому.

Как-то раз на верхнюю часть портика сели две ласточки и принялись разговаривать:

— Отдохнём немного в этом саду перед перелётом в Петербург.

— А где ты хочешь свить гнездо?

— В Гатчинском дворце. Конечно, в парке всегда много туристов, но на чердаке тихо, птенцам будет спокойно, а в окрестностях много мошек и мух, не надо за ними далеко летать. А ты?

— О, меня, несмотря на многие неудобства, тянет постоянно в самый центр Петербурга. Как и в прежние годы, хочу выводить птенцов на чердаке Нового Эрмитажа. Кошки туда не заглядывают, они охотятся на крыс и мышей в погребе. Всегда там люблюсь красавцами-атлантами.

При упоминании атлантов, кариатиды не выдержали:

— Ласточка, милая ласточка, передай от нас привет нашим названным братьям!

— Хорошо, выполню вашу просьбу, — согласилась та.

Прошло два месяца. Перелетая в Гавайи из России со своими птенцами, ласточки остановились в особняке Жака. Им несказанно обрадовались сёстры-кариатиды.

— Милые сёстры, — сказала им одна ласточка, — не могу вас порадовать хорошими новостями, атланты мало заинтересовались вами. Они слишком красивы и привыкли к поклонению и славе. Гордые, чванливые, стоят они, подерживая портики, их тёмные мускулистые тела блестят в редких северных лучах. Молодые супружеские пары фотографируются на их фоне. Вытерев платком ноги атлантов, невесты целуют на счастье их пальцы. Атлантам не до вас. Когда я рассказала о парижском особняке, передав ваши пожелания, семеро надменно промолчали, и лишь восьмой передаёт вам привет.

Грустно выслушали недобрую весть кариатиды. А ласточки, попрощавшись с ними, продолжали свой путь.

Шли дни за днями. Мэрия города задумала строить неподалёку от особняка метро. В дом стали наведываться подрядчики. Они напоминали кариатидам жужжащих оводов: жадно вились вокруг Жака, наперебой предлагая крупные суммы для разрушения дома.

Жак задумался. Продав своё имущество, он мог бы бросить работу в лицее и полностью погрузиться в свой любимый мир архитектуры и путешествий. На свои скромные средства он ездил уже в Грецию, Италию и страны Магриба. Получив же большие деньги от продажи, он смог бы объехать весь земной шар! Предаваться своей страсти к путешествиям не время от времени, но без конца, запоем, было необыкновенно соблазнительно. Идея неожиданного быстрого обогащения, реализация тайных вожделений мучительно-остро сидела в голове, не оставляя покоя ни днём, ни ночью.

Работы около дома были шумными и грязными. Пыль покрывала портик и толстыми слоями садилась на кариатиды. Серыми, жалкими, несчастными выглядели они теперь. «Умереть в молодые годы? Быть разбитыми на куски? Какая жестокая судьба!» — шептались они ночами.

И снова ласточки сели на портик перед перелётом в Петербург и испугались, увидев страшные перемены. Несчастливые кариатиды стали прощаться с ними, объясняя, что их могут уничтожить в скором времени. Заплакали ласточки от сострадания, но собрались в путь. Во время полёта у них возник план, и они поделились им со своими спутницами.

В Петербурге ласточки решили умолить атлантов помочь кариатидам. По-прежнему сурово и непреклонно глядели семь атлантов, ни один мускул их лиц не дрогнул от жалости. Но восьмой атлант сказал:

— Милые ласточки, если сможете отколоть кусочек от моего пальца ноги и подарить его девушкам, он спасёт их, ведь я наделён божественной силой.

Ласточки принялась в темноте за работу. Но их маленькие клювы были слишком слабы. Тогда они догадалась привлечь к делу дятла. И — о чудо — своим длинным, сильным клювом он отколол кусочек от пальца. Схватив ценный груз, две ласточки отправились в обратный путь, перекидывая на лету друг другу волшебный амулет. И вот одна из них торжественно вложила талисман в складки одежды кариатиды.

В эту ночь Жаку приснился странный сон: в его спальню вошли девушки с дядиного портика. Послышалась тихая музыка флейты и лиры, и они грациозно закружились. Развевались прозрачные хитоны, открывая молодые стройные ноги. Руки, как крылья птиц, то поднимались высоко в воздух, то опускались вдоль тела. Изящно поворачивалась длинная шея, вьющиеся волосы потоками струились по спине, лёгкая умоляющая улыбка блуждала на губах. Закончив танец, девушки опустили около постели. Их тела перевились в виде венка. Жаку даже слышалось, что они прошептали: «Помоги нам избежать участи счастливого принца!»

Он проснулся и подумал: «Да это же вещий сон! Счастливый принц — намёк на сказку Оскара Уайльда, в которой статуя принца просит ласточку снять с него богатые одежды для бедных, а городские власти, увидев принца не золотым и блестящим, выбрасывают его на помойку! Имею ли я право уничтожить то, что принадлежало предкам три столетия? Встать на роковой путь разрушения, отдаться дьявольским искушениям, да я же стану подлецом и убийцей! Мне даже кажется, что кариатиды вовсе не дурнушки, какая прелесть была в их ночном танце! Наверное, я просто плохо разглядел их из-за своей близорукости. Кажется, они мне кого-то напоминают. Ах, да, вспомнил! Милую Марго! Та же мягкая улыбка, те же тонкие черты лица и длинные волосы».

Утром он взял пылесос и убрал с портика пыль. Затем тщательно мыльной водой помыл статуи, окатил чистой струёй. К своему крайнему изумлению, нашёл в складках одежды одной кариатиды кусочек тёмного серого гранита с высеченным большим пальцем ноги. Было видно, что шлифовал гранит талантливый мастер. Жаку показалось, что кусок гранита был тёплый. Как он попал сюда? Он унёс гранит в кабинет, бережно убрал в шкатулку из янтаря.

Вернувшись к портику, внимательно пригляделся и вдруг проникся незамеченной прежде неяркой красотой статуй, улыбнулся, обрадовался своему открытию.

С этого знаменательного дня характер Жака изменился. Он категорически отказал подрядчикам. На работе стал улыбчив, больше не сторонился учителей, даже пригласил некоторых к себе в гости. Вновь зазвучал в доме смех. Кариатиды снова увидели весёлую публику, конечно, не такую элегантную, как во времена д'Арбона-старшего, но непринуждённую, раскованную. Некоторые коллеги настолько прониклись красотой особняка, что предложили помощь Жаку.

Общими усилиями привели в порядок оранжерею, заброшенный первый этаж, добились от мэрии, чтобы дом стал охраняемым архитектурным памятником.

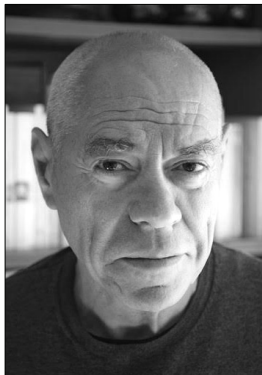
Раз в году д'Арбон-младший приводил к себе в галерею школьников, рассказывал о своих предках из Франш-Конте. Живые рассказы и семейные портреты помогали детям проникаться интересом к истории.

Амулет-талисман и женская красота вёли с тех пор Жака д'Арбона по жизни.

Владимир ЧЕРНИН

Режиссёр, продюсер, со-хроникёр, автор и актёр французского телевидения, Владимир Чернин одновременно увлекается эпистолярным творчеством. Он — автор искрящихся юмором рассказов. Один из них предлагается вашему вниманию.

БОБИК, КОТИК И ФРАНКУША

Зовут меня Семён Нечведюк, и живу я в Париже. Один приятель мне и говорит: «А чего ты, дядя, по-русски не пишешь? У нас сейчас чего только не издаётся, может, и ты спонсора найдёшь». Ладно, купил это я по интернету русский шрифт на кусочке пластика и наклеил его на свои латинские клавиши. Вопросительный знак клеить некуда, так что я его из латинской системы заимствую. В Париже много нашего народа кучкуется, но для начала я вам расскажу про Кузю Дуплинского. Он здесь рядышком в одиннадцатом районе мыкается. Фамилия, конечно, у Кузи не однозначная, с экивоками, но выбирать особо не приходилось. Дуплинский он по матери, а по папе он, вообще, Немнихер. Когда фамилию выбирали, папа сказал, что Дуплинский звучит более по-мужски. А имя «Кузьма», родите-

ли ему дали для того, чтобы сразу было видно, что это человек русской культуры. И Кузя им был, читал он запоями... ну и пил так же. Но если в России он выпивал невменяемо, то здесь в Париже Кузя тихий. Он кушает по-французски красненькое и жалуется на печень и поджелудочную. Из плодово-выгодных (французы говорят: «красное которое пачкает») предпочитает недорогой «Котик» (*Côtes du Rhône*), мотивируя тем, что он, «Котик», всегда имеет не менее 12,5° на этикетке и что у которых ниже 12°, у тех повышенная кислотность. Но главное не в Кузиной способности трескаться «Котик» с утра до вечера, а в том, что с ним вечно случаются какие-то истории. В этом и есть интерес Дуплинского как индивидуума. Он, конечно, рассказывая, расцветчивает. Но каждый автор имеет право на гиперболу, даже если яркость рассказа прямо пропорциональна количеству усугублённого. Как правило, у Кузи всегда есть чем подтвердить свою словесную экспансивность, фотография или книга с дарственной. А как он саму Катрин Денёв в щечку целовал, я лично видел, но об этом потом. А тут ещё и фильм где он с Бобиком снимался. Бобик это он для него, а для нас с вами он Роберт, Роберт де Ниро. Что? Какого-такого? Но возникать не приходится, факт на лицо: вот вам Кузя, а вот де Ниро, стоят по бокам красной машины, толкуют о важном, и Жан Рено тут же голос подает, что-то Кузе доказывает. Каково! Я вам, конечно, всё расскажу с его Кузиных слов, а вы уж сами делите на четырнадцать, для себя я уже поделил!

А дело было так. Знакомые знакомых Кузи... все Кузины рассказы начинаются именно так и, что удивительно, они с «Котиком» никуда из своей конуры не выходят, спрашивается, откуда у него такое море знакомых? Значит, знакомые знакомых Кузи (киношные люди) искали русский типаж с тухлым взглядом на малюсенькую роль в большом американском фильме. Что касается взгляда,

то это правда, у Кузи он побит изрядно неуёмным количеством скушенного, но русский типаж, я извиняюсь! В Париже можно и порусопятей найти, и не очень напрягаясь. В арабских лавках, где Кузя иногда «Котиком» затоваривается, они его за своего принимают, начинают с ним на ихнем лопотать. Я это к чему, вот у меня и голова подсолнухом, и глаз голубой, и еще потухлее Кузино будет, и верчусь-то я колбасой на всех парижских тусовках, но что-то мне никто ничего не предлагает. Обидно!

Короче, поехал Кузя на первый просмотр в волнении. Про даму, которая должна была его прослушивать, ему сказали, что она набирала массовки еще для немного кино и что она всю жизнь только этим и занимается. Был у неё, правда, один небольшой перерыв. С 42 по 45 год, с сотнями тысяч других фигурантов, она отправилась на массовку в Освенцим. Кузя видел сине-поблекший номер на её руке. Ещё ему сказали, что это она открыла миру Жульет Бинош и Изабель Аджани. Когда Немнихер встретил её в первый раз он, по его словам, так и прикипел к полу. Эта память французского кинематографа как две капли воды была похожа на маму Мишки Шнурова, светлой памяти, Любовь Михайловну.

Так вот у этой французской бабуси, которую все звали Марго, похоже, был такой же бамбуковый радикулит, то есть она передвигалась буквой «зю» как мама Шнурова. Объяснить, как это Кузя не мог, говорит надо видеть. Говорила Марго тоже голосом Любовь Михайловны, но по-французски. Что ещё поразило Кузю, кроме таких же, как у Любовь Михайловны рейтуз, обтягивающих сучковатые ножки, так это ботики «прощай молодость» с молнией наверху! Именно такие носила всю свою жизнь мама Шнурова. Дуплинский всегда думал, что их нигде кроме как в СССР не производили. По словам Кузи, они с Марго сразу закорешковали. Не выдержав, он её спросил, не было ли у нее родственников в Москве.

— Как знать, как знать, — улыбнулась гордость французского кино.

Она не стала скрывать, что кроме Кузи у неё есть еще пять претендентов, реальных актёров. Сказала, что его сцена маленькая, но с Бобиком и Жаном Рено, и что фильм делает сам Франкенаймер. Марго пересадила Кузю на стул перед камерой, велела сделать зверское лицо, дала в руки текст, и приказала оператору врубить. Они сделали три пробы, и каждый раз двойник Любовь Михайловны кричал на Кузю, чтобы он делал противно-недоверчивый глаз в камеру. Дело в том, что его будущая роль хозяина подозрительного парижского гаража была лишена всякого смысла и служила лишь предлогом для показа афиши балета на льду. Тем не менее, в фильме за пятьдесят миллионов долларов Франкенаймер имел право даже для такого пустяка потребовать самый тухлый русский глаз во Франции.

Она сказала Кузе, что кассету отправит *самому*, что ответ надо ждать через пару недель и что он (Франкенаймер) специально приедет в Париж на него и на других двухминутных посмотреть и дать добро.

— Дяплунской, — Кузя услышал голос Марго в трубке ровно через пятнадцать дней. — *Сам* приезжает через неделю, встреча в отеле Сен Джеймс, у тебя хорошие шансы.

Кузя только и успел сказать: «целую крепко, ваша репка». Он так разволновался, что забыл выпивать, все проекты строил, как он с Бобиком познакомится, а там, чем чёрт не шутит, и подружится. Это же надо! И ведь жизнь его прикладывала неоднократно, ан нет, каждый раз он снова взбодрится, кричит, что нашел свой голубец и теперь все пойдет по-другому. Я и то боюсь, а вдруг и впрямь, в один ненастный день выдует Кузю из его конуры на Монпарнасе. Упорхнёт он в какие-нибудь более сытные места и будет попивать Шато Икем урожая 18... лохматого года, а «Котик» и все, что было с ним связано, останется побитой молю ностальгией.

Что не волновало Кузю, то это как одеться на встречу. Вопрос решился быстро, выбирать в Кузином гардеробе не приходилось, ну а у меня все на два размера меньше. За полчаса до назначенного времени Кузя, трезвый с утра, уже стучал хвостом по мраморному полу в холле отеля Сен Джеймс. Он, конечно, понимал, что Франкенеймер в местной «Ярославской» останавливаться не будет, но здесь чувствовался класс: повсюду ар-деко, мрамор, глубокие кожаные кресла, а главное много места. Марго со своей помощницей накатили откуда-то сбоку на неопомнявшегося Кузю.

— Дембелёвский, — заскрипела бабушка французского кастинга, — он ещё двух посмотрит, а потом я тебя представлю. Она была неузнаваема: строгое, глухое (воротник «Мао») красивое платье, новые «прощай молодость», тщательно уложенные остатки волос и даже немного макияжа на плиссированных веках. Во рту у Кузи было сухо, и он задорого оскормился у бара стаканом минералки. Всё правильно, подумал Кузя, платя непомерные деньги, ар-деко надо оправдывать. Время остановилось для Кузи, и вдруг углом глаза он почувствовал движение в глубине холла. Повернув голову и поперхнувшись, Кузя увидел Марго с ассистенткой махавшими руками как Робинзон с Пятницей при проходе парусника. Кузя ринулся к ним. Марго быстро его осмотрела отсутствующим профессиональным взглядом, одернула на нем курточку и окинула его глазом Любовь Михайловны. В далёком прошлом, мама Шнурова после получасовых нотаций и причитаний всегда давала Кузе трёшку на похмелье. Кузя узнал этот тревожно-жалостливый взгляд и всхлипнул носом, как и у всех сиренево-злоупотребляющих, слезоточивая Кузина железа врубалась с пол-оборота. «Прощай молодость» зашаркали в сторону приватного салона, Кузя с ассистенткой за ними. В салоне не было ни души и только в его уютной глубине, за широкой спинкой кресла виднелась сильно заросшая седая макушка да болтающаяся на подлокотнике нога в мод-

ном ботинке на толстой кожаной подошве. Обошедши кресло, они все трое уселись на стулья, расположенные полукругом перед режиссёром «Узников Алькатраза». Маэстро был пьян по-светски. Он прихлебывал что-то цвета виски из широкого хрустального стакана и закусывал после каждого глотка левой щекой, пожевывая её изнутри. Наш человек, — сказал себе Кузя, — практик. Сразу было видно что Франкенеймер, хоть и утонувший в кресле, мужчина здоровенный, где-то под два метра. Лицо из приятнейших хоть и слегка порепанное, как у всякого практикующего. Интересно, что у него в стакане, подумал Кузя безотносительно. — Вот значит, Кузьма Дюбядинскёй, — Марго бросила взгляд в свой блокнот, — пардон месьё, Дуплинский его фамилия. Он не профессионал, но посмотрите, какая рожа, как вы просили, маэстро. Марго старалась поймать взгляд режиссера, который смотрел на Кузю. Кузя тоже посмотрел на него. «Возьмет, — почему-то вдруг спокойно решил он, — к бабке не ходи гадать, возьмёт».

Откуда у него появилась эта уверенность, Кузя объяснить толком не мог, но задним числом предполагает, что, встретившись взглядом, они поняли, оба два, что являются членами нашего Всемирного Ордена Алконавтов (ВОА). Маэстро заговорил на приличном французском: «Вы никогда не снимались в кино, неважно, ваша голова мне нравится», — и он смешно подмигнул Марго с ассистенткой. Дамы обмякли на стульях, выдохнув в унисон.

В следующий раз Кузя увидел Франкенеймера только через пару месяцев, уже на съёмках. До этого у него был однодневный стаж в настоящем гараже. Туда Кузю привез закреплённый за ним Мерседес 600. Он выкурил с механиками по сигарете, и они ему сообщили, что им заплатили за него по полному тарифу как за два рабочих дня. После этих слов Кузю отвезли домой. Он уже ничему не удивлялся — немереные деньги чувствовались повсюду. Так Кузин гонорар за один день съёмок превышал его месячное пособие по безработице. На съёмках у него, как

у всех двухминутных, был свой собственный роскошно экипированный *camping-car*. В этом автобусе можно было хоть сейчас отправляться на край света. Покуривая на огромном диване и посматривая на огромный экран телевизора, Кузя размышлял о превратностях бытия. Сходить на своих двоих в туалет, расположенный в пятидесяти метрах от его автобуса, Кузя не мог. Он имел право передвигаться пешком только на съёмочной площадке. В туалет его возили на Мерседесе и... ждали на выходе, чтобы поздравить с облегчением и отвезти назад в автобус. Довольные лица французов, занятых на съёмках, выражали готовность выполнить любое пожелание заказчика. Воздух потел благополучием. Никогда, даже в бывшем Союзе, Кузя не видел столько сачков, объединённых во времени и пространстве. На одного забивающего гвоздь было не менее трёх проверяющих. За Кузей лично ходили два улыбающихся господина при галстуках. Они переставали улыбаться и сосредотачивались только когда он приближался к красной машине, которую по задумке надо было чинить под суровым взглядом де Ниро. У Кузи и прав то никогда не было. Он, конечно, гаечный ключ на крыло бросает, а те, при галстуках, в четыре руки подхватывают. Он бросает, а они подхватывают! Потом один из них так ненастойчиво спрашивает заторможенного Кузю:

— У вас, господин артист, простите, какая машина будет!

— Я в основном на велосипеде...

— А-а-а-а... то-то я себе и говорю... машинка вот эта... «Феррари» называется, ага. Последняя модель, значит. Вы вот ключик на крылышко бросаете, а оно одно на полмиллиончика застраховано в нашей компании. Вам ежели непременно надо ключик куда-нибудь бросать, вы нам на ножки и бросайте, дешевле будет. «Ишь ты, уменьшительными суффиксами заговорил! Как с пятнадцатилетним отморозком!» — опечалился Кузя.

— Одним словом пристыдили они его. Но аккуратно, чтобы он свое артистическое вдохновение не потерял.

— Не расстраивайтесь, вы же не профессионал, — возник его двухминутный напарник. Настало время о нём рассказать. Этот бывший советский актёр играл переводчика, который приводит де Ниро и Жана Рено в Кузин гараж. По сценарию они не знакомы. По идее, этот неизвестно откуда взявшийся переводчик, должен был охмурить Кузю в три секунды, дабы тот их свёл с чёрт знает какими, русско-парижскими бандитами. Напарник вид имел болезный, бородку носил клинышком. Чем-то походил на всесоюзного старосту Калинина, но без очков. Он сел Кузе на ухо с утра, потрясая страничкой текста.

— Возмутительно! Даже сценария не прислали. За кого они меня принимают?! И кто он такой, этот де Ниро, я его не знаю. А наша сцена! — он тыкал бородкой в страничку, — вам всё равно, вы не актёр. А мне каково! Таких тупых диалогов мы даже во ВГИКе не писали.

Здесь Кузя был с ним полностью согласен. Американские ребята-сценаристы или по обкурке, или как, ну такого понастрочили, ну такого... Судите сами. По сценарию Кузя является хозяином левого гаража, где самые крутые новые русские чинят свои Феррари и прочие Роллс-Ройсы. Само собой, такой человек должен уметь держать язык за зубами и как чумы остерегаться незнакомых говорящих на птичьем языке. Дабы не было разночтений, я вам приведу всю сцену по памяти.

Хитлик — переводчик, бородка вперёд *à la* Иван Грозный, нарисовывается в гараже. Де Ниро и Рено двигаются за ним. Трио подходит к машине. Кузя сопит над мотором, пытаясь отвинтить какую-то припаянную деталь. Два страховщика молча страдают в публике. Бородка обходит машину и подходит к Кузе:

— Вы в Париже давно живёте?

Кузя (*пытаясь отодрать деталь*):

— Давно.

— Народу много знаете?

— Знаю, знаю...

Здесь встречается Жан Рено, который неожиданно стал понимать по-русски:

— Речь идёт о тех, которые по-крупному в карты играют, ездят на больших машинах и у них куча денег.

Переводчик:

— Те у кого есть дипломатическое прикрытие... бывшая номенклатура...

Кузя:

— Из КГБ что ли?

Переводчик:

Может и из КГБ... знаешь, те, что носят шапки из ценного меха... одним словом доктор Живаго (*дословно*).

Кузя (*вроде как догнал*):

— А-а-а... те что с охранниками...

Переводчик:

— Ну вот ты всё и понял. Ты нам таких можешь найти?

Кузя (*профессионально вытирая руки ветошью*):

— Нет времени, нету...

Переводчик (*похлопывая Кузю по руке*):

— Найди время-то, найди...

Кузя (*вместо того чтобы послать его в баню*):

— Ну ладно, пошли со мной...

И они все направляются к настенному телефону, где сцена продолжается ещё минуту, но там Кузя уже на заднем плане. Нет, ну как вам это нравится? Какой, в Красную Армию, доктор Живаго? Какие, в болото, шапки? Из какого ценного меха? Нет, такого натошак не напишешь. Но Кузе было без разницы, в отличие от своего напарника его профессиональная гордость не страдала. Он с нетерпением ожидал появления Бобика.

Но первым образовался Франкуша. Кузя переименовал режиссёра из симпатии и для краткости. «Не опохмелялся, бедолага», — определил Кузя. Он с сочувствием осматри-

вал его лицо, не понимая, откуда у него возникает впечатление, что голову режиссёра как бы слегка перекособочило. Переводчик скривил рот и засипел в направлении левого Кузиного уха: «Парик! У него парик!». Кузя присмотрелся и точно! Парик не парик, но густая седая шевелюра как бы подалась вправо, обнажив с другого боку невинный детски-старческий пушок. Переводчик, руки за спиной, удовлетворённо раскачивался с пятки на носок, глядя вверх на голову Франкуши. В этот момент тот обернулся и встретился с ним взглядом. Он сразу понял, в чём дело, его лицо из сиреневого стало сизым. Нахлабучив бейсбольную кепочку, он ещё раз посмотрел на бородку, прищурившись. Кузя тоже. Переводчик не успел стереть улыбку с лица и понял, что попал на каркалыгу. Продолжая щурится на бородку, Франкуша начал хрипеть указания пяти-шести помощникам, которые тут же перекрикивали их дальше. Киношный муравейник оживился. «Режиссёру я не приглынулся» — напарник искал сочувствия в Кузином взгляде. «Наплюйте, вы же профессионал, вам его немилость как моряку брызги» — утешал Кузя. «Как бы и меня не окатило по соседству», — подумал он, независимо отворачиваясь. Во время этого манёвра в его поле зрения попал коренастый, рыжеватый господин. Кузя продолжал отворачиваться, когда в его мозгу стукнуло: «Не может быть! А почему он рыжий?». Его голова непроизвольно дернулась в обратную сторону, и он уставился на шантрета, неприлично отвесив нижнюю губу. Рыжий посмотрел на него хмуро и вдруг подмигнул. Здесь я всё-таки должен сказать пару слов от автора. Как всё происходило на самом деле, мы с вами никогда не узнаем, и чем больше проходит времени, тем более эта история обрастает деталями и подробностями как подводная скала мидиями. А как может быть иначе?

Одним словом (Кузиным словом) между ними возникла симпатия. Кузя судорожно проверил свои запасы английского, удивляясь, что из малых они превратились в несуществующие. Но все равно, в этот момент было не до хорошего.

Даже Кузя понимал, что уже одиннадцать, а на съёмочной площадке ещё и конь не валялся. Появился здоровенный Жан Рено. Тележка с камерой наехала на ногу страховщика. Начали репетировать. «А как, вообще, в кино играют?» — успел подумать Кузя в состоянии анабиоза, глядя на приближающихся к нему переводчика, Бобика, и полтора Ивана. Переводчик обошёл машину, приблизился к Кузе и начал размахивать руками. Франкуша только этого и ждал. Глаз его зажёгся злорадно. «Not russian théâtre!!! Not Stanislavski... It is a movie... Кино... кино... Understood? Играть просто... not big émotions, not exagérations, take it easy!» — вопил он, размахивая руками для наглядности, как не надо делать. Короче, с этого момента Франкуша сделал всё чтобы жизнь «бородке» мёдом не казалась. Даже после обеда (переводчик уверял, что видел Франкушу что-то сосущим из фляжки), подобрев и разгладившись лицом, режиссёр продолжал его доставать. И как это часто бывает, для Кузьмы эта история сольдировалась сплошным бенефисом. Дабы народ не подумал, что он цепляется к его напарнику по синдрому похмелья, Франкуша избрал Кузю своим любимчиком. Всё что бы он ни делал, было замечательно.

Ну что ещё добавить! С Бобиком Кузя всё-таки поговорил и даже был приглашён в его бобиковский автобус. Но когда он описывает его внутренность, он так завирается, что совестно пересказывать. По его словам размеры жилища на колесах напоминали скорее вагончик поезда, в дальней глубине которого виднелась огромная кровать под балдахином, расписанным как потолок в московском планетарии. Принимая Кузю, Бобик якобы хрюмзал сэндвич с ветчиной и предложил Кузе укусить! Ну это же надо! Как можно верить всему остальному?

Кузя подарил Франкуше бутылку «Столичной», Жану Рено ничего, а Бобику «Мастера и Маргариту» на английском. Так же он ему всучил длинное письмо, написанное приятельницей американкой под Кузину диктовку. В этом

письме он обстоятельно объяснял, почему Бобик должен играть Воланда, и сообщал, что сценарий уже готов. Узнав о чём идёт речь в письме, Бобик сказал, что такое же предложение ему уже было сделано Михалковым и обещал подумать. Через месяц Кузя получил официальный ответ из трёх строчек от денировского агента (вернее агентши). В этом письме она его посылала, но вежливо и не очень далеко. Как в «Кондуите и Швамбрании» Кузя строго хранит этот лист серой добротной бумаги в толстых пластмассовых корочках и даёт почитать только в чистые руки.

Семён Нечвидюк
Париж

P.S.

Вчера вечером позвонил Кузя и сказал глухим голосом:
— Врубай телик, Франкуша умер. Как посмотришь, приезжай. Помянем.

Я к телевизору, и правда, во всех новостях Франкушина симпатичная физиономия и слова соответствующие. Хорошие слова. Сердце у меня слегка защемило, как если бы я его знал лично, а не с Кузиных слов. Но, несмотря на эту лёгкую грусть, поймал я себя на том, что внимательно всматриваюсь в экран, пытаюсь определить, что же всё-таки у него на голове, парик или сажены. Вот ведь натура человеческая! Стало мне стыдно, и решил я написать хороший позитивный рассказ, вроде как памяти Франкушиной посвящённый. Наш был человек.

Дорогие читатели!

Получив эту рукопись, под криптонимом А.К., мы долго ломали головы, кто же этот талантливый автор? В нашей литературе самый известный криптоним К.Р., но все знали, что это поэтический псевдоним Великого Князя Константина Романова (внука Николая I). В нашем случае расшифровать криптоним не удалось. Вся надежда на вас, дорогие читатели. Приятного чтения!

А. К.

ЧУЧА

Нет в жизни любого человека более счастливых и более трепетных воспоминаний, чем самые первые, самые ранние. Ученые до сих пор спорят, с какого возраста у человека начинает работать память. У меня же самые ранние воспоминания детства связаны с островом Сахалин, точнее с воинской частью, в которой мой отец служил заместителем начальника по вооружению полка, а так как события с этими воспоминаниями связаны поистине исторические, то я могу точно сказать, что было мне тогда 4 года.

Естественно, события, о которых я вам расскажу, сохранились в моей памяти не полностью, но мама восстановила пробелы.

Итак, в далеком 1978 году направили моего отца Виктора Ивановича служить в секретную воинскую часть на самый север острова Сахалин. Если вы посмотрите на большую рыбину на карте нашей планеты Земля, то вы увидите на ее носу город Оху. Но наш дом, в котором мы жили три

года, находится ещё севернее Охи. Если выйти из дома и подойти к берегу, то слева будет Сахалинский залив, а справа — Охотское море.

На юге Сахалина, в Южно-Сахалинске, растет клубника, а в нашем посёлке не росло ничего. Скучная поросль служила кормом оленям местных племен ненцев и геляков (нивхи), о которых уже в те времена было мало известно, а живы ли потомки тех людей, с которыми связаны воспоминания моего детства, как и что случилось с моим Чучей, остается для меня большой загадкой. Но, возможно, прочитав этот опус, Чуча найдётся, и мы снова с ним встретимся.

Началась наша история с призыва Чучи в армию. Чуче исполнилось восемнадцать и он единственный из всего племени был настолько высок ростом, при котором подлежал призыву в Советскую армию — 152 см.

— Ну, и что прикажете с ним делать? — спросил мой отец у матери, когда описывал ей сцену, изображающую, как племя, в традиционных нарядах, с оленями, стрелами и гарпунами, при полном параде, пришло провожать Чучу в армию.

— Ты представляешь! У нас на сверхсекретный объект двигается процессия: племя, полным составом, с детьми, стариками, юрты собрали, на санях с собаками, стадо оленей сзади идет, и впереди сидит их главный чукча и везет этого...

— Они не чукчи, — перебила мама — они геляки.

— Да какая разница, ты же поняла, о чём я говорю. И вот, подъезжает эта процессия к ракетной части. У меня в подземелье ракеты лежат, а по ним стада оленей гуляют. У меня вся часть на уши встала, а они новобранца, оказываются, привезли.

— И что? Приняли его в часть?

— Приняли! Куда ж деваться! Говорят, берите в армию, ему восемнадцать лет, самого большого вам сына отдаем! Ты видела моих ребят? У меня средний рост в части сто восемьдесят. И мне этого привезли!

— И что? Ты его в казарму отправил? — в ужасе спросила мать.

— А мне что, в оперный театр его отправлять? Веерами махать? Куда ж мне его деть? Конечно, в казарму.

— Так его ж там твои головорезы забьют до смерти!

— Хватит тут панику разводить! Ничего с ним там не случится!

Но мама уже бросилась одеваться.

— Вера, ты куда?

— Побегу посмотреть, что в казарме творится!

— А дети? — крикнул отец вслед убегающей в сторону воинской части матери, но она уже ничего не ответила.

В те годы я была совсем маленькой, поэтому не очень поняла, почему среди ночи мы были разбужены шагами, разговорами и даже криками мамы, гневным голосом отца. Моя полугодовая сестра расплакалась, но впервые на её плач мама не прибежала, а продолжала кричать на отца.

Мне было почти четыре года, я сама выбралась из кровати и вошла в большую комнату, где жили мои родители, которая была проходной в нашу детскую. На диване, на котором спали мама с папой, лежал мальчик. Мне тогда показалось, что мальчик, так как человек этот был очень маленького роста, с тонкими ручками и ножками, и, как мне тогда казалось, взрослых людей таких не бывает. Папа и все мужчины, среди которых проходила наша гарнизонная жизнь, были высоки ростом и сильны физически. А этот человек был скорее подростком, чем взрослым мужчиной. Голова и руки подростка были залиты кровью, а глаз его не было видно вообще: лицо представляло собой огромную гематому, а и без того узкие глазки его совсем закрылись отёком. Из рваной губы по щеке текла кровь и капала на полотенце, которое мама подложила под голову этого человека.

Меня сразу же выставили из комнаты, отправили спать и даже разрешили сесть в кроватку с плачущей сест-

рой. А как только пришёл врач, мама зашла к нам в комнату и стала пытаться уложить нас спать. В большой комнате мужчины говорили очень тихо, иногда шепот их прерывался стонами, и нам с сестрой было очень страшно. Но мы прижались к маме, сон нас сморил, и мы так и уснули, сидя на руках у мамы.

* * *

Утром я проснулась у себя в кроватке и, естественно, сразу же вылезла. Мне не терпелось узнать, приснилось ли ночное видение, или это было на самом деле.

Но оказалось, что не приснилось. В родительской комнате никого не было. А вот на кухне за столом сидел тот же самый подросток, с обвязанной бинтами головой, одной рукой, с загипсованными пальцами, пытался пить чай из любимой папиной чашки, а вторая рука у него была подвязана маминым пуховым платком, который бабушка ей подарила перед поездкой на Сахалин.

Здратути, — смешно поздоровался со мной мальчик взрослым голосом.

— Вот, познакомься, — отец стоял, облокотившись спиной к холодильнику, скрестив руки на груди, — чукчу мама в дом к нам привела!

— Чуча! — обрадовалась я, услышав слово «чукча», решив, что это имя этого человека.

— Он не чукча, он геляк! — поправила отца мама.

— Ты мне курс антропологии не читай! Мне это не интересно! Мне надо думать, куда это чудо этнографии девать теперь...

Но я не слушала разговор родителей. Я подошла к Чуче и начала его разглядывать. Мне было и интересно, и страшно, и очень хотелось потрогать этого человека.

Чуча не только не обиделся, что я его назвала Чучей, а обрадовался, что я обратила на него внимание. Он поста-

вил чашку на стол и повернулся ко мне, улыбаясь своими разбитыми губами. Потом он раскинул руки, как бы приглашая меня, и я послушно пошла к нему, он посадил меня к себе на колено и, удерживая здоровой рукой за спину, спросил меня: «Ты как зовут?»

— Шура.

— А я Чуча!

И я прижалась к нему, обняла за бок, случайно задела сломанную руку, он немного поморщился, но не скинул моей руки.

— Ну что, — увидев сцену, сказала моя мама, — тебе же по штату адъютант положен?

— Положен.

— Вот и оформляй его своим адъютантом, будет сидеть с детьми. Смотри, как он с Шуркой поладил! Изабелла Аркадьевна от нее с ума сошла за неделю. Будет ей помощь. А я хоть на работу выйду. У тебя на станции хлорирования воды бардак, скоро весь гарнизон с дизентерией свалится.

Отец возражать не стал.

Так у нас с сестрой появился настоящий друг, сын главного шамана Сахалина, представитель одной из самых загадочных и самых древних первобытных мировых культур, человек, сыгравший не просто исключительную роль в судьбе моей семьи, но и всего гарнизона, которого все с моей лёгкой руки стали называть Чуча.

Нет никаких слов ни в русском языке, ни даже в языке геляков, чтобы описать тот восторг и радость, который вызывал у нас с сестрой каждый день общения с Чучей. Количество игр, развлечений и разных утех, которые знал Чуча, не поддается никакому описанию. К сожалению, детская память не сохранила всех воспоминаний о том, чем мы занимались с сестрой и чему учил нас Чуча. Изредка я вспоминаю какие-то проказы, видя шрамы и следы от ожогов на ногах и руках. Да, некоторые забавы были связаны с риском. Мы учились ловить рыбу руками,

стрелять из лука, причем лук и стрелы нужно было сделать самим, работая ножом, причем не современным, а каменным. Чуча был обожаем нами настолько, что все ранки, синяки и царапины ни в коем случае не связывались с ним, а маме сочинялись самые невероятные истории про их появление. Я искренне боялась, что, узнав истинную причину, мама навсегда запретит Чуче нас учить. Наивные, мы думали, что она не понимает, откуда эти синяки и рваные штаны. Но тогда мне казалось, что мы очень хитрые, и мама ничего не заметила.

Однажды, гуляя с Чучей по гарнизону, заметили, как одна из семей грузит вещи и уезжает. Среди ящиков, чемоданов и других пожитков сидела собака. Она махала хвостом, с нетерпением ожидая появления из дома хозяина. Вышел высокий мужчина в военной форме, за ним его жена и двое мальчишек. Они грузили вещи в большую грузовую машину, приехавшую из части для переезда. А собака бегала рядом, виляя хвостом, радостно лая. Но вот последний тюк оказался в грузовике, хозяйка семейства с детьми села в кабину, хозяин — в кузов. А собаку оставили! Грузовик тронулся, и собака побежала за ним, лая и бросаясь под колёса.

— Чуча, смотри! — закричала я, показывая на собаку.

— Ай, яй! Какие! Собаку бросили!

Неожиданно, грузовик остановился.

— Они её сейчас заберут! — радостно воскликнула я.

Но увиденное потрясло меня настолько, что я до сих пор помню это.

Хозяин, выпрыгнув из машины, жестоко, с невероятной силой пнул собаку прямо в живот. Она с диким визгом отлетела на несколько метров в снег и продолжала скулить от боли, а человек в форме запрыгнул назад в кузов, и грузовик уехал, как ни в чём не бывало.

Собака была еще жива, но живот её представлял собой какое-то невероятное ужасное зрелище. Она оказалась бе-

ременной. Причем щенков было очень много. Пнувший её в живот хозяин порвал сапогом нежные ткани брюшины, и через рану на снег выпали недоношенные щенки. Чуча скинул с себя меховую тужурку, каким-то ловким движением обхватив собаку, завернул её вместе с внутренностями и щенками и побежал домой.

Мы с сестрой, обе рыдая от увиденного, бежали за Чучей. Дома чудом оказалась мама. Обычно она работала с раннего утра и до поздней ночи на станции хлорирования воды. Но сегодня она пришла пораньше, чтобы попрощаться с этой семьёй, которая возвращалась на материк.

— Булька! Что с ней? Мама узнала собаку. Вместе с Чучей они уложили её на кухне у печки. Мама мне, уже взрослой, рассказала, как умело тогда Чуча вынул щенков у Бульки своим кремневым ножом, удалив ей порванную матку, сам зашил ее брюхо. Все это время мама помогала ему, удерживая скалку в пасти Бульки, вырывавшейся от боли и пытавшейся укусить своих спасителей.

В моей памяти сохранилось только, как мы с сестрой стояли в коридоре. Раздеваться самостоятельно нам было сложно. Сестре не было ещё двух лет, мне почти четыре, и навыками мы обладали разными, в том числе вполне себе не детскими, но самостоятельно снять зимнюю одежду было невозможно: кроме нескольких кофт, многочисленных штанов, шерстяных носков и валенок, которые ещё как-то можно было бы снять друг с дружки, но самым сложным было «размундировать» верхнюю одежду. У нас было с сестрой по шубе из овчины, у меня — белой, а у сестры — чёрной, а поверх шуб повязаны пуховые платки, крест-накрест на груди и сзади на спине связаны узлом, который ни мне, ни сестре было никак не развязать. Стоять в полном «мундире» было жарко. Но Булька была важнее, нужно было попытаться её спасти. Поэтому мы тихо стояли в коридоре и ждали, когда до нас дойдут руки.

Детская память не сохранила, как долго выхаживали Бульку, как долго она потом спала то на левом, то на правом боку, когда начала сначала слабо, а потом всё сильнее и сильнее махать хвостом при виде мамы или Чучи. Не помню я, и как наступил момент, когда Булька начала вставать и есть из миски. Пословица про «заживает как на собаке» не совсем верна. Булька выздоравливала тяжело. Но то ли помощь была ей оказана профессиональная и своевременная, то ли мамин и Чучин послеоперационный уход сделали своё дело, но Булька поправилась. Нам всё это время было категорически запрещено её трогать, гладить. И даже помогать маме за ней ухаживать было нельзя. Чуча всё это время спал на кухне возле Бульки и даже не уходил в свое поселение, хотя до этого ночевать он уезжал в свою юрту. Всё время Чуча был рядом с Булькой и спал на полу около неё. Он даже отказался разложить раскладушку, которую отец специально для этого привёз из гарнизона. Чуча спал на той тужурке, в которой принёс Бульку домой, играл ей на варгане, пел песни, уложив её морду себе на колени. Булька получала от него столько же внимания, сколько имеет тяжело больной единственный ребёнок у поздно родившей матери.

Помню прекрасно тот момент, когда мы начали её запрягать в упряжку и кататься на ней. Булька обладала просто фанатичной преданностью Чуче и нашей семье. Она всегда ходила следом за нами, терпела наши игры, выносила все проказы. Теперь у нас с сестрой был не только личный егерь, но и верный пёс. Лето прошло незаметно. Мы рыбачили, ходили смотреть на нерест осетра. Учились охотиться, не только на лису, но и на птицу. Чуча возил нас к тюленям. Мы стали родными в его поселении. Первый раз мы там оказались 22 июня. Я тогда ещё не знала, что это мой день рождения. Я помню огромный круг, в котором крутились все жители селения. В чуме родителей Чучи

у нас с сестрой были собственные места. Его мама подарила мне свой собственный варган и учила меня играть. Но наши отношения с Чучей очень раздражали отца. Чучу не выгоняли только оттого, что мама была на станции, а кроме неё никто эту работу так хорошо не делал. А с нами должен был кто-то сидеть. Бабушка готова была приехать, но бабушку отец терпел ещё хуже, чем Чучу. Поэтому альтернативы Чуче не было.

* * *

В тот год зима была ранняя, и бураны начались уже в октябре. Племя Чучи ушло на юг с оленями, Чучу мама отпустила помочь собрать юрту. Нам с сестрой нечем было заняться. И мы решили вдвоём отправиться на охоту. Стрелы и лук мы взяли свои. Запрягая Бульку в упряжку, мы решили, что можем успеть посмотреть на племя Чучи и, может быть, даже увидим, как разбирают юрту. Мы торопились. Поэтому забыли о главном правиле, которому учил нас Чуча: никогда не уезжать из дома без воды. Мы уехали и забыли фляжку с водой, которую Чуча сам нам пошил из оленей кожи. Вспомнили об этом мы уже на месте, где раньше стояло племя.

— Я пить хочу, — услышала я голос сестры. А воды нигде не было. Снег — это та же вода. Только дүхи земли её дарят в разном виде, вспомнила я слова Чучи.

— Давай снега поедим! — предложила я, и мы с сестрой сначала набрали снега с земли, потом начали бегать с открытыми ртами, ловя снежинки. Булька бегала вокруг нас, но ей мешала упряжка, а мы уже собирались домой. Неожиданно мы увидели пробегающую мимо лису.

— Мы же на охоту шли! — вспомнила я. И мы начали пытаться выстрелить из лука. Естественно, это с Чучей у нас всё получалось, а тут мы даже не смогли стрелы достать из колчана, одну сломали, вторая в колчане застряла.

— Давай маме скажем, что лису подстрелили!

— Давай! Пусть порадуетса, какие мы хорошие охотники!

— А почему лису домой не принесли?

— Скажем, что мы её там на месте и съели! На том и порешили.

Побежав ещё с открытыми ртами за снежинками, мы решили возвращаться. Булька неслась домой, как бешеная. По дороге у сестры заболел живот. Её даже стошнило на мою шубу, но увидела я это уже дома, когда мы вылезли из упряжки. Вечером у сестры поднялась температура. Её осмотрел наш полковой врач.

— Настенька, скажи, пожалуйста, а что вы делали сегодня?

— Охотились... — слабым голосом сказала моя сестра.

— А на кого? — удивленно спросил доктор.

— На лису!

— И потом? — продолжил доктор на глазах изумлённой мамы, которая даже дар речи потеряла от услышанного.

— А мы с Шурой её съели...

— Лису?

— Лису.

— Съели?

— Да. Нас Чуча научил...

Доктор поднялся от постели ребёнка и вывел маму за локоть из нашей комнаты. Дальше уже мама пересказала мне этот разговор, причём если в детстве рассказ этот был наполнен болью и ужасом, то уже во взрослом возрасте это превратилось в историю юмористическую.

Так как от нас с сестрой, да ещё и под руководством охотника и рыбакова Чучи, можно было ожидать всего, что угодно, мама и врач услышанное от сестры восприняли очень серьёзно. Проведённый перекрёстный допрос меня и очная ставка только подтвердили ранее услышанное, так

же, как и наличие температуры и рвоты у маленького ребёнка, который, между прочим, с утра был совершенно здоров. Если она, будучи постарше, и могла бы как-то переварить эту пищу, то у двухлетнего ребёнка однозначно просто так это пройти не могло.

— Вера Викторовна, лисы на Камчатке до 20 процентов — носители чумы. Мама побледнела.

— А на Сахалине?

— А по Сахалину у нас такой статистики нет. Может и больше.

— Чума? У нас в гарнизоне? Вы представляете, что будет!

— Трихинеллез так быстро не проявляется. Я боюсь, что это чума. Нужно срочно доставить ребёнка в Оху, в госпиталь. Я распоряжусь. Нужно просить вертолёт, наземным транспортом, если это чума, возможны контакты по дороге с местными, мы можем распространить инфекцию. Они даже если умирать начнут, нам не скажут. Нужно на место охоты детей отправить солдат в противочумных костюмах, найти животное для лаборатории.

Сестре стало заметно хуже. Она начала бредить, ни пить, ни есть она не могла, при этом её непрерывно тошнило, и открылась диарея. А за окном началась настоящая буря.

— Не получается вас с ребёнком в Оху отправить, — доложил солдатик, прибывший из гарнизона. Но в дом заходить не стал, а так и стоял на ветру, — погода не лётная. Мы передали на материк информацию, ждём указаний. Приказано вас изолировать. Супругу вашему доложили о ситуации, обещался прибыть с учений. — И он остался на улице в карауле.

— Может, все-таки тут нас сторожить будешь? — заинтересовалась мама, указывая на тёплый коридор.

— Вера Викторовна, не велено мне. Если у дитя на самом деле чума, мы тут все рядами ляжем. Не обижайтесь, не велено.

— Можешь нас не сторожить, уходи в казарму, никуда я с детьми не сбегу.

А Насте становилось всё хуже.

— Мама, — пришла я с повинной.

— Что случилось?

Я, обливаясь слезами, рассказала маме, что никакую лису мы не ели.

— А как же Настя могла заболеть? Выпытывая меня, она узнала, что мы ели снег на месте стоянки оленей.

— Час от часу не легче. Лучше бы лису съели.

Какого бы статуса ни была семья в гарнизоне, но телефона в домах не было, даже у заместителя по вооружению полка. Буран стал ещё сильнее. Часа через два вернулся отец с учений, мама рассказала ему новую версию происхождения. В штаб ушёл новый рапорт, что это не чума, но отравление есть и, скорее всего, инфекционное. Всю ночь начальство искало способ, как бы маму с сестрой отправить в военный госпиталь в Оху, но буря переросла уже в настоящий ураган. Чтобы войти в дом, солдаты откапывали дверь от снега. Ни о каком вертолёте даже не было и речи, и это приводило маму в отчаяние. Сестрёнка на глазах таяла, она стала зеленоватого цвета, не плакала, не спала, не ела, не пила, не реагировала ни на что. Всё начальство и основная часть личного состава оставались на учениях. Отец был самый старший офицер и по званию, и по должности.

— Товарищ майор, разрешите обратиться? — буквально ввалился в дом старший радист.

— Обращайтесь!

— Радиограмма от японцев.

— От кого???

— Из военного штаба японских военно-морских сил. Радиограмма открытым текстом, не зашифрованная. Они предлагают медицинскую помощь вашей дочери. В ней-

тральных водах стоит их авианосец. Если у них не хватит квалификации, то они доставят ребёнка и мать в Токио в военный госпиталь самолётом.

Отец выслушал, чуть чаем не подавился.

— Чего? Японский военный корабль? Предлагает помощь?

— Да, товарищ майор!

— Открытым текстом передают? А откуда они про мою дочь знают???

— Не могу знать, товарищ майор.

— Посылай их на ***! А мой ребёнок перебьётся. Она дочь советского офицера и должна с честью выносить сложности офицерской жизни.

У мамы началась истерика.

— А как мне их послать? У меня этого слова в радиogramмах не предусмотрено.

— Ты старший штабной радист?

— Да!

— Тебе Родина доверила эту службу, вот и придумай, как матерное слово для японцев передать, потом отсидишь у меня на губе трое суток.

— А за что трое суток гауптвахты, товарищ майор?

— А за вопросы тебе ещё двое суток сверху, понял? Будешь знать, как вопросы не по уставу задавать!!!

— Есть, разрешите выполнять?

— Выполняйте.

* * *

Можно долго рассказывать о том, какие донесения посыпались в Москву. Закачались кресла под половиной военного начальства. Выручало то, что была нарушена связь с материком, буран был настолько сильный, что в Охе закрыли аэропорт. Именно в этот момент в доме появился Чуча. Увидев Настю, он сразу всё понял. Он велел одеть девочку, привязал её к телу, сверху надел свою одежду. Мама собралась с ним.

— Нельзя, собака тяжело. Ты — тяжелый, я — легкий. Собаки быстро в Оха поехать. Надо срочно, времени мало. Настенька надо в больница.

Он сел в собачью упряжку. Вокруг бушевала стихия, снегом сбивало с ног. Чуча тронулся с места. Это было удивительно. Я протянула за ними руку, которую не было видно от летящего снега. Но упряжку с Чучей и Настей я видела еще очень долго. Мне казалось, что прямо над упряжкой буря останавливалась, или какая-то неведомая рука разводила над ними непогоду, и они летели, как птицы, не касаясь земли.

— Дом выстудишь, — услышала я за спиной голос отца. Он отодвинул меня от двери и закрыл её.

— Всё будет хорошо, — обняла меня мама. Чуча Настю обязательно спасёт.

Мы обе заплакали. Я-то от обиды, что в такое классное путешествие Чуча меня не взял с собой. А мама потому, что в XX веке, будучи женой большого начальника, ей остаётся лишь надеяться на мальчишку из племени с первобытно-общинным укладом, везущим её ребёнка в оленьей шкуре на собачьей упряжке в больницу. Она же сама, человек с высшим образованием, сидит бессильно в коридоре, заметённом бураном, по колено в снегу, и ничего не может поделать, потому что собакам тяжело её везти и они тогда поедут медленнее. Как такое вообще возможно в XX веке в СССР, бороздившем космические просторы? Мы сидели с ней в коридоре. В обнимку.

Сколько времени прошло, не помню. Но мы ещё даже не успели наплакаться, как дверь открылась, и на пороге появилась мама Чучи. Она вошла, не спросив, а за ней посыпались горохом другие женщины, мужчины, маленькие дети. Семья Чучи пришла всем составом. Они сели в круг на полу в большой комнате.

— Я на службу пошёл, — сказал отец, увидев эту процессию.

Мама не успела ответить, как он уже исчез за снежной стеной. Ожидание было мучительным. Сначала семья Чучи пела, потом они играли, потом дети в кругу начали танцевать, потом маму усадили в центр круга, меня посадили отдельно с детьми, и мы слушали, слушали, так я и заснула с этими песнями.

* * *

— Вера Викторовна! Буран затих! Мы разрешение получили на взлёт! Вас вертолёт ждёт! В Оху лететь! С Настенькой всё хорошо! Врачи сказали: будет жить! Привезли её и сразу в реанимацию! Но уже всё хорошо!

Старший штабной радист успел уже послать японцев, отсидеть на губе, и прибежал к нам с донесением.

— Ты ел сегодня? Чаю попьёшь? — мама, на ходу собираясь, по привычке заботилась по-матерински.

— С удовольствием попью, Верочка Викторовна! Вашего чаю, с вареньем? Со смородишным?

Мама налила ему чаю в большую кружку, поставила варенье.

— Ой, а мне наши охтинские рассказали! — продолжал штабной радист, причмокивая, — Приехал наш Чуча с девочкой, с дочкой вашей, то бишь. Ребёночка врачи сразу забрали, а он не уезжает. Стоит у больницы. А потом понаехали евонные соплеменники, юрты поставили, оленей распрягли, костров развели, понаставили везде своих палок с лентами. Мясо жарят прямо на кострах, тут же его едят, песни поют.

— А начальник госпиталя мер не принял?

— Я тоже спросил! Какое там! Начальник говорит, такого цирка никогда не видел! У пациентов повысилась выздоравливаемость!

— Что повысилось?

— Выздоровливаемость! Народ курить меньше стал! Ржут все, в окнах сидят, потешаются над всем этим. Там танцы ритуальные танцуют, болеющие пародируют. Главврач говорит: такую производственную гимнастику даже не мечтал организовывать.

— Ты чай-то допивай и поедем!

— Я допил уже! Поехали!

— Шурочка, я уезжаю. В больницу, к Настюше, а ты останешься тут за хозяйку.

— Хорошо.

* * *

Мама отсутствовала очень долго. Может быть, и не так долго, но мне казалось, что целую вечность. Изабелла Аркадьевна, которая переехала к нам жить на это время, старалась, как могла. Мы ели котлеты из медведя, играли в шахматы, учили геляцкий язык с Чучиной мамой. На ночь Изабелла Аркадьевна мне пела свои любимые песни — колыбельные Моцарта на немецком. Её папа был немецкий коммунист. Но хоть он и оказался евреем, его в 1941-м для верности всё равно сослали на Сахалин. В Дрезден после войны возвращаться было некуда и не к кому. Вся семья погибла в Дахау. А тут Аркадий Израилевич Бернштейн встретил девушку из местных и осел окончательно. Изабелла Аркадьевна Бернштейн родилась уже здесь, на Сахалине. Но песни для дочери отец пел на немецком, и на фортепиано её научил играть, и всему другому, что знал. Оттого наша Изабелла Аркадьевна стала и директором гарнизонной библиотеки, и директором музыкальной школы, состоящей из единственного трофейного, однофамильца с нею, немецкого рояля, пары барабанов и пионерских горнов. Она же работала дешифровальщиком, переводчиком с немецкого и французского и нянькой детей штабных офицеров, если таковые были у последних. Свои дети у Изабеллы Аркадьевны выросли

и уехали на материк. Писали редко, а приезжали и того реже. Внуков не привозили. Поэтому мы с Настей были ей вместо внучек.

В перерывах между занятиями (а Изабелла Аркадьевна, пользуясь случаем, решила заполнить все педагогические пробелы в моём образовании) я смотрела в окно. За время отсутствия мамы уровень снега на улице существенно менялся. Сначала он был до окна, потом закрыл его половину, и в один момент я увидела, что кроме снега ничего не видно, точнее всё окно занесено до самого верха. И смотреть стало совершенно неинтересно. Маму уже нельзя было увидеть, так зачем же тогда в окно смотреть?

* * *

Как бы я ни ждала маму, но не помню того дня, когда они с сестрой вернулись из больницы. Почему-то этот замечательный день совершенно стёрся из моей детской памяти. Но мама мне рассказала, что радости у меня было столько, что она боялась, что я задушу их в своих объятиях.

Не меньше я радовалась и Чуче. Он всё это время стоял у госпиталя, жил в юрте, молился, играл на варгане. Но теперь нам категорически запретили запрягать Бульку в упряжку и тем более ходить на охоту. У нас конфисковали стрелы, луки, наши кремневые ножи и даже перья сказочных птиц, которые нам выдали для совершения ритуальных танцев 22 июня в день летнего солнцестояния. Как хорошо, что я успела припрятать свой варган, а то и его бы забрали. Вы думаете, нам стало скучнее жить? Да нет же! Разве можно с Чучей скучать? Теперь мы начали изучать следы, учить голоса птиц, ходить на берег Охотского моря наблюдать за китами. Да! Как раз начался период ухода за китами! Прекрасное зрелище! А когда выпал снег, мы вновь вспомнили историю со снегом.

— А снег — это не только питьё — это и дом, — продолжил нас учить Чуча.

— Снег? Дом? — рассмеялись мы с сестрёнкой.

— Да, снег это и дом!

Чуча столько всего знает. И про снег, и про зиму, и про всё на свете. Он был самый умный из всех, кого я встречала. Кроме мамы, конечно.

Но однажды папа пришёл и радостно сказал, что Чуча может возвращаться домой, его служба закончилась. Мы простились с Чучей. Изабелла Аркадьевна продолжала с нами заниматься. Мы также занимались немецким. Ходили в библиотеку играть на рояле, читали книги. Всё было здорово. Но не хватало Чучи.

Однажды ночью я проснулась и решила сходить к Чуче в гости. Я уже научилась одеваться сама, а платком мама меня уже не перевязывала. Мне скоро должно было исполниться пять лет. Я нашла свои штаны, валенки и даже не забыла взять свою фляжку. Папа её не конфисковал. Я обещала Чуче больше никогда её не забывать и не есть снег с земли. Дверь мы никогда не закрывали: медведи к нам не придут, их отстреляют на границе воинской части, а люди — все свои. Зачем от них закрываться?

И я пошла к Чуче. Мне показалось, что он живёт совсем рядом. Я даже видела дым от его поселения. Но я шла, шла, а поселения всё не было. Я уже выпила всю воду, а поселения всё не было. Я решила вернуться домой, но и гарнизона за спиной уже не было видно. Было темно и холодно, я очень устала. Неожиданно начался снег, как обычно, потому как стоит мне вляпаться в историю — и обязательно начинается снегопад. И за несколько минут все следы занесло. Идти мне стало совершенно некуда. Снег — это и дом! — вспомнила я слова Чучи. Нужно зарываться в него и делать норку, как зверёк.

Тот факт, что я этот рассказ пишу спустя 43 года, говорит о том, что норку я сделала правильно. По крайней

мере, я не замёрзла. Хотя искали меня недолго, ушла я не очень далеко, но хватились меня только утром, а пока подняли караул, пока отправили собак, пока прочесали местность, есть снег мне всё равно пришлось. Пить очень хотелось. Есть, конечно, тоже хотелось. Но есть было совершенно нечего, а вот воды хватало, и даже не из-под оленей.

Сидела я в своей норке спокойно и вдруг услышала лай Бульки, а потом увидела лицо Чучи, он меня откопал.

— Чуча, я хотела тебя увидеть, я очень по тебе соскучилась! — прошептала я Чуче, когда он вытащил меня на поверхность и прижал к себе.

— Ты нас напугала! А ты нас всех пугать! так! Мы же тебя все любит!

И он крепко обнял меня опять, а Булька радостно скакала вокруг нас, норовила обоих лизнуть в лицо своим тёплым, горячим языком. Так нас и застали гарнизонные. Пришлось Чучу опять брать к нам, но уже вольнонаёмным. Опять призвать в армию его было нельзя. Мне казалось, что мы так замечательно будем жить вечно. Что все страшные истории уже позади.

* * *

В бывший Булькин дом приехал новый Зампотыл. Что это означает, я узнала уже взрослой. В племени были самые разные сложные имена, поэтому Зампотыл казался мне обычным именем. Он приехал с семьёй. Но дети были уже взрослые, и нам с ними общаться было неинтересно. Виделись мы только в гарнизонном магазине, да иногда в библиотеке.

Папа, как обычно, уехал на полигон. Чуча отправился в гарнизонный магазин. Ему велено было закупить всё, что положено, а выбирать особенно было нечего. Основной

продуктовый набор состоял из сушёной картошки и морковки, говяжьей или свиной тушёнки, пшена, перловки. Пресловутой гречки, про которую сейчас идёт так много разговоров, в те годы даже в офицерских наборах не было. Сливочное масло и сметану мы не видели вообще. А о фруктах и не знали. Когда мы прилетели с Сахалина на материк, из окон такси сестра увидела одуванчики.

— Мама, а что это?

Так как объяснять было сложно, мама попросила водителя-кавказца остановиться. Увидев, как дети трогают жёлтые цветки и едят их, он выключил двигатель и счётчик.

— Откуда вы? — очень осторожно, с сочувствием в голосе спросил он маму, видимо понимая, что ответ может быть самым неожиданным, но вполне очевидным.

— С Сахалина.

Водитель удивился и долго вспоминал, где он слышал это слово.

Но я отвлеклась от нашей основной истории. В военторге всё выдавали строго по статусу и согласно перечню продуктов, определённого хозяйством гарнизона. Чуча вызвался там помочь с разгрузкой, потом появилась Изабелла Аркадьевна. Чуча предложил донести продукты до её дома. Зампотыл тоже был в магазине, он увидел, как Чуча ушёл в дом к Изабелле Аркадьевне, а так как жила она на краю гарнизона, то понял, что к нам домой он вернётся не скоро.

В тот момент я не представляла себе, зачем Зампотыл пришёл к нам в дом, зачем стал приставать к маме. Да и начала этой трагедии я не видела. Да и саму суть драмы я осознала, уже будучи взрослой.

Мы с сестрой сидели в своей комнате, мама что-то делала на кухне. Булька, как обычно, спала у печки на кухне и даже в дреме помахивала хвостом своей обожаемой хозяйке и спасительнице.

В дом вошли, раздались шаги, мужские, но не папин и не Чучин голос. Несколько фраз, а потом начались крики незнакомого мужчины. Я выскочила на кухню и увидела, как Булька, наша обожаемая, милая и добрая собака, позволяющая с собой вытворять все, от запрягания в повозку, до ковыряния палками в глазах, методично и практически беззвучно, остервенело и безжалостно рвала зубами руки, лицо и всё, куда могла дотянуться у лежащего на полу Зампотыла.

Неизвестно, загрызла бы Булька Зампотыла насмерть, но в тот самый момент в дом вбежал Чуча. Он схватил Бульку обеими руками и прижал к себе. Он что-то бормотал ей на своём языке. Но Булька вырывалась.

— Сука, я тебя по судам затаסקаю, — стонал Зампотыл, истекая кровью, — выbleядки твои в детдом попадут, а с муженьком твоим я лично, как положено, разберусь, ты у меня не отвертишься.

Картина эта до сих пор стоит у меня перед глазами. На маме было порвано платье, размотались волосы. Весь пол был забрызган чем-то липким, повсюду валялись осколки бутылки, и на этих осколках лежал Зампотыл, истекая кровью.

Воспользовавшись отсутствием мужа и ординарца, он решил соблазнить мою маму, взял бутылку шампанского, купленную до этого в военторге, но неожиданно получил отказ, решил применить насилие, начал маму бить по лицу, хватать за руки, она попыталась отклониться и спрятаться на кухне, но и там он следовал за ней. Шампанское выпало. Мама закричала, и Булька защитила хозяйку.

Отца отправили с учений домой. Зампотыла отвезли в Оху в военный госпиталь, прооперировали, сообщили, что ничего не угрожает его жизни.

* * *

В тот день мы проснулись очень рано, нужно было успеть собрать оставшиеся вещи до 9 часов утра. К этому вре-

мени должна была прийти машина из гарнизона и отвезти нас в аэропорт. Булька, радостная, виляла хвостом, путалась под ногами. Отец пристегнул её на ремешок.

— Собаку покормите, — попросил он маму.

— Я сама! Я сама, — радостно закричала я.

Я нашла в кастрюльке остатки каши, накрошила туда булочки, мяса у нас не было, но Булька с большим удовольствием ела кашу без мяса, она вообще была совершенно не привередлива. Да и кашу мама готовила на козьем молоке, которое приносила наша соседка Зоя Пантелеевна. Как эта коза оказалась в нашем гарнизоне никто не помнит, но вот молоко от этой козы я помню прекрасно. И Булька тоже козье молоко уважала. Поэтому с огромным удовольствием уплела свою кашу.

— Попрощайтесь с Булькой, девочки. Мы её с собой взять не можем. Папа её к соседям отведёт жить.

— Которые с козой? — в один голос спросили мы с сестрой в надежде, что Булька останется в хороших руках и будет сыта.

— Да, которые с козой, — пробубнил папа.

Мы потрепали Бульку за морду, расцеловали её. Папа налил себе водочки. Но в этот раз мама ему ничего не сказала. Он выпил, не закусывая, встал из-за стола и взял Бульку. Он ушёл вместе с ней, и вернулся через некоторое время один.

Военная прокуратура разобралась со случившимся в нашем доме очень быстро. В гарнизоне маме оставаться было уже нельзя. Отца тоже за службу решили повысить. И ни много ни мало, как перевести в адъюнктуру в Академию им. Говорова в Харьков. Но собаку нужно было застрелить. Отец уже собрался застрелить Бульку. Приказ исполнить нужно обязательно. Но убить собаку, отстоявшую честь твоей жены — это предательство. Каким бы brave офицером ни был мой отец, но убить друга и защитника семьи он был не в силах.

Чуча с утра приехал помогать с переездом и по взгляду отца прочитал, что ему предстоит. Он догнал его, когда отец уже ушёл за гарнизонные вышки.

— Не убивай её, — обратился он к отцу.

— Ты-то откуда знаешь?

Чуча на бегу погладил Бульку по спине, она лизнула ему руку.

— Отдай мне. Никто не узнает.

— Как не узнает? Собака же бегать будет!

— Она в упряжке будет, никто не узнает. Отдай мне собаку.

Отец ушёл, склонив голову, не сбавляя шага. Чуча бежал рядом с ними не отставал ни на шаг. Булька бежала радостно рядом с отцом.

— Отдай собаку. Отдай... — взмолился и чуть не плакал Чуча.

— Бери! — отец передал ему поводок. Он резко повернулся и ушёл.

— Патрон потратьте, вам же отчитаться нужно.

— Забери патрон себе. На охоте сгодится. Он вынул из пистолета патрон. Вложил его в руку Чуче.

— У меня нет пистолета. У меня карабин охотничий.

Но отец махнул рукой и быстро пошёл в сторону гарнизона. Чуча присел на корточки к собаке, поцеловал её морду, и они стремительно помчались в сторону поселения.

ПОЭЗИЯ

Ольга ГАЛАТ

Поэт, журналист, литератор, телерадиоредактор, режиссёр, сценарист. Бесконечно творческая личность, парящая над бытием сует и реальностей. Живёт и работает в Париже.

ВМЕСТО БИОГРАФИИ:

Мой солнечный месяц,
 тот месяц, где встретились мы,
Что судьбою мне был предназначен
 и так неминуем...
В звездную ночь я вернулась
 из дальней страны
В руки лохматого парня —
 бродяги Июля.

Веришь — не веришь,
Искала тебя столько лет!
Ты, бесшабашный, то в ветер, то в зной, а то в грозы...
Я, за тобою пришедшая в солнечный свет,
Жадно ловлю с твоих крыльев летящие звезды...

Рыжая грива
 как львиные кудри огня.
Ты дал мне руку и вместе —
 бегом по траве.

Жгучая, страстная, грозная власть —
ты и я
Месяц стихий. Ты — моя жизнь,
ты весь во мне.

Шутишь — не шутишь,
Бросаешь мне ливнем рассвет!
Вплел в мои косы траву, незабудки и розы...
Мне, так наивно вошедшей в твой радужный свет,
Взмахом плаща на ветру сыплешь под ноги звезды...

Я осень-зиму в делах,
а весну — в суете,
Помня ту встречу с тобой, у реки,
в летнем платье,
Всех позабыв, каждый год
возвращаюсь к тебе
Вновь, как когда-то, с разбега
бросаясь в объятия...

Любишь — не любишь,
Мы вместе, и прошлого нет!
Пряный твой вкус поцелуя и жаркие слезы...
Утром, в окно нисходя, дарят солнечный свет,
Новых побед и удач зажигают мне звезды...

УТРО

По булыжной мостовой,
по февральскому туману,
Я спускаюсь рано-рано
к опустевшему подвалу.

За прокуренным столом —
ты — усталость без упрека,
Рукавом уткнувшись в щеку,
будешь думать о своем...

И тихонько подойдя,
и усевшись где-то рядом,
Я тебя окликну взглядом,
слова вслух не пророня.

Не желая говорить,
ты уходишь от ответа:
«Где-то были сигареты,
ты не хочешь покурить?»

И, закрыв глаза, паришь,
где-то далеко отсюда,
А в окно заходит чудо —
сонный утренний Париж...

СТРАХОВАЯ КОМПАНИЯ ДУШ

В наш коммерческий век
технологий и совершенств,
Я б забила в людскую непролазную глушь,
В самом центре ее — без афиш и ненужных торжеств —
Скромный домик построила бы:
Страховую Компанию Душ.

И как Баба Яга — ни ко времени и ни у дел —
Забавляя туристов, на толпу нагоняя страх,
Завела б штат сотрудников на рабочих своих местах
Страховать человеческий беспредел.

У кого-то есть дом.
(джип, гараж, особняк на крайняк)
Или нет его вовсе — огромный карман из прорех.
Может, нет и кармана — настолько уж он бедняк,
Но душа-то, душа-то ведь есть у всех!

Вот у вас сколько площадь, простите, души?
А жилая на ней, как считаете, есть?
Как насчет глубины? Не страхуете? Так...
Ага... Ширину учсть.

Шрамы? Раны? Наличие чистых мест? —
Неоплеванных то есть. Двойной тариф!
Слишком часто случается — подводный, так сказать, риф:
Никогда не знаешь где лучше поплыть в объезд.

Сколько денег! Пришлось бы открыть отдел
Бухгалтерии. Штрафов. И разных льгот...
А еще нанять парочку пиджаков без голов —
Для расправы с коррупцией. Кто посмел.

Ну а если б зашел ко мне Президент —
Как дела, спросить, про доходы...
(в положенный срок)
Я б его — на все риски! — огромный сорвав процент,
И с него годовой заплатила б потом налог.

Богатела бы я на душевных харчах!
Утопала бы в славе, журчании прессы, наградах, цветах...
Только, думаю, скоро пришел бы компании крах —
Разорился б на выплатах бизнес. Увы и ах!

ПАМЯТЬ

Я эту матовую боль
Ношу в своем бездонном сердце.
Она не тонет в нем, пустом,
Холодном. Вычурном. Имперском.
Не тонет...
Так она легка.

Как фотография. На счастье.
Из облака, из черт лица,
Что ветер разорвал на части.
Ее проржавлены цвета, —
Махрятся струною обмоткой
И лета сжатые уста
Замки целуют на решетках.

БУДНИЧНОЕ

Скоротечность мгновений,
казавшихся мне ненужными...
Как вернуть вас теперь? Как покаяться?
Вы ушли навсегда, но как будто бы
Неотпетыми по свету маетесь.

Мне б вас вспомнить, мои безымянные,
Неописанные. Не воспетые.
Не осмысленные. Окаянные.
Ни в поступки ни в сны не одетые.

Мне б вернуть вас, мои безмятежные,
Так бесславно, безропотно сгинувших.
Мои глупые. Мои нежные.
С гордым ликом бездумно покинутых.

Всех собрать бы, да строем и с песнею
Воевать за бесцельно ушедшее.
За бесценно меня ненашедшее.
И за утро мое воскресное...

ДОРОГА

Скорость поезда уносит мои мысли.
По бокам деревья караулят дорогу.

И дождливый ноябрь висит коромыслом,
Укрывая тучей ночную тревогу...
Я, скорее всего, просто струсила. Перед временем.
Уступила ему, доктору, все лечение.
И доверила родовое свое имение —
На хранение оставила. На прощение...
Так прости же и сохрани меня, Господи,
Да наставь меня, грешную, на путь истинный,
Отведи от меня беду в этой осени,
Запорощь мое прошлое ее листьями...

МИМОЛЕТКА

Паровозный гудок телефона.
Знаю, знаю —
Сейчас отчалят.
Разлетятся на части
Речи.
В них останется лишь
«Скучаю».
— Не?
— Надолго.
— Но не?
— Случайно!
Бейся сердце,
Не станет легче.
Телефонный гудок отчаянный
До случайной
Не —
Скорой встречи.
Да оно ж так легло изначально:
Ты — в разъездах.
А я на месте.
Пририсована.

Припечатана.
Хоть бы ночь...
Да и то не вместе.
Где-то теплится:
Скоро спишемся.
Пара строчек компьютерных
Муторных.
Но и с этого легче.
Дышится...
И из этого доброе утро.
День — по нотам.
И честь — по чести.
А дорога всегда по звездам.
Столько было в руках! —
Мгновений...
Только думать об этом
Поздно.

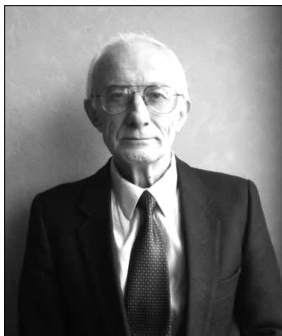
ПЬЯНИЦА-ДОЖДЬ

Целлофановое небо сползает по стеклам,
Шелестит придыханьем по мокрым карнизам,
А в кино стоит очередь, вся промокла,
И город, как бусины, на улицы нанизан.
И только пьяница-дождь, шатаясь,
Идет, дороги не разбирая,
И неразборчиво напевает
Мотив унылый. И в унисон
Играют вальсы шаги по лужам
И кто-то завтра будет простужен,
А кто-то и вовсе уедет в отпуск,
Сентябрьский бархат пустив в сезон...
Дома мокрые подставили небу крыши
И на них, как на ладонях, судьбы рисунки

Ты затихни на мгновенье, и ты услышишь,
Как любовь ищет встречи по переулкам.
И только пьяница-дождь, шатаясь,
Идет, под нос что-то напевая,
И спущенных зонтиков посещает
Забытые летние танц-кафе
Сентябрьский бархат лежит до рассвета,
Дождь плачет громче и пьет за это,
Бросая в лужи капли монеток,
Он наливает, поет и пьет...
Круги на лужах танцуют вальсы,
А дождь не знает, куда податься,
Он счастлив, он мог бы теперь смеяться,
Если бы не был так жутко пьян.

Владимир ГУДАКОВ

Родился в городе Краснодаре. Окончил факультет иностранных языков в Краснодарском педагогическом институте, факультет истории и социологии Кубанского государственного университета. Во Франции с 1989 года. Литератор, культуролог, доктор социологических и исторических наук.

КОРОНАВИРУС В ПАРИЖЕ

**Коронавирус или Ковид-19 —
это вирус пандемии,
начавшейся в мире
весной 2020-го года.**

Опустел город Париж,
Город-призрак
От Сены до крыш.
Вирус в Короне летает,
Что-то себе напевает.
А парижане в квартирах сидят,
Что-то всё время тихонько едят
И винами запивают.
Но иногда об «искусстве жить»
Друг другу напоминают.

**В начале пандемии люди должны были
большую часть времени находиться дома
и выходить только в крайнем случае.**

«Нет худа без добра».
Ведь заточенье
От выбеганий
Лучшее лечение.
И вирус пролетает
Где-то там...
И кажется,
Не так уж плохо нам.

**Призыв к жене
во время пандемии
Коронавируса:**

Пока в доме есть еда,
Не выходишь никуда!
Есть на полке чечевица,
Можем ею поживиться.
В холодильнике — шматок.
Он пойдёт обоим впрок.
Будем кушать, выпивать.
Нам на вирус наплевать.

* * *

«Нет худа без добра».
В Париже воздух чист как никогда.
И даже соловей запел под утро,
Что нужно наслаждаться поминутно
Тем, что ты жив, что солнышко встаёт
И радость поджидает у ворот.

* * *

Две тыщи двадцать,
Двадцать первый век.
Весь в маске
Бродит в весях человек
Старается понять,
Что происходит...
И бродит по планете,
Бродит, бродит...

* * *

Ковид — девятнадцать —
Волна за волной.
Куда мне податься
С любимой женой?
По улицам тихим
В маске брожу.
Супругу свою
Иногда нахожу.
Она иногда находит меня.
Ковид — девятнадцать
Уходит, маня...

* * *

Начался Всемирный Маскарад,
Сам Ковид ему уже не рад.
Он уже не может отличить
Болен кто, кого когда лечить.
Кто здоров — чихает на него
И Ковид заболевает. О-го-го!!!
И летит к тому, кто изобрёл

Весь короновирусный престол.
Прилетел и... сразу его — в лоб,
Перестал изобретать он чтоб
Вирусы, прививки и испуг,
От которого трясётся лучший друг.
«Всё, закончим маскарад» — сказал Ковид.
«Хэппи-энд!» и принял здравый вид.
«Хэппи-энд! Внимайте Красоте
И Любви и Жизни на Земле!».

Ольга ДРОБЫШЕВСКАЯ

Поэт, прозаик, переводчик, журналист, филолог. Член Союза писателей России. Родилась 4 мая 1966 года в городе Клинцы Брянской области. В настоящее время живёт в Париже. Пишет в жанрах любовной, философской, пейзажной и гражданской лирики. Обращается к восточным классическим формам — хайку и танка. В прозе отдаёт предпочтение рассказам, эссе. Номинировалась на литературную премию «Поэт года» в 2015, 2016, 2017 годах. Публиковалась в сборнике стихов «700 золотых страниц. Мои любимые поэты», в «Антологии русской поэзии 2019». Готовит к изданию книгу стихов под названием «Расскажу только ветру».

ЦВЕТКОМ СИРЕНЕВЫХ ЖЕЛАНИЙ

Посвящается Вилюсу

Парижский белый день впорхнёт
В окно моих воспоминаний.
Цветком сиреневых желаний
Мне душу напрочь заметёт.

В том нежном дне лишь ты и я.
Глазами слышу настроенье.
Ты обнимаешь ласково меня —
Я чувствую желанное волненье.

Исчезло всё... Остались ты и я
И упорхнули гаснущие звуки.
У памяти моей твои слова
И непослушные, мужские руки.

ЩУПАЙТЕ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ РЕБЁНКА

Хлопья снега вижу во тьме,
Нежно парят, плывут в тишине.
Им неведомы дерзость и смелость,
Как неведомы страх, неизвестность.

Как красив танец снега пушистый!
Жаль одно лишь, что мало в нём жизни.
С привкусом горечи снегопадение —
Нет права жить — вся жизнь лишь мгновенье.

Стезя человека также недолга,
К брегам неопознанным чёлн скользит гордо.
Зори, закаты; зимы и вёсны,
Поспешно глотают время и вёрсты.

Путь жизни людской тайной окутан,
Цепляет вопрос: «Что станет приютом?»
Печаль неизбежности в сердце застряла —
Придёт листопад — невозвратно начало.

Нет большей скорби, чем дум безутешность,
Но следует жить, впуская блаженство...
Щупайте жизнь глазами ребёнка!
Радуйтесь радуге, дождю, солнцу!

Волнистому полю, сосновому бору,
Небу бескрайнему, притихшему морю.
Весенним каплям, цветущему саду,
Поблеклой траве и снегопаду.

Попробуйте жить, пустяки примечая,
Не на бегу из толпы выбегая.
Оттенками жизнь сумеете раскрасить,
Тогда и поймете, как мир наш прекрасен!

НЕСКУЧНЫЙ ЛЕС. ФОНТЕНБЛО

Аромат медуницы в лес весенний манит,
Спозаранку там солнце караваем весит —
В нагих ветках витает до самой земли,
Распускает, вплетает лучи-копья свои.
Взгляд летит мой с восторгом в перелесья из звёзд
Сочно-жёлтых нарциссов — подоспел их черёд.
Сотни тысяч приветливых, мартовских звёзд,
Пали ярким ковром среди прозрачных берёз.
Огоньками расцвёл лес чудес Фонтенбло,
Словно в сказку попала, где так дивно, светло,
Где поют очумело соловьи день-деньской,
Их слетелся послушать мотыльков нежный рой.
Рассыпается нега в нескучном лесу,
Поднебесья лазурь прочь прогонит тоску.

ШЛА К ТЕБЕ Я ТЫСЯЧУ ЛЕТ

Посвящается Вилюсу

Свежей поступью входит рассвет,
Облекая всё в краски сандала.
Шла к тебе я тысячу лет,
Но лица твоего я не знала.

Как ты жил без меня все года?
Как жила без тебя, я не знаю.
Из созвездия грёз ты звезда,
Что в ладони нежданно упала.

Небывалым теплом обогрел,
Опустелую душу израна.
Выше неба со мною взлетел,
И другого нам неба не надо.

ВСЁ ПОВТОРИТСЯ

Янтарные кроны кленовых аллей,
В вечерних огнях ещё краше, милей.
Всё в пятнышках ярких — так спят глаза,
И в трепете их звучат без конца

Мелодии Шнитке, Шуберта, Баха.
Но вот саксофон вмешался внезапно.
Протяжно, раскатисто блюзы играет,
И город под ветреный сплин засыпает.

И снятся ему бирюзовость небес,
Солнце — желток, приветливый лес.
Ветра молодого ласкающий смех,
Лугов росно — пряных привольный разбег.

Стозвонное лето приходит во снах,
Без запахов сочных в цветистых полях.
Без шёпота моря и песен цикад,
Чему ты безмерно был счастлив и рад.

Но осень умчит, а за нею снега,
А там уж капель и диво — весна.
И вновь повторится летний рассвет,
Волшебней, румяней которого нет.

Виктория КАНАЕВА

Родилась и училась в Москве. Окончила музыкальную школу и романо-германский факультет Московского государственного педагогического университета. Работала переводчиком. В Париже живет более 30 лет. Все эти годы пела в парижских хорах. Несколько лет работала в русской общественной библиотеке имени И. С. Тургенева в Париже. Пишет стихи, издала шесть сборников на русском и французском языках, несколько стихотворений было опубликовано в журнале «Из Парижска». Путешествовала, что дало возможность открыть для себя богатый и разнообразный мир и встретить интересных людей.

БЕРБЕРКА ИЗ ТАКРУНЫ¹

Живёт она в доме
белого цвета
под ветрами зимы
и под солнцем лета.

¹ Такруна — берберская деревушка в Тунисе, расположенная на холме высотой 200 метров над уровнем моря с изумительно красивым видом на окрестности. В ней живут в настоящее время шесть берберских семей. Женщины ткут ковры, а мужчины занимаются сельским хозяйством.

Дом стоит на холме,
и с высоты
открывается вид
изумительной красоты.
Вдали от цивилизации
и назойливой информации
живёт эта женщина
и плетёт ковры.
Свои у неё ценности
и свои миры.
В красном платье
и в красном платке
легка, словно птица,
на ветерке.
Под звуки молитвы
из белой мечети
её жизнь состоялась
на этом свете.

Душою чиста,
она знает дорогу —
дорогу в Небо,
дорогу к Богу!

04.03.2015, Сиди Бу Саид, Тунис

НАША ЖИЗНЬ

Наша жизнь — восход, закат,
Вереница круглых дат.
На восходе воздух свеж,
Полон радужных надежд.
На закате всё иначе:
Слабо верим мы в удачу.
Ну а день заполнен светом.
Есть вопрос — спешим с ответом.

Любим, радуемся, верим,
Всё своею меркой мерим.
Молодеем и стареем,
Жить, наверно, не умеем.
Путь короткий или длинный,
К Господу идём с повинной.
Наша жизнь — восход, закат
Да цепочка круглых дат.
Если цепь оборвалась,
Жизнь с природою слилась.
На заре цветок умылся,
Словно кто в него вселился.
Шепчет свежая листва
Предков мудрые слова.
И на небе неспроста
Вспыхнет новая звезда.

08.02.1995, Париж

СТОЛИЦА

Как хороша в огнях столица —
Земные радости сулит.
Ах, до рассвета ей не спится,
В ней молодая кровь бурлит.
Подарит жизнь большим фонтанам,
Гирлянды фонарей расцветит,
Чуть отдохнёт в тени платана
И соловья в ветвях заметит.
Стройна, стремительна, чуть скрытна,
Пройдёт по ленточке бульваров
И в ресторанчик самобытный
Зайдёт и скушает омаров.
Глоток шампанского пригубит,
Откинёт золотую прядь.

Ах, как же страстно она любит
В объятьях ночи танцевать,
Когда оркестр играет танго,
И в такт качаются мосты,
Когда, как золотое манго,
Лежат на блюдечке мечты.
А утром, хоть буди из пушки:
С открытой дверью, без замков,
Зарывшись сладостно в подушки —
Спит достояние веков.

27.09.1996, Париж

ОСТРОВ

На горизонте остров-великан.
Он здесь — по доброй воле иль в капкан
Попал? Молчат века.
Невольно тянется рука
Его погладить...

12.06.2007, Ираклион

МЕЛОДИЯ

Касаясь чёрно-белых клавиш,
Мелодию найти пытаюсь
Из прежних лет. Не сомневаюсь,
Она — во мне.
Вот-вот она проснётся по весне
И зазвучит каплями, дождями,
Сирени зацветут...
Как в очень давнем светлом сне.

10.05.2010, Париж

* * *

Мы лишь затем приходим в этот мир,
Чтобы сказать своё, хоть маленькое, слово,
Чтоб насладиться светом дня простого,
Чтоб башмаки в походах протереть до дыр,
Чтоб пригласить друзей на щедрый пир
И, словно дети, удивляться снова
Тому, что старо, и тому, что ново.

13.04.2010, Рим

* * *

Нам кажется, что выше не бывает,
Когда под купол голоса взлетают
И достигают ангельских высот,
Когда и сердце, и душа на взлёт.
И с помощью семи волшебных нот
Прекрасен музыки полёт.

06.06.2014, Париж

ЛЕТНЯЯ СИМФОНИЯ

Как быстро лето пролетело!
Ошеломило, отгорело.
Едва лишь увертюра прозвучала,
И вот уже — два такта до финала.
Но было столько дней небесно-чистых,
Лазурных волн, цветов душистых,
Высоких пиний за моим окном,
Залитых каталонским солнцем,
Что долго летним краскам музыкой звучать
И стать гармонией в душе моей,

Чтоб сердцу было веселей
Невзгоды осени встречать.
И в день холодный и унылый
Услышу хор цикад призывный,
Всю мощь и красоту концерта летнего
От первого аккорда до последнего.

24.07.2020, Париж

ЕСТЬ

Есть притяжение людей хороших,
Готовых улыбнуться и помочь,
Слиянье судеб непохожих
Навеки, словно день и ночь.
Есть радостная череда событий
И горестная полоса утрат,
И необычность, новизна открытий,
Привычные с рождения рассвет, закат.
Родители есть, дети и любовь,
И торжество поэзии, симфоний,
Есть Жизнь, которая не повторится вновь,
И оттого весь смысл её весомей.

23.09.2020, Париж

ВЕСЁЛЫЙ ДОЖДЬ

На асфальте пляшет дождь.
 весело ему.
Отчего такой весёлый?
 в толк я не возьму.
Разметались его косы —
 чисто серебро.

Поливает, освежает,
и несёт добро.
Засверкали изумрудом
грустные кусты.
Благодарные головки
вскинули цветы.
Завтра снова солнце
вспыхнет, а пока
Эта пляска дождевая
так изящна, так легка!

12.08.2022, Париж

* * *

Чем мы старше, тем мудрее.
Как хотелось, чтобы так...
А душа всё не стареет,
И внутри сидит чужак.
Как дитя, накуролесит,
Удивится сам себе.
Флаги радости развесит
Вопреки своей судьбе.

19.04.2023, Париж

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Я люблю тебя, древний город,
Со всеми площадями, церквями.
Не теряя связь с веками,
Ты остаёшься молод!
Ты прекрасен в любое время:
Весной и осенью, зимою и летом!

Наполняя сердца наши светом,
Ты всегда — интересная тема.
Ожиданий моих не обманешь,
Стариной порадуешь и новью...
Сию в уютном ресторане
И пью за твоё здоровье!

11.05.2023, Рим

МАКИ

Мы поехали во Фраскати.
Пасмурно, маловато света.
И маки ярко-красного цвета
В этот день были очень кстати!
Кто рассыпал их легкой рукой
Вдоль дороги и по полям?
Хаотично и лёгкой строкой...
Очевидно, на радость нам!
Эти вестники светлого мая,
Словно с картин Сезанна,
Землю счастливую обнимали,
Зажигая огни неустанно!

15.05.2023, Рим

Людмила МАРШЕЗАН

Лю... С этого слова начинается моё имя, как любовь, как лютик, как люди — замечательные люди, встреченные мною на пути жизни. Три тысячи километров разделяли мой родной Харьков и недосказанный Париж, но любовь обручила и соединила их воедино. Цветение юности, томление глупости, шедевры моих поступков утонули в прочих шедеврах Парижа. Этот город принял меня, здесь родились мои дети: Диана, Давид, Александр, произошло переплетение рисунка собственной жизни и Вечного города.

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

В Париже тайная тоска
осенний дождь томила.
Твоя поэзия — река,
Цветаева Марина.
Крылатый дух и чистый глас,
а ритм пьянит, как вина.
Что делать нам сейчас без Вас
Цветаева Марина?
Не нужен был тебе Пегас,
ведь ты любовь дарила
И продолжала верить в нас
Цветаева Марина.

* * *

И снова ты здесь,
на пороге судьбины.
Молча желтую шляпу снял
древний каштан пред тобой.
Ты прощаешься с Ванвом,
жар-птица Марина,
Всё надеясь найти
долгожданный покой.
Не умеешь просить,
ты горда бесконечно,
Может Богу шепнёшь
только несколько слов,
А ведь в сердце грустит
вся надежда о вечном,
Но остался в молчаньи
Иоанн Богослов.
Опоздали любить.
Ты разбилась о время.
Истекла перламутром
печали луна,
Но звучат до сих пор
вечно юные вальсы Шопена,
А стихами твоими, Марина,
золотим купола.

* * *

Марину примите как чудо,
как голос правды небесной
против правды земной.
Она — ясновидец чудесный,
Поэт — любовь!

Написано в квартире Цветаевой в Ванве

* * *

Была я мостом. Не простым деревянным, —
животворным, волшебным или обманным,
соединяя разные разности душ,
прощая житейскую глупую чушь.
Была я лестницей в небо ведущей,
студёной водой и хлебом насущным.
Была я травой и росой на траве
и звали ЛЮБОВЬЮ меня на Земле.
Светила влюблённым яркой звездой,
будила любовников алой зарёю.
Художникам кисти в любовь окунала,
поэтам — стихи до утра диктовала.
Все думали Муза их посетила,
но это ЛЮБОВЬ свои крылья дарила
Светлые.

* * *

Ангел стоял на крыше...
Обычно, они где-то выше.
Крылья — без взмаха,
Смешная не нём рубаха.
Может быть, потерялся?
Наверное — растерялся,
Смутился цветами зла,
Заплакав, шагнул в никуда.
Пролился слезами дождь...
Где ангел? Его не найдёшь,
Парижская крыша пуста,
Лишь в небе блеснула звезда
Надежды.

* * *

Луну заманили в лужу,
День воскресный ещё не встал.
В эту промозглую стужу
Париж утомлённый спал.
Безошибочен слух Парижа,
Он — дирижёр Земли,
Наверное, небо здесь ниже,
Манящее в лунность ночи.

А ЧТО ЛЮДИ ВООБЩЕ ДЕЛАЮТ?

Делают вид. Стареют
И головою седеют,
Накапливают страхи
И отглаженные рубахи.
В лучшем случае — книги,
На десерт поедая фиги.
Только есть на земле чудаки,
Сумасшедшие простаки.
Просто так сердца зажигают —
Новым светом весь свет освещают,
Согревая зарёю рассвет,
Утверждая, что смерти нет!

* * *

Огарки слов... Огарки свеч...
Любви осколки.
Как трудно нам её сберечь,
Слова так колки.
Как сохранить от горьких ран
Душевный небосвод,

Когда идёшь ты на таран
За тень свобод.
Ты ищешь истину? Глупец!
Её давно распяли,
Или отдали под венец
В глухие дали.

* * *

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал.
Павел Коган

Я с детства не любил углы,
где запах наказания. Увы,
там душу угловатую терял,
упрямо круг на стенке рисовал.
Звезда моя светилась без углов,
мой круглый мяч сбивался в гол,
а лунной ночью напролёт,
стихи читал, как круглый идиот.
Всей мудрости познав овал,
её на вечность променял,
и в небесах замкнулся круг,
а солнце круглое погасло вдруг.

Анна НЕЛИДОВА

Анна Нелидова родилась в Москве, где начала писать и публиковать свои первые стихи. Учитель истории, она была лишена работы за правозащитную деятельность и в 1986 году покинула страну под давлением властей. Проживает в Париже. Автор трёх поэтических сборников.

ВЗЛЕТ

Мы готовились к взлету, готовились очень давно,
Постигали цену виражей и падений науку,
Тосковали по небу, и небо нам было дано
В откровении радости наших восторженных внуков.

Как бы ни было трудно дышать на такой высоте,
Но отсюда все видно — вся наша судьба на ладони.
Люди наши любимые — вечно любимые, те,
Кто готовится к взлету и чести своей не уронит.

Дети, внуки, друзья — это в вечность маршрут,
Это песня где сердцем диктуется каждое слово.
Мы взлетаем и кружимся в воздухе пару минут
Для того чтобы сверху увидеть самих себя снова.

* * *

Дорожки лунной двадцать пять шагов
Меня уже купаться не заманят.
Учусь жалеть, учусь прощать врагов
И точно знаю, что в моем кармане.

Давно уж миновало время снов,
Надуманых страстей, пустых мечтаний...
И лишь любовь — основа всех основ
Спасает, лечит и стирает грани.

КОЛЕСО САНСАРЫ

Я родилась, чтоб стать самой собой,
Тем, что Господь определил исходно.
Мой первый детский крик в ночи холодной
Звучал для акушеров как отбой.
Они ушли, заснула рядом мать,
А я старалась как-то оглядеться
И вспоминала, что такое «детство»,
В котором мне придётся жить опять...
И понеслось... Ещё один заход
В прекрасный мир, где все уже знакомо,
И в каждой ситуации, как дома,
Всех знаю, но никто не узнаёт...
На этот раз мне снова повезло,
И, взвесив все удачи и потери,
Я радуюсь, в любовь и дружбу верю,
Не спяну... я прозрачна как стекло.

ОСЕНЬ

Осень жизни радует не меньше
чем весна.

Щедры ее дары.

Осень — это время мудрых женщин,
тех, кто принял правила игры.

Небосвод невероятно синий,
паутинок кружевной полёт,
огненные гроздья на рябине...
Листья падают, душа поёт.

Георгинов солнечные пятна
собираю в праздничный букет...
Осень мне близка и так понятна
в зрелой радости своих побед.

ПОСТОЯНСТВО

Нет ничего постояннее неба.
Как бы ни хмурилось, ни громыхало,
Знаем, что снова оно засияет
Куполом ласковым нас защищая.
Так и любовь: разразится грозой,
Хлопнет дверями, слезами прольётся
И озаряется снова улыбкой.
Видно, любовь постоянству у неба
Прежде училась.

МОЙ АНГЕЛ ГОЛУБОЙ

Мой Ангел голубой, мой утешитель строгий,
Опять передо мной ты с яблоком в руке.
Куда пойдём теперь без цели и дороги:
Я с грузом всех забот, ты рядом налегке?
Вот, ты меня ведёшь к холодным дальним далям,
И думаешь: «А вдруг там есть для нас приют?»
Наивный Ангел мой, мы это все видали,
И нас, как чужаков, прогонят и побьют.

Не слушай, я ворчу, наверно, я устала
От глухоты людской и грохотанья догм.
Пойдём, пойдём вперёд и все начнём сначала
У милости в саду построим тёплый дом...

* * *

Не так-то просто все принять как есть...
Куда меня несёт судьбы кораблик?
Не понимая замысла небес,
Я строю планы, но... опять на грабли!
А как обидно, что никак нельзя
На радость всем (я не прошу о многом)
Отдернуть серый занавес дождя
И солнечный денёк с утра потрогать.

КРЕДО

Пусть в каждом дне есть боли западня,
И страх потерь бросает на колени,
Я верю в силу жизни, в радость дня.
Ведь свет, в конце концов, сильнее тени.

Я встану рано, соберу цветов,
Открою окна сердца, глаз и дома,
Сварю овсянку для ближайших ртов
И помолюсь о всех, с кем я знакома.

И день будильником задребезжит,
И будет он то резвым, то ленивым...
Давайте жить, давайте просто жить
И радоваться, потому что живы!

ПАРИЖСКАЯ ЗИМА

Парижская зима: ждём снега, но едва ли...
Течение реки, разбухшей от дождя,
Ствол дерева во мху, как в бархатном футляре...
Я говорю «bonjour» кому-то, проходя...
«Дай радости чуть-чуть» — прошу я у природы.
Кого ж ещё просить?
И словно мне в ответ,
В прореху мрачных туч из недр небосвода
Прорвался голубой, как незабудка, цвет.

Я НАУЧИЛАСЬ

Я научилась говорить «прости»
Без оправданий, без словесных кружев
И радуюсь...
 Но мне ещё расти,
Прощать учиться.
 Вот зачем мне нужен
Господь.
 Моя душа в Его горсти
Улыбку солнца видит в темных лужах.
А без Него все — хаос, холод, тьма.
Как мало я ещё могу сама...

Лиза ПАВЛОВА

С 2010 года живёт во Франции. Выпускница филологического факультета. Пишет стихи и прозу с десяти лет. В 1999 году вышел сборник её стихов «Сад желаний». Около десяти лет работала секретарём Молодёжной организации при Союзе Писателей России.

РЕБУС ОКТЯБРЯ, ИЛИ НЕМНОГО ЭТИМОЛОГИИ

Октябрь, октябрь... Мелодия стиха
И к радости близка, и к совершенству.
Кругла, как О, красна, как К,
И тонет в Т, полна блаженства.
Мне не понять его утех,
Восьмерка их не раскрывает.
Ровна для всех, тиха для всех...
И в бесконечность уплывает.
Как красно-желтые листья,
Как дивной вечности браслеты,
Октябрь — у праздничной черты,
Как утра яркие рассветы.

Как паутины нить, храню
Его я в сердце бережливо.
И ничего нет на кону —
И боже, как это красиво!

НОЯБРЬ

(НО Я БОЮСЬ)

Свистеть, чтоб не было хоть денег,
А не чего-нибудь важней.
Ноябрь — из главных привидений —
Своим занудством всех страшней.
Ты, как убийца хладнокровный,
В промозглом сереньком пальто,
Идешь легко, походкой ровной
И представляешься: «Никто».
Никто иль некто — быть не может...
Как больно-сладко горевать...
Не будем мертвых мы тревожить.
Навзрыд уж лучше выпивать,
Рыдать без всяческой причины
И хулиганства затевать,
Крестясь от мыслей чертовщины,
И ноябрем хоть щи хлебать.
Дай нить — она всего дороже —
Привяжешь к вечности меня.
Ноябрь, своею постной рожей
Ты слишком жуткий для меня.
И я боюсь...
P.S. И отжала, и отмолчала.
И вот — просвет,
То, что так долго призывала:
Декабрь. Рассвет.

МОЙ ДЕКАБРЬ (ПОПЫТКА АКРОСТИХА)

Дразнящий сказкой новогодней,
Емелей мчится на печи,
Кружит метелью и заводит
Активные, как жизнь, лучи.
Беру тебя без экивоков,
Романтик мой, плутишка мой,
Давай смеяться, прыгать, охать,
Едва пришел, — наперебой.
Катать печенья и коврижки,
Атласом покрывать мосты,
Бомбить звонками наших близких,
Ругать от сердца простоты.
Динамика твоя беспечно
Елозит мыслей косный строй
Короной года подвенечной,
Амура пущенной стрелой.
Богат и юн в моих виденьях,
Родной! Как светел ты и храбр.
Чудесным дочкиным рождением
Поет, искрится мой декабрь.

ФЕВРАЛЬ С ФЕВРОНИЕЙ

Фагот. Фа-фа. Фонит метель.
И Фавн грозит из коридора.
Но поздно уж. Твоя теперь,
Вся без остатка. Не притвора,
Не скромница и не ханжа...
Фьють-фьють — вот птицы полетели.
От предвкушения дрожа,
Я замерла в продрогшем теле.

Мой фей, воздушный мой Февраль.
И фейерверк огней и мыслей.
И дни светлей, и чище даль.
Несчастья на века зависли.
Верна тебе я, как Петру,
Твой свет мне душу очищает.
И я Февронией стою
И образ нитью вышиваю.

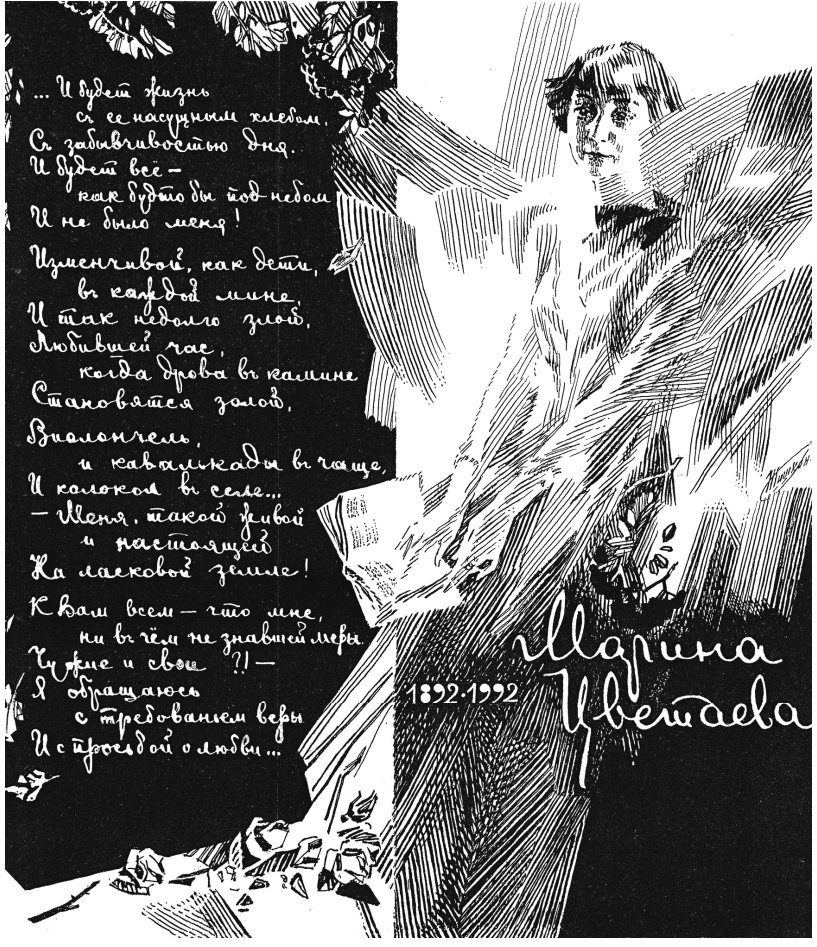
ИЮНЬ

(МЕСЯЦ ЮНОНЫ)

В толпе кукушек всех мастей,
В толпе павлиньих разноцветов
Юнона ходит средь людей
И не находит здесь ответов.
Она прекрасна, как заря,
Она божественна, как знамя...
В слезах от мужа и царя,
Повержена его делами.
Его измены так просты,
Полны беспечного цинизма,
Что вторглись в лоно чистоты,
И мира, и тепла. Повисла
Опять угроза над семьей,
И над людьми, и над богами,
Она ж сильна лишь красотой,
Любовью и земли дарами.
И этим в плен его взяла
В момент великого безумства
И к алтарю царя вела...
Не ведая его кощунства.
Юнона ждет — а он с другой,
Не ей вновь ласки расточает,

Он очарован лишь войной,
Жены альков не посещает.
Юнона, кличь своих гусей,
Чтоб о смертях предупреждали,
И призови всех матерей,
Чтоб сыновей оберегали.
Юпитер бьет по голове
В судьбе моей. Будь мне порукой.
Юнона, боль мою развей,
Юнона, будь моей подругой.
Ты подарила мне июнь
С его цветением и светом.
Юпитер твой — лишь потаскун.
И побежден одним рассветом.
И юн, и свеж, всему открыт,
Со звонкой ранней песней птичьей,
Июнь... мой месяц фаворит,
Исполнен твоего величья.

**ЭССЕ
К 130-ЛЕТИЮ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

... И будет жизнь
с ее насущным хлебом.
С забывчивостью дня.
И будет вес —
как будто бы под небом
И не было мекя!
Изменивой, как дети,
в каждой мне,
И так недолго жлой,
любившей нас,
когда дрова в камине
Становятся золой,
Взвешенные,
и кавалькада в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой женой
и настоящей
Ка маковой земли!
К вам всем — что мне,
ни в чем не знавшей меры
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь
с требованием веры
И с фрейдой о любви...

1892-1992

Марина
Тsvetaeva

Владимир ГУДАКОВ

ЦВЕТАЕВУ НЕЛЬЗЯ ЧИТАТЬ, А МОЖНО ТОЛЬКО ПОЗНАВАТЬ

С тех пор, как я узнал о Марине Цветаевой, она всегда со мной. Открываю сборник её стихов, читаю, перечитываю, стараясь лучше понять смысл, возвращаюсь, чтобы как можно глубже проникнуть в мысль гения.

Я посвятил Поэту стихи. Нередко они принимают форму диалога. Например, отождествление зари со смертью в её строках

«Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!

вдохновили меня на стихотворение:

Заря Восхода и заря Заката.
Прекрасны обе в играх бытия.
И ни одна из них не языката,
А в каждой просто красота своя.

Одна светлеет ярче и победней,
Другая угасает без следа.
Но ни одна не хочет быть последней,
Чтобы уйти куда-то навсегда.

И ход вещей идёт зарям навстречу,
Подругами их сделав на века.
И если где-то наступает вечер,
То где-то утро светится слегка

Размышления о природе цветаевской сущности отразились в строках:

Цветаеву нельзя читать,
А можно только познавать.
За каждым словом — целый мир.
Словесности великий пир.
Из бесконечности в одно —
Вселенской мысли торжество —
Сливаются её слова.
О Муза! Ты всегда права!

* * *

Марина всегда называла себя «поэтом», а не «поэтессой»:

Я понимаю, почему ОНА — поэт,
а ОН, не важно кто, лишь поэтесса.
Поскольку в ней всегда зарницы свет,
а в нём всегда тоскующий повеса.

И вновь — непрерывающийся внутренний диалог с Поэтом:

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Любой газеты злей,
Конечно, интернет!

Во Франции есть несколько мест, связанных с жизнью и творчеством Марины Цветаевой.

Одно из них находится в ближайшем парижском пригороде, в Ванве, в доме, в котором она провела несколько лет. Теперь это квартира Флорана Дельпорта, где он принимает посетителей душевно и тепло, превратив свой дом в Храм Поэта. Бережный хранитель памяти Цветаевой, он собрал множество фотографий и других ценных документов о ней и постоянно устраивает встречи, концерты и поэтические вечера, посвящённые Марине. Можно без преувеличения сказать, что жизнь на земле без таких подвижников стала бы скучной и бесцветной.

Символично и то, что имя Флоран означает цветение, цветок, расцветающий, цветущий...

И, конечно же, судьба и имя Цветаевой проникнуты Парижем:

В большом и радостном Париже
Мне снятся травы, облака,
И дальше смех, и тени ближе,
И боль как прежде, глубока.

В марте 2016 года, в парижском саду Пале-Руаяль, прошёл удивительный праздник — «поэтические стулья». Скульптор из Квебека, Мишель Гуле, украсил спинки стульев изречениями поэтов. Одно из них — девиз Марины Цветаевой из двух глаголов:

«Être vaut mieux qu'avoir. Лучше быть, чем иметь».

В 13-м районе Парижа, на улице Гласьер, находится муниципальная библиотека имени М. Цветаевой (132, Rue de la Glacière, 75013, Paris). С самого порога попадаешь в мир Поэта: на стеклянных дверях — коллаж её фоторафии. Здесь же — репродукция её портрета кисти Магды Нахман (1889–1951). Зритель видит двадцатилетнюю Марину: портрет написан в Коктебеле в

1913 году на даче Максимилиана Волошина. Около репродукции портрета можно прочитать по-французски слова Цветаевой:

«Le poète découvre dans ses rêves
La formule de la fleur et la loi de l'étoile
«Певцом во сне открыты
Закон звезды и формула цветка»

В одном из залов посетителя сопровождает послание Рильке к Цветаевой:

«Nous nous touchons comment?
Par des coups d'ailes
Par les distances même nous nous effleurons».
(Rainer Maria Rilke à Marina Tsvetaïeva, mai 1926)

«Как мы касаемся друг друга?
Даже на расстоянии
Мы расцветаем
Взмахами крыльев»
Райнер Мария Рильке Марине Цветаевой, май 1926
(перевод В. Г.)

На полках библиотеки — книги о ней на французском языке; её стихи в двуязычных изданиях; каталог «Марина Цветаева и Франция», подаренный Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве по случаю переименования парижской библиотеки в 2014 году в её честь; замечательный перевод пьесы Марины Цветаевой «Федра» Флорианом Вутевым — Флорианом, необыкновенным цветком, познакомившим французов с драматическим творчеством русского Поэта.

Две великие культуры, французская и русская, следуют многовековой традиции — быть вместе.

Людмила МАРШЕЗАН

НОРМАНДИЯ. ПО СЛЕДАМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

И сознание, что это на час —
который может быть затянется —
как целый год затягивался — но от
этого не переставал и не перестанет
быть часом — мешает чему бы то ни было
по-настоящему радоваться, что бы то ни было
по-настоящему ценить.

*Из письма М. Цветаевой С. Эфрону
20-го сентября 1938 г.*

«Будущее все знают, не знают прошлого», — утверждают историки. Согласна, но сесть за штурвал «машины времени» и погрузиться в прошлое Марины Цветаевой — в период, определивший всю ее дальнейшую судьбу, мне помог внешний «щелчок».

В центре Парижа, на площади Пантеон в доме № 8 находится Литературная библиотека, которую по традиции Латинского квартала называют просто — Литера. Многие уже позабыли, что она носит имя известного в свое время кутюрье Жака Дусе (Jacques Doucet 1853–1929). Он был заядлым коллекционером и щедрым меценатом. Жаку Дусе удалось приобрести 140 тысяч рукописей гениев эпохи — Стендаля, Бодлера, Верлена, — а также редкие издания книг, архивы известных художников, фотографии и семь тысяч произведений искусства. Это позволило создать уникальную Литературную библиотеку, фонды которой пополняются исключительно редкими экземплярами.

Посещать Литеру — это удовольствие. От пола до потолка — ковер книг. Единственное, что меня огорчало, — отсутствие произведений Марины Ивановны Цветаевой,

Поэта, которого мы воспринимаем как близкого друга, сестру. Скажешь: Марина, и не нужно ни отчества, ни фамилии, каждый знает, о ком идет речь.

Однажды, в один прекрасный летний день, когда обе-зумевшие, разрываемые ветром тучи пролились проливным дождем, загнавшим меня в Литеру, и произошла эта случайная неслучайность.

В читальном зале библиотеки находится мебель, прозванная специалистами «трибуной». На ее наклонной поверхности так удобно перелистывать и рассматривать фолианты. За этим занятием я и застала библиотекаря, укоризненно смотревшего на мое мокрое явление. Его жест, наверное, означающий: «Stop! Не приближаться!», я истолковала как приглашение взглянуть на новинку. С черно-белой гравюры на меня смотрели знакомые глаза.

— Цветаева! — непроизвольно воскликнула я, одновременно удивленно и ликующе утвердительно.

— Вы угадали. Это ее письма из Нормандии и перевод «Бесов» Пушкина.

— Какое замечательное издание, — с энтузиазмом заметила я, но он строго уточнил:

— Шедевр! Тираж — 12 экземпляров. Ценный дар нашей библиотеке.

— Мне кажется, что это подарок русского человека.

Он открыл титульный лист, на котором значилось: Laboratoire du livre d'Artiste. Художник и издатель Сергей Шамшинов.

Библиотекарь удивленно взглянул на меня.

— Как вы догадались?

— Все очень просто. Подсказали стихи Цветаевой:

Доктора узнают нас в морге
По не в меру большим сердцам.

Он улыбнулся, но прикоснуться к шедевру не позволил, а прочитал вслух письмо Марины Цветаевой к Ариадне Берг:

«Dives-sur-Mer (Calvados) 8 rue du Nord
18 августа 1938 г., четверг.

Дорогая Ариадна! Правда — дивное имя? Был у меня когда-то — ровно 20 лет назад! — такой стих (кончавший стихотворение):

...Над разбитым Игорем плачет Див.

(Див — наверное, существо из «Песни о полку Игореве», думаю — полу-птица, полу-душа...)

Далее следовало описание поселка Див-у-Моря и комнаты, которую снимала Цветаева с Муром. Хозяин оказался русским, звали его Никита, и был он «отцом четырех нормандских детей, ни звука не знающих по-русски: за глаза старшего мальчика — непомерные, карие, жаркие (зачем ему такие?) — душу бы отдала».

— Дивная история. Благодарю вас за чтение. Эти письма и будут мне служить путеводной нитью Ариадны.

— Куда же вы?

— В Dives-sur-Mer!

Расстояние Париж — Див-у-Моря — 220 км. Филипп, мой супруг и верный помощник в моих исследованиях, нещадно гнал лошадиные силы автомобиля, и мы быстро подъехали к Лизье. В этот солнечный августовский день небесные художники тщательно выкрасили небо в голубое, без всяких затейливых завитушек облаков. Наверное, такое же нормандское небо голубело и голубило Марину и Мура.

Вслух зачитываю отрывок из ее письма: «Ехали через Lisieux, видели уж-жасный!!! мавританский собор, думающий почтить память Святой Терезы, но и другое видели — монастырь в глубине города...»

Естественно, Цветаевой, любившей «старые дома», не мог понравиться новодел, построенный в 1929 году в странном романо-византийском стиле. Но как жаль, что она не вошла внутрь базилики Святой Терезы, выстроенной в честь высокочтимой юной монахини кармелитского монастыря, удостоенной редкого титула Учителя Церкви и причисленной к лику святых в 1925 году. Марина поразилась бы величественности и простору храма, где мозаичный купол словно висит в воздухе, не опираясь на традиционные колонны, позволяя свету беспрепятственно играть в витражах всеми цветами радуги. Архитектурный секрет — использование нового материала — железобетона. Крипту, расположенную под храмом, можно назвать райским садом, где под сводами из мрамора и мозаики «поют» сто шестьдесят пестрых птиц и «цветут» полевые цветы, которые предпочитала Тереза. Создается впечатление, что это не церковь, а дворец, подаренный маленькой принцессе, как ласково называл ее отец. Рожденная в 1873 году, она почти не помнила мать, потеряв ее в четырехлетнем возрасте. В десять лет девочка тяжело заболела. Горячо молясь статуе Девы Марии, она однажды заметила, что та улыбнулась ей; Выздоровев, Тереза пообещала посвятить свою жизнь служению Богу. Став кармелиткой (Кармель — гора в Палестине, где был основан монастырь, давший в XII веке название католическому ордену кармелитов), она записывала свои размышления над Богословием и Богославием, утверждая, что святость доступна всем. Она предлагала мысленно вернуться в собственное детство и разбудить в себе того ребенка, каким был каждый: чис-

тым, простодушным, честным, неискушенным. Особая правдивость Терезы сделала ее книгу уникальной; в ней Цветаева уловила «аромат вечности». Маленькая кармелитка писала: «Каждое мгновение — это уже вечность, вечность с ее радостью. Если я и покидаю уже поле сражения, то не для эгоистического желания отдохнуть». Она жаждала не вечного покоя, а вечной деятельности. После смерти Терезы в 24 года от туберкулеза настоятельница монастыря опубликовала ее биографические записки под названием «История одной души». Неожиданный мгновенный успех. Последовали многочисленные переиздания «Истории одной души» и переводы на иностранные языки. Русской эмиграции имя Терезы Мартен (Thérèse Martin) стало известно благодаря роману Дмитрия Мережковского (1866–1941) «Маленькая Тереза». Автор неустанно продолжал работать над произведением, но так и не окончил его. Жизни не хватило.

Лизье является вторым после Лурда местом паломничества во Франции, несмотря на то, что святая Тереза при жизни не успела ничем прославиться. Только после смерти она завоевала общее признание и широкую известность. Казалось, маленькая кармелитка исполняет свое обещание, записанное в «Истории одной души»: «Я все свое небо употребляю на то, чтобы помогать земле». И стали происходить невероятные чудеса у ее могилы: паломники исцелялись духовно и физически, слепые прозревали, как в случае с шестилетней Эдит Пиаф. Об этом чудодейственном исцелении нам сегодня напоминают «поющие» колокола, вызывающие знаменитый «Гимн любви» — главный гимн жизни. Столпотворение в ожидании чудес на городском кладбище Лизье, где вначале покоилась юная нормандская монахиня, мешало «нормальной» жизни некрополя. После причисления Терезы к лику святых ее благоухающие ос-

танки торжественно перенесли в часовню кармелитского монастыря, куда, судя по письму, и отправилась Марина Цветаева с сыном. «Взяв их след», мы очутились в тишине ухоженной обители, построенной в 1838 году. Ее немногочисленные сестры (19 человек) отличались предельной организованностью, мудро предусмотрев должность архивиста. Мне не терпелось узнать, изменилось ли что-нибудь со времен Цветаевой, или время здесь не властно.

— Пишите письмо-запрос, — казенно ответила девяностолетняя архивистка в монашеской «униформе».

— Электронное?

— Ну, а какое еще? — удивилась она, будто родилась с компьютером в руке, скептически посмотрев на мою романтическую шляпу.

Прошла неделя. Вторая. Долгожданный ответ был краток: «А для чего Вам все это надо?» «Держитесь, кармелитки! — подумала я. — Покой вам только снится. Если вам недостаточна “История одной души”, я напишу вам историю души Поэта!»

Мои эмоции выплеснулись в послание к архивистке приблизительно в таком виде:

«Марина Цветаева. Поэт-Священнослужитель!

Читая ее стихи, мы совершаем поэтическое паломничество в душу Поэта, горя желанием стать лучше, совершеннее. Если жизненный уклад в монастыре подчиняется ритму молитвы, то жизнь Цветаевой определялась ритмом творчества. Она была Поэтом в значении Творца, олицетворяя символ творческого духа. Не забывайте, что слово «Поэзия» в переводе с греческого означает «создание, сотворение», поэзия — это искусство провоцирования самых ярких эмоций, соединяющих человека с Богом. Как Прометей, Цветаева продолжает нести огонь поэзии, чтобы возвысить людей и сделать их способными увидеть невидимое, услышать неслышимое».

Этот пламенный текст украсили стихотворения Марины Цветаевой в переводе Вероники Лосской. Пусть читает весь монастырь, как молитву.

Через десять минут приходит благая весть с подробной информацией. Летом 1938 года Марина Цветаева с сыном могли видеть надгробный памятник Святой Терезы в виде лежащей на смертном одре монахини. Скульптор Лусьен Аллиот (Lucien Alliot) выполнил лицо, руки и ноги в мраморе, а остальные части тела, скрытые одеждой, изваял из гипса. В левой руке Тереза держит крест, а в правой — Золотую Розу, освященную и подаренную Папой Римским Пием XI в 1925 году. Об этом свидетельствует гравировка на стебле цветка. Обычно Золотой Розой награждаются короли и президенты стран за особые заслуги. Впервые этой награды удостоена простая монахиня, увы... посмертно. В усыпальнице с тех пор ничего не изменилось. Только иногда Святой Терезе меняют одежды. Иногда Святая Тереза свершает чудеса, но всегда люди благодарны ей — их сердца наполняются солнцем любви. Цветаева писала: «Эта маленькая девочка могла быть *поэтом* и еще больше *grande amoureuse*» (великой любовницей — Л.М.).

Но об этом я деликатно умолчала, дабы не смущать романтическими желаниями кармелиток. Зачем? Кто их поймет? Ведь Бог не был женщиной на Земле.

Жители Лизье необыкновенные сердцееды. В 2005 году местные кондитеры сотворили вкусную безвкусицу — малиновый торт в форме сердечка под названием «Сердце Терезы». Коммерция бессердечно убивает все святое.

Преодолев «сердечные» искушения, мы покидаем Лизье и через тридцать четыре километра въезжаем в Див. Голубая даль открыла свои объятия. Море! Стихия Марины, которая «в купели морской крещена». Нам не терпится окунуться в сине-зеленую купель моря, но адрес Цветаевой совсем не пляжный: Северная улица, дом № 8 (8, rue du Nord). Рабочие поселка прозвали ее улицей крас-

ных крыш, по цвету одинаковой черепицы. Как важны сегодня Маринины весточки из прошлого, документально воссоздающие эпизоды ее биографии, поднимающие целые пласты сведений, имен, подробностей быта: «полурабочий поселок, с одним домом во всю улицу и под разными нумерами (казенные квартиры для заводских рабочих). У нас с Муром большая светлая комната...» С тех пор минуло более восьмидесяти лет. Металлургический завод закрылся в 1986 году, казенные домики, ставшие частными, прихорошились зеленью и цветами, но крыши остались красными, что как-то связывало меня с той эпохой. Звоню в калитку дома № 8. Выходит молодой, ничего не ведающий человек, посоветовавший обратиться к соседям. Мне повезло только в конце улицы, где в любопытном ожидании, опершись на палку, стояла «пиковая дама». Беседа с ней получилась «длинною в жизнь». Оказалось, что ее родственник, ушедший в прошлом веке в иной мир, в детстве дружил с кареглазым мальчуганом Альбериком. Красивое нормандское имя переводится как «всемогущий Эльф», а отец его был русским! Неужели я нашла на след того мальчика, о котором упомянула в письме Цветаева, назвав имя отца — Никита. Но дама настаивает, что русского звали Ники. Интуиция подсказывает мне, что это один и тот же человек. Ведь не могли же все славяне проживать на Северной улице. В каждом препятствии, в каждой трудности я вижу возможность что-то узнать. Невозможно вернуть прошлое, но попытаемся заглянуть в него. В этом мне помогли другие старожилы, объяснив, что имя Никита для французов — женское и называть им здорового мужика в Нормандии просто неприлично. Таким образом, Никита превратился в Ники. Как же сложилась дальнейшая судьба этой семьи? Во время немецкой оккупации Франции Альберик помогал Сопротивлению. Задача казалась простой: объезжать на велосипеде береговую линию немецкой обороны и отмечать военные объекты кре-

стиками на карте. Эти сведения передавались в Лондон, что позволяло целенаправленно бомбить врага. С каждым днем выполнять задание становилось труднее и опаснее. Фашисты зверствовали, чувствуя начало конца. Однажды, при проверке документов, у Альберика была обнаружена карта с отмеченными военными объектами. После ареста, допросов и пыток — концентрационный лагерь, где юноша пропал без вести. Семье пришлось скрываться от гестапо, и они уехали в неизвестном направлении. Не напоминает ли вам судьба Альберика — «всемогущего Эльфа», судьбу Георгия Эфрона-Мура? Они погибли юными, так и не успев полюбить, не успев реализовать свои мечты и таланты. На стене квартиры семьи Эфрон в Ванве (65, rue Jean-Baptiste Potin), где они проживали с 1934 по 1938 год, висели заветы Цветаевой детям. Мне хочется процитировать десятую заповедь Марины:

«Милые дети!

Когда вам будут говорить: “Это романтизм”, вы спросите: “Что такое романтизм?” И вы увидите, что никто не знает... Когда же окончательно убедитесь, что не знают, сами отвечайте бессмертными словами Жуковского — “романтизм — это душа”».

Как чисты и прекрасны были помыслы.

Как жесток был XX век.

В память о Ванве, где семья, еще не разлученная, проживала на «чудной каштановой улице», в двухсотлетнем каменном доме, названном Мариной руиной (а он и до сих пор стоит, украсив себя мемориальной доской с ее стихами), в архиве сохранилась фотография, подаренная Борису Унбегауну с подписью: «Наша “руина” — в которой я так была счастлива. Vanves. Лето 1938 г. М.Ц.» Входя в эту «руину», я всегда помню, что именно здесь Марина была счастлива. И кажется, нынешний владелец квартиры —

Флоран Дельпорт — сохранил запах ее последнего счастья, распахнув свою душу и двери жилища всем, кому дорог Поэт Марина Цветаева.

Из письма Борису Унбегауну от 15 августа 1938 года:

«О нас с Муром. Мур больше чем на полголовы выше меня — тень усов (13 лет!), полон рот газет, а руки — рисунков. На днях едем с ним на близкое море — в окрестности Кабура — рабочий (увы, не рыбацкий) поселок в получасе ходу от моря. С нашей руиной расстались, вещи распродали и раздали. Месяц жили в гостинице у Mairie d'Issy (в самую жару!) — теперь к морю — а что дальше будет — неизвестно...»

В Див-сюр-Мер Цветаева жила с Муром в рабочем поселке, может быть потому, что к людям труда относилась с глубоким уважением собрата. Праздность, леность, потребительство были органически противны ей. Дочь Аля в своих воспоминаниях отметила, что Марина к письменному столу «каждый день своей жизни шла, как рабочий к станку — с тем же чувством ответственности, неизбежности, невозможности иначе». Она писала на куске бумаге как на куске души, продолжая работать в любых условиях, вернее, без всяких условий. В Диве, Поэт переписала и снабдила примечаниями книгу стихов «Лебединый стан» и поэму «Перекоп». В свободное время быстроногая Марина совершала прогулки «по холмам с далеким морем, с каждым шагом обретавшим все свое величие. Были старые фермы и старые деревья — и вечно-юная зелень с вечно-жующими коровами». (Из письма Ариадне Берг. 3-го сентября 1938 г.). От цветаевского взора ничто не ускользнуло, даже «нормандки» — завезенные викингами коровы в белых элегантных «платях» с черными пятнами. Они так полюбились местному населению за красу и молокообилие, что стали эмблемой Нормандии.

От Дива до Кабура — два километра — пара пустяков для Марины, чтобы очутиться на знаменитом променаде Марселя Пруста (1871–1922). Писатель-астматик регулярно приезжал сюда, останавливаясь в Grand Hôtel — величественном здании в стиле Belle Époque, на четвертом этаже в номере 414. Нормандский курорт Пруст обессмертил в известном романе «В поисках утраченного времени». В поисках цветаевского времени мы пристально всматриваемся вдаль, где виднеется порт Гавра, откуда Цветаева с сыном отправились на корабле навстречу смерти.

Нормандские письма Поэта помогли нам открыть и полюбить Calvados — один из пяти департаментов Нормандии, где еще во времена Римской империи образовалось поселение Див, получившее свое название от одноименной реки, что означает в переводе с латинского «богатая». Река Див, богатая рыбой, неторопливо течет на протяжении ста километров, а потом дивно бросается в объятия Ла-Манша. Марине, с детства владеющей языком Мольера, было легко «расшифровать» название Кальвадос — «лысые спины», т.е. скалы без растительности. Пришелся ей по вкусу нормандский пейзаж: обветренные утесы, просторные пляжи, шальной ветер, пахнущий йодом, обилие яблок, сидра и высокоградусной «воды жизни» под ласковым названием «кальвадос». Этот алкогольный напиток из яблок, изобретенный в XVI веке, настаивается в дубовых бочках до янтарного цвета долгие годы. Со временем «кальва» насыщается тонким ароматом, но какое-то количество жидкости испаряется, улетучивается в небо. «Это порция ангелов», — говорят французы. Древнее поверье утверждает, что хмельные кальвадосские ангелы спасают всех, кроме тех, кто наделен божественным талантом.

Марина Цветаева давно догадалась об этом и написала:

Ибо раз *голос* тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

Гармония нормандской природы не уберегла Марину от дисгармонии жизни. Бессмысленное ожидание разрешения на въезд в Советский Союз изнурило до крайности. «Я давно уже не живу — потому что такая жизнь — не жизнь, а бесконечная *оттяжка*. Приходится жить только нынешним днем — без права на завтра: без права на мечту о нем! А я ведь с 7-ми лет жила — “перспективой”...» (Из письма к Ариадне Берг). На тревожные мысли Марины: «О Боже, Боже, Боже! Что я делаю?!» — Берг откликнулась письмом от 22 августа 1938 года: «Марина, а что если бы Вы не уехали? Я так глубоко чувствую *ненужность* Вашей жертвы. Но, конечно, Вы ее чувствуете еще глубже, а также, что она — роковая...» Искренняя попытка верного друга Ариадны Эмильевны Берг — теософа, литератора, поэта — разбудить Цветаевский инстинкт самосохранения не увенчалась успехом. Верность «клятве» Сергею Эфрону — «дорогому и вечному добровольцу» — вынуждала ее следовать за ним. Его имя, выгравированное на внутренней стороне обручального кольца, значило для Цветаевой бесконечно много. «Одноколыбельники», неразлучники, мученики... Еще в 1923 году в письме к Волошину Эфрон поставил диагноз семейных отношений: «Жизнь моя — сплошная пытка». Переживаемые Мариной увлечения, «тайный жар», не всегда соответствующие грандиозности ее личности, Эфрон-Орфей воспринимал с болью и отчаянием. Жертвуя собой, понимал, что он «одновременно и спасательный круг, и жернова на ее шее». Естественно, он пытался быть еще кем-то, кроме мужа Цветаевой. Его мемуарная проза говорит о его несомненном литературном даре, но неравенство в масштабах было очевидным. Сохранить целостность личности, не сломаться было чрез-

вычайно сложно. Разочарованный в Белом движении, Сергей рассказывал Марине, что это «была братоубийственная и самоубийственная война, которую мы вели, не поддержанные народом». Сын профессиональных революционеров, Сергей Яковлевич Эфрон, решив любым путем вернуться в Россию, стал легкой добычей НКВД. Сила личности растворилась в насилии истории. Мифологизируя жизнь, целиком живя в своем стихе, Цветаева не заметила перемены Эфрона. Одиночество, разомкнутое на краткое время, превратилось в одиночество вдвоем. Несомненно, только Марина могла бы спасти Сергея, но она ничего не знала. Не ведала, что 17 июля 1937 года Игнатий Станиславович Порецкий (настоящие его имя и фамилия — Натан Маркович Райс, псевдоним — Людвиг), написал письмо в ЦК коммунистической партии большевиков о намерении отдать все свои силы в борьбе с политикой сталинского террора. Письмо заканчивалось призывом: «Самая решительная борьба со сталинизмом!» Через месяц Райс был убит в Лозанне. Это был герой «один против всех» в духе Цветаевой, не подозревавшей, что ее муж каким-то образом причастен к этому страшному событию. Ее просто удивил отъезд-бегство Сергея в Советский Союз в октябре 1937 года. Началась пытка надеждой, которая не сбылась. Цветаевское предчувствие общей трагической судьбы превратилось в реальность.

Из письма Сергею Эфрону. 20-го сентября 1938 г., вторник:

«Живем — висим в воздухе. Сознание, что все на час — который может быть затянется — как целый год затягивался — но от этого не переставал и не перестанет быть часом — мешает чему бы то ни было по-настоящему радоваться, что бы то ни было по-настоящему ценить. Так было и в нашем морском Диве».

Эта весточка Марины написана на видовой открытке с изображением средневековой церкви XI века *Nôtre-Dame* в Диве. Мы привыкли говорить по-русски «церковь Богоматери», что совершенно меняет смысл буквального перевода: «Наша Дама». Слово «наша» подчеркивает, что это место не только для молитв, но по изначальному своему призванию — общий Дом Народа. Как в Парижской Богоматери, так и во всех Наших Дамах Франции, лишь алтарь принадлежал епископу, а все остальное пространство отдавалось мирским делам. Объясняется это тем, что члены городской коммуны, участвуя в возведении и содержании храма, стремились использовать его пространство в своих интересах. Наша Дама одновременно была и рынком, и биржей, где устанавливались цены на зерно, и нотариальной конторой, и даже музеем, где за малую плату демонстрировались заморские диковинки, и, конечно, мэрией, регистрирующей рождение на земле и возрождение на небесах. Именно поэтому в городах, где высились *Notre-Dame*, не строили ратуши. Цветаева приходила сюда не молиться, а размышлять и рассматривать. Мы тоже вошли в таинственно цветной (от витражей) полумрак храма. Интерьер отличался оригинальными граффити прошлых веков (XV–XIX век). Благодарности, выцарапанные на стене от рыбаков — за хороший улов, от моряков — за спасение от бурь и штормов, «иллюстрировались» морскими гадами и королевскими лилиями. Беспредельная фантазия! Над входной дверью историком XIX века начертано 475 имен соратников Вильгельма Завоевателя — нормандского герцога, отплывшего с войсками в 1066 г. из Дива в Англию с целью захватить трон. Ему сопутствовала дивная удача — он стал королем Англии. Марина в своих письмах упоминает о нем (как много она знала!), а деревня ремесел (квартал Дива) в настоящее время носит имя Гийома Завоевателя. В свою бытность в этих местах Цветаева посетила — бывшую почтовую станцию, государственный статус кото-

рой отмечен памятником Людовику XIV. В XIX веке богатый энтузиаст переделал постоянный двор в сказочный отель. Цветаевой удалось еще застать остатки роскоши былой, но со временем все пришло в упадок, и только в 1975 году художники, ремесленники, антиквары возродили в старинных зданиях новую жизнь, создав центр искусства — деревню ремесел.

Вернемся в церковь Богородицы, которая, видимо, запала в душу Поэта. Открытка с изображением храма была отправлена и Константину Родзевичу 18 августа 1938 года. Внизу рукой Цветаевой приписано — XII век. Ариадне Берг Цветаева выслала открытку с интерьером церкви — Пределом Христа-Спасителя. Старая легенда рассказывает, что однажды рыбаки вытащили из волн морских статую Христа-Спасителя. Кто-то задел ее острым предметом, и рана стала кровоточить. Все поняли, что сам Бог наградил их за труды тяжкие чудотворным Спасителем. Через некоторое время таким же образом был выловлен крест, точно подошедший к статуе Христа. Распятие повесили в церкви Дива, и храм на многие столетия стал центром паломничества. Дивные чудеса свершал Христос-Спаситель до тех пор, пока статуя не была похищена гугенотами. Распятие заменили новым, но вернуть чудодейственную силу не удалось.

Покидая церковь Богоматери, мы получили наставления пожилого священника: «Идите в мир с обновленной душой и готовностью действовать». Так мы и поступили, отправившись вместо пляжа в библиотеку Дива. Она располагалась в бывшем административном здании литейного завода — величественном особняке конца XIX века. В медиатеке нас встретили душевно, как родных. Мы всем очень благодарны за ценную информацию. Оказалось, что Серж Шамшинов и его жена Анна Арк жили и работали в художественной мастерской Дива. Именно здесь в 2010

году письма Марины Цветаевой из Нормандии послужили поводом для творческого осмысления связи поколений и размышлений о судьбе Поэта, в результате которых родилась книга художника (находится в библиотеке), в которой сталкиваются и взаимоотражаются разные времена. С одной стороны, книга представляет биографическое эссе, а с другой, — обращается к переводу пушкинских «Бесов», осуществленному Цветаевой в Ванве в 1937 году, в тот же год, когда был написан «Мой Пушкин». Французский перевод, обладающий удивительной музыкальностью, возникает на страницах книги в визуальном соответствии и созвучии с оригинальным текстом. На фронтисписе книги — гравюра Анны Арк «Портрет Марины Цветаевой», во второй части книги представлена серия рисунков Сержа Шамшинова «Folles feuilles». Эти рисунки — графическая импровизация. Здесь мне позволили взять книгу в руки и любоваться спонтанным жестом Сержа Шамшинова.

Мы выходим из медиатеки с новым адресом этих замечательных художников. Они остались верны Нормандии, просто переехали в другой город, и мне так не терпится скорее с ними познакомиться. Понадобилось еще много времени, чтобы организовать встречу. Булат Окуджава правильно заметил, что

Весь мир устроен из ограничений,
чтобы от счастья не сойти с ума.

День сгорал в пламени закатного солнца. Дивный, незабываемый день.

Наступил октябрь. Осень уже чеканила золото листьев, но неугомонное солнце щедро светило в распахнутые окна квартиры Марины Цветаевой в Ванве. Здесь собрались все, кто вакцинирован любовью к Поэту. Сюда из Нормандии приехали Анна Арк и Серж Шамшинов, чтобы представить нам свою дивную книгу. Как интересно они рассказывали,

переходя свободно с русского на французский и наоборот. Серж Шамшинов (родился в Москве в 1967 году) — потомок известного армянского художника Артемия Шамшиняна, создавшего первую школу графики в Тифлисе. Серж не только художник, но и специалист по французской поэзии XX века, получивший докторскую степень в Париже. В своем творчестве он обращается к истокам книжного искусства, вручную он создал более 400 оригинальных книг. Шамшинов разработал собственную методику графической визуализации текста, которую он назвал «аналитической типографией». Очаровательная Анна Арк не только художник, но и переводчик, поэт, кандидат филологических наук, примерная мать двоих детей, вдохновитель совместных творческих проектов, короче говоря, Муза! Оба очень известны и популярны в Диве. Принадлежащая им идея открытия мемориальной доски Марине Цветаевой на Северной улице пока не реализована, но теперь, когда мы все вместе, она обязательно осуществится. Нам необходимо «идти в мир с обновленной душой и действовать».

Вот так замкнулся нормандский цветаевский круг, полный легенд, открытий, незабываемых встреч. А в начале было Слово — слово Цветаевой о дивном Dives-sur-Mer в необыкновенной книге Анны Арк и Сержа Шамшинова.

Татьяна МОЖЕНОК-НИНЭН

Петербурженка, искусствовед и историк, Татьяна Моженок-Нинэн приехала в Париж в 1993 году по стипендии Французского правительства продолжать обучение в Школе Лувра (Ecole du Louvre). Вся её дальнейшая жизнь и работа связаны с Парижем и Францией — защита докторской диссертации в Сорбонне в 1999 году, участие в коллоквиумах, лекции о русском искусстве, сотрудничество с музеями в выставочных проектах. Автор книг о русских художниках XIX века во Франции — Илье Репине, Василии Поленове, Алексее Боголюбове. Разработала циклы музейных экскурсий и курс по истории России для школьников и взрослых.

РУССКИЕ СТРАНИЦЫ ЛАТИНСКОГО КВАРТАЛА

Казалось бы, всё уже известно о пребывании Марины Цветаевой во Франции — и книги написаны, и переписка издана, и воспоминания. Стараниями энтузиастов — литературоведов, писателей, многочисленных поклонников творчества Поэта — открыты памятник, мемориальные знаки и доски в предместьях Парижа — Ванве, Медоне, Мо-

ре-сюр-Луан — и в Вандее. Одна из городских библиотек столицы на улице Гласьер (Glacière) в 13-м округе носит её имя¹. А квартира в Ванве благодаря хозяину Флорану Дельпорту и его друзьям превратилась в настоящий Цветаевский музей. Однако, ещё остались если не «белые пятна», то, по крайней мере, не часто упоминаемые парижские адреса, связанные с Мариной Цветаевой. О них ниже речь. Признаюсь, я лишь «скриб». Вдохновили меня на этот очерк мама и подруга.

Моя мама очень любит Марину Цветаеву, собирает издания её произведений и воспоминаний о ней. В первый приезд мамы в Париж в уже далёком 1994 году мы, конечно, поспешили в гостиницу «Innova» на бульваре Пастера, последний цветаевский адрес во Франции. Помню, приняли нас там доброжелательно, консьерж слышал о русском Поэте и даже немного говорил по-русски. Позже в 2015 году во время Дней наследия (Journées de Patrimoine) мы впервые попали всей семьёй в квартиру Цветаевой в Ванве, а затем стали приходить туда, как друзья. Но каково же было удивление мамы, когда совсем недавно она прочитала в книге воспоминаний Ариадны Эфрон, что любимым местом Цветаевой в Париже была улочка Данфер-Рошро (Denfert-Rochereau), рядом с нашим парижским адресом². «Когда Цветаеву однажды спросили, какое место в Париже она любит больше всего, — вспоминала дочь Цветаевой

¹ См.: *Лев Мнухин*. «Марина Цветаева: «Мне Франции нету милее страны...» <https://muzeemania.ru/2021/08/31/mnuhin-cvetaeva/> Дата обращения 25/07/2022.

² *Ариадна Эфрон*. Марина Цветаева. Сергей Эфрон. Любовь и трагедия. Москва, ООО издательство «Родина», 2020. С. 247. Рассказ о встрече Цветаевой и армянского поэта Аветика Исаакяна под названием «Самофракийская победа» был впервые опубликован в 1967 году дочерью поэтессы в журнале «Литературная Армения», а затем вошёл в книгу её воспоминаний «О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери». Москва, «Советский писатель», 1989.

Ариадна Эфрон, — она — для всех неожиданно — назвала именно эту, такую, собственно говоря, невзрачную улочку: «За тишину и за Лебедевых»¹.

Улицы Данфер-Рошро сегодня на плане Парижа нет. В 1946 году её поделили на две части и переименовали. Большая часть получила имя Анри Барбюса, а южная оконечность слилась с авеню Данфер-Рошро. Владимир Иванович и Маргарита Николаевна Лебедевы, у которых так любила бывать Марина Цветаева, жили напротив приюта глухонемых, там, где сейчас проходит улица Анри Барбюса (rue Henri Barbusse). Этот приют — Национальный Институт глухонемых детей (Institut national des jeunes sourds (INJS)) — был основан в 1791 году во время Французской революции как продолжение благотворительной деятельности аббата Шарля-Мишеля де Л'Эпэ (abbé Charles-Michel de l'Épée). Расположился интернат в бывшей семинарии святого Маглуара, которая занимала территорию старинного госпиталя святого Якоба (hôpital St.Jacques), предназначавшегося для паломников. Главный вход в Институт глухонемых находится на улице Сен-Жак. Цветаева видела из окон квартиры Лебедевых высокую монастырскую стену приюта, скрывающую улицу от солнечного света, отчего, по словам Ариадны Эфрон, улочка казалась «голубой». Однажды, когда в гостях у Лебедевых был армянский поэт Аветик Исаакян, Цветаева долго смотрела из окна на стену и на несчастных детей за ней, безмолвно бегавших по двору, отчаянно жестикулируя. «Вот таким я вижу балет, — сказала Марина Ивановна Исаакяну. — Или, если заставить «их» замереть, скульптуру. Искусства не моего из-

¹ Владимир Иванович Лебедев (1885–1956) — политический деятель, писатель русского зарубежья, близкий друг Марины Цветаевой в Париже.

мерения». Между поэтами завязался спор о равноправности «искусства безъязыкого» и «искусства Слова». Для Цветаевой Поэзия стояла всегда выше пластических искусств.

Вслед за этой встречей Исаакян пригласил Цветаеву в Лувр. Ариадна, учившаяся в то время в Школе Лувра (*как приятно мне это писать, ведь я тоже окончила Ecole du Louvre!*), сопровождала их. Исаакян подвёл Цветаеву к монументальной лестнице Дарю (Daru), где во всей своей красоте, мощи и в то же время лёгкости парила Ника Самофракийская. «Я её давно знаю и люблю, — сказала Цветаева, обращаясь к восхищенному Исаакяну. — И всё же «в начале было Слово».

Теперь, проходя по улочке Анри Барбюса, глядя на старинную монастырскую стену, окна домов напротив со всё теми же «зубчатыми ставнями», я думаю о Марине Цветаевой, Лувре, Самофракийской Победе и маме.

Следующий парижский адрес, о котором пойдёт речь, связан как раз с художником — Николаем Дмитриевичем Миллиоти — и его малоизвестным портретом Марины Цветаевой. Этот портрет, более нежный, лиричный, импрессионистический, нежели другие изображения поэтессы, «открыла» мне подруга. Удивительные бывают совпадения! Хорошо помню тот апрельский солнечный день в Ницце, когда я получила письмо из Петербурга с фотографией неизвестного мне портрета Цветаевой в пастельных тонах. Цветаева казалась на нём моложе и женственнее, чем обычно. А рядом с её портретом была фотография импозантного мужчины — художника Николая Миллиоти. Пока я разглядывала эти изображения, мне позвонила подруга из Парижа с приглашением на вечер, посвящённый берлинскому периоду жизни Марины Цветаевой. А этот портрет был написан Миллиоти как раз в Берлине в 1922 году! Вот так всё соединилось.

***«Голубая улица» Данфер-Рошро
(ныне — Анри Барбюсс),
на которой находилась квартира Лебедевых,
со стеной приюта глухонемых***

Н.Д. Миллиоти
Портрет Марины Цветаевой. 1922 г.
Коллекция Е.Ю. Миллиоти

*Дом на площади Сорбонны,
в котором жил Н.Д. Миллиоти*

*Холл дома,
где жил Миллиоти*

*Лестница дома,
где жил Н.Д. Миллиоти*

***«Мостик» к лестничной площадке,
на которой находилась
мастерская Миллиоти***

***Флоран Дельпорт,
счастливый владелец квартиры
М.И. Цветаевой в Ванве,
с копией портрета Н.Д. Миллюти***

Николай Миллиоти (1874–1962) — один из самых изысканных художников русского Серебряного века, участник объединений «Мир искусства» и «Голубая роза»¹.

Его картины — фантазии в розово-лилово-голубых тонах, «галантные празднества», в которых прелестные дамы в кринолинах кокетничают с томными кавалерами. Миллиоти любил окружать себя легендами. Рассказывал, что его род идёт от византийских императоров Комнинов, а предки жили на острове Милос, отсюда фамилия Миллиоти, означающая «уроженец Милоса». Речь идёт о том самом Милосе, где некогда была изваяна из мрамора самая прекрасная женщина на земле. Женщин, и не только мраморных, Миллиоти очень любил, потому и писал прекрасные женские портреты, в том числе Надежды Тэффи, Марины Цветаевой и другие.

Миллиоти, как многие русские эмигранты, из революционной России прибыл в Константинополь, из Константинополя — в Софию, а из Софии в августе 1921 года — в Берлин. В Берлине он работал в студии на Савиньи Плац и участвовал в выставке русского искусства в 1922 году. Написал графический портрет Андрея Белого и станковый Марины Цветаевой. Об отношениях Цветаевой и художника ничего не известно. Марина Ивановна упоминает в дневниковых записях, относящихся к берлинскому периоду, брата Николая — Василия Миллиоти, который оставил у неё не самые лучшие воспоминания².

Николай Миллиоти с конца 1920-х годов поселился в Париже в маленькой мастерской в самом центре Латинского квартала на площади Сорбонны, 3 bis. «Моя пепельни-

¹ См.: *Игорь Калядин*. Прошли часы или года. Несколько слов в честь Николая Миллиоти. Хроника жизни. // Театральный мир. №103. 2020. С. 62–94; *Елена Миллиоти*. Дедушкин Париж. // Мир музея. № 3 (187). 2002.

² См.: *Марина Цветаева*. Неизданное. Записные книжки в двух томах. Том второй. 1919–1939. Москва. Эллис Лак 2000. 2001. С. 75, 79.

ца» — так называл художник свою овальной формы мастерскую. Сюда к нему приходили позировать Поль Валери и Андре Моруа и много русских художников и литераторов. Здесь он прожил более 30 лет. Летом 1957 года в его мансарде случился пожар. Сгорело множество картин, но портрет Марины Цветаевой остался! После смерти художника вместе с другими работами он был переправлен в Москву и хранится теперь в коллекции племянницы художника Елены Юрьевны Миллиоти, актрисы московского театра «Современник». В 2020 году в Доме русского зарубежья в Москве открылась выставка Миллиоти, на которой был и портрет Цветаевой. Жаль, немногим удалось его увидеть, поскольку экспозиция закрылась через 10 дней из-за начавшейся пандемии. А с недавних пор квартиру Цветаевой в Ванве украсила копия этого портрета.

Тамара МОЖЕНОК

Тамара Павловна Моженок — биолог и знаток русской и европейской литературы. Родилась в городе Кыштыме Челябинской области в эвакуации во время Великой Отечественной войны. По окончании средней школы Тамара Моженок поступила на биологический факультет Ленинградского Государственного Университета, а затем более 50 лет проработала в созданном в 1957 году Институте цитологии Академии наук, где познакомилась со многими интереснейшими людьми — учёными, профессорами, библиофилами. В соавторстве с профессором А. Д. Брауном написала книгу «Неспецифический адаптационный синдром клеточной системы» (Наука, 1987), в которой обобщены результаты исследований изменений клетки при воздействии на неё экстремальных факторов среды. Марину Цветаеву знает и любит давно, собирает библиотеку её произведений и воспоминания о ней. Этот очерк, написанный ко Дню рождения (130-летию) Цветаевой, — Признание в любви читателя к Поэту.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА. ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Как можно объяснить любовь?
В любви можно только объясниться.
М. Цветаева

Мне кажется, что некоторые великие люди посланы нам с небес: Рафаэль, Боттичелли, Чайковский, Лермонтов, Цветаева и некоторые другие. Марина Цветаева родилась

Поэтом. Её отец писал: «Какие способности дала природа этой 13-летней девочке! Как она будет жить с ними? Ей будет очень трудно жить». Откуда у Марины появилось желание выплеснуть на бумагу то, что её переполняло? Может быть, это влияние дневников Марии Башкирцевой, ушедшей так рано из жизни, но уже вкусившей сладость творчества-творения, ведущего к бессмертию. Ведь не случайно свой «Вечерний альбом» Цветаева посвятила «блестящей памяти Марии Башкирцевой». Вероятнее, цветаевские стихи, рождённые музыкой, — это диалог с самой собой, её желание дать словам возможность с абсолютной точностью воссоздать боль и восторг поражающего душу мгновения. Её поэзия — это её характер. Неуступчивый, неугомонный, противоречивый, сильный, доверчивый. Её поэзия — поиск любовного партнёра, понимающего всё с полуслова, всё до малейшего вздоха, выраженного в тире, точке или запятой.

Иосиф Бродский считал, что крупнее Цветаевой в XX столетии нет поэта, тем самым подчеркивая её место на Олимпе мировой поэзии. Поддерживаю его мнение. Она — поэт вызова, прошедшая проверку временем, оставшаяся безмерной в «мире мер». Марина Ивановна предвидела будущее для своих стихов:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святылище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Марина Цветаева всегда считала, что главное — это Любовь, и каждая её строфа — «дитя любви». Вольтер писал, что «любовь есть самая сильная страсть, потому что она атакует сразу голову, сердце и тело». Александр Блок, которого Марина называла «сплошной совестью», утверждал: «Только влюблённый человек может называться Человеком с большой буквы». Как тонко Марина понимала себя, когда писала: «Любить в мою меру, т.е. без меры». Уже в шесть лет к ней приходит понимание любви благодаря роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». В пригороде Парижа, в Ванве, где сейчас живёт Флоран, Марина Цветаева напишет очерк «Мой Пушкин». В этом очерке она скажет, что именно Пушкин заразил её словом Любовь. Марина писала стихи между любовью и болью — «Поэма Горы» и «Поэма Конца». Именно поэтому ею так восхищался Рильке, а Пастернак писал, что в «неё надо было вчитаться. Когда я это сделал, я ахнул от открывшейся мне бездны чистоты и силы. Ничего подобного нигде кругом не существовало».

Давайте и мы прислушаемся к музыке стихов Цветаевой, ведь кто-то правильно заметил, что «формулу её поэзии вывести нельзя», как нельзя вывести формулу Любви. Истинный гений узнаётся лишь по бессмертию.

Я хочу передать низкий поклон подвижнику Флорану, который, приглашая к себе в гости, очень естественно произносит: «Встретимся у Марины». Значит, смерти нет и разлуки — нет. А встреча с её стихами — это сокровенный разговор, и у каждого свой. Всё, как в любви.

Павел ПОЛЯН

Павел Полян — поэт, филолог, историк, географ, директор Мандельштамовского центра Школы филологии НИУ «Высшая школа экономики», профессор, автор статей и публикаций по широкому кругу культурологических и филологических проблем. Как литератор печатается под псевдонимом НЕРЛЕР. Издатель произведений О. Мандельштама, Н. Мандельштам, Б. Лившица, А. Цыбулевского. Автор многочисленных книг о них же.

МАНДЕЛЬШТАМ В ПАРИЖЕ

Осенью 1907 года шестнадцатилетний Осип Мандельштам отправился учиться в Париж. Родители, прощавшись с ним на петербургском вокзале, вздохнули с облегчением. Они всем сердцем надеялись, что вдали от Петербурга он оторвётся от опасных идей социал-революционеров, в которые он всё больше и больше втягивался, совсем не подозревая, что именно Париж и является центром русских революционеров всех цветов и оттенков.

Мандельштам, внимательный и нежный сын, уже с дороги посылает весточку родителям на почтовой карточке из Вильно с изображением главной Большой ули-

цы города. 5 (18) октября он пребывает на Восточный вокзал и, подхваченный толпой, попадает в объятия Парижа. Может быть, в эти минуты ему вспомнились строки Макса Волошина:

Закат сиял улыбкой алой,
Париж тонул в лиловой мгле...

Следующая хронологическая вешка — это заполненный им формуляр записи на факультет словесности Парижского университета (Сорбонны) на 1907–1908 годы. Кстати, такие формуляры были введены как раз в год его приезда. Гумилёв, учившийся в Сорбонне годом раньше, его не заполнял. Для характеристики пребывания Осипа в Париже особо существенны две графы: «Цель обучения» (*Ordre d'études*) и «Адрес обучающегося» (*Adresse de l'étudiant*). В качестве цели он указал изучение французского языка (*Certificat d'études françaises*), и адрес: *rue de la Sorbonne, 14*.

Заметим, что на одном из писем, отправленных в феврале 1908 года, указан другой номер дома: 12. Думается, что это не описка: просто между октябрём 1907 года и февралём 1908 года ему пришлось переехать, благо что по соседству. В настоящее время на фасаде дома №12 *rue de la Sorbonne* выделяется чёткий барельефный профиль поэта с подписью по-французски:

«Осип Мандельштам — русский поэт (1891–1938)
жил в этом доме с 1907 по 1908 г.»

С местом жительства Мандельштаму очень повезло: Сорбонна расположена напротив, в двух шагах — Люксембургский сад, а совсем рядом — Коллеж де Франс, одно из старейших учебных заведений Франции, которое не выдаёт никаких дипломов и не присуждает учёных званий. Цель

этого заведения — бесплатные публичные лекции по всем отраслям знаний. Здесь блистали Адам Мицкевич, Андрэ Ампер, Жюлио Кюри, Анри Бергсон и многие другие. На их лекции собирался весь Париж, не исключая и Осипа Мандельштама. Он успевал посещать и русскую библиотеку, основанную Иваном Тургеневым и Германом Лопатиным в 1875 году. Пройдя через красивый в любое время года Люксембургский сад, Осип направлялся на 9, Rue du Val de Grâce, где в то время находилась Тургеневка. Там собиралась революционно настроенная молодёжь, жарко спорящая об устройстве нового мира. Привычный мир рвался по швам, что вызывало у юного поэта «мировую туманную боль». В 17 лет он уже пишет: «Я от жизни смертельно устал». Стихотворная горячка, предопределившая его будущее, спасала от одиночества. Судьбой Осипа стала поэзия: «на стёкла вечности уже легло моё дыханье...». Мечта родителей сделать из сына коммерсанта не удалась.

24 декабря 1907 года, в католический сочельник, Осип познакомился с Михаилом Карповичем, российским слушателем Сорбонны. Спустя полвека М. Карпович решился записать и опубликовать воспоминания о своём знакомстве и встречах с совершенно ещё незнаменитым поэтом.

Вечер перед Рождеством Карпович справлял в небольшой русской компании в уютном кафе на Бульмише: «по соседству с нами, за отдельным столиком, сидел какой-то юноша, привлёкший моё внимание не совсем обычной наружностью. Больше всего он был похож на цыплёнка, и это сходство придавало ему несколько комический вид. Но вместе с тем в чертах его лица и в красивых грустных глазах было что-то привлекательное. Мы предложили ему присоединиться к нам, и он с радостью на это согласился. Мы узнали, что его зовут Осип Эмильевич Мандельштам. В этот вечер мы разговорились и быстро установили общность наших литературных интересов».

В большом письме к матери от 7 (20) апреля 1908 года, юный поэт спрашивает о В. В. Это Владимир Васильевич Гиппиус — литературовед, тенишевский учитель словесности, оказавший на него, быть может, самое сильное и формообразующее влияние. 14 (27) апреля Мандельштам пишет ему отдельное письмо:

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Если вы помните, я обещал написать вам, “когда устроюсь”.

Живу я здесь очень одиноко и не занимаюсь почти ничем, кроме поэзии и музыки.

Кроме Верлена, я написал о Роденбахе и Сологубе и собираюсь писать о Гамсуне.

Затем немного прозы и стихов.

Лето я собираюсь провести в Италии, а вернувшись, поступить в университет и систематически изучать литературу и философию.

Ваш ученик Осип Мандельштам».

К сожалению, тексты того времени почти не сохранились. Единственный, который, пожалуй, можно заподозрить в принадлежности к этому периоду — это перевод стихотворения Малларме «Морской ветер» («*Brise marine*, 1865):

Плоть опечалена, и книги надоели...

Бежать... Я чувствую, что птицы опьянели

От новизны небес и вспененной воды.

Нет — ни в глазах моих старинные сады

Не остановят сердца, пляшущего, доле;

Ни с лампою в пустынном ореоле

На неисписанных и девственных листах;

Ни молодая мать с ребёнком на руках...

Воспроизведём по-французски те же первые восемь строк:

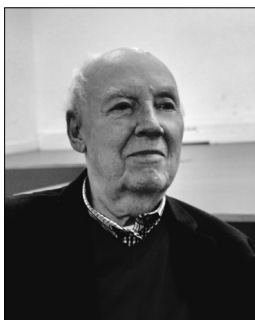
La chair est triste, hélas ! et j'ai lu tous les livres.
Fuir ! là-bas fuir ! Je sens que les oiseaux sont ivres
D'être parmi l'écume inconnue et les cieux !
Rien, ni les vieux jardins reflétés par les yeux
Ne retiendra ce cœur qui dans la mer se trempe
Ô nuits ! ni la clarté déserte de ma lampe
Sur le vide papier que la blancheur défend
Et ni la jeune femme allaitant son enfant...

...В мае или начале июня 1908 года Мандельштам покидает Париж, но Вечный город не покидает поэта, он вливается в его творчество то стихотворением Notre Dame, то строчками воспоминаний.

МЕМУАРЫ

Владимир АЛЕКСЕЕВ

Владимир Алексеев, журналист и переводчик, после ликвидации в 1990 г. агентства печати «Новости», где он работал более двадцати лет, переехал с женой к сыну в Париж и организовал литературный ежегодный альманах «Из Парижска. Русские страницы», в котором в течение одиннадцати лет печатались русские авторы, обосновавшиеся во Франции. В 2022 г. вышла его книга «Письма из Парижа», отрывок из которой мы здесь печатаем.

НАЧАЛО

Наш сын окончил французский факультет московского иняза и уехал в Париж. Побыв один, он через несколько месяцев взвыл и стал нас звать к себе. Мы работали в агентстве печати «Новости», но к этому моменту власть переменилась, и нашу кормилицу ликвидировали. Я, как испанский переводчик и журналист, зарабатывал больше 600 рублей в месяц, и, соответственно, оказался на «самой высокой» пенсии в 120 рублей. Терять было нам нечего, и судьба унесла нас с Ириной и тещей в Париж. Как ни странно, Франция приняла нас, стариков, весьма сердобольно: спустя какое-то время нам была предоставлена трёхкомнатная квартира, проездные билеты и денежное обеспечение, которого хватает на оплату квартиры и пита-

ние, хоть и без особого шика. Книга, отрывок из которой мы процитируем в этом альманахе, была собрана и отпечатана стараниями нашего одесского племянника юриста Александра Гальперина. Его папа — сводный брат моей Ирины — Народный художник Украины. Его уже нет. Когда-то он набросал мой портрет, и вы его видите на обложке этой книги.

Описывать Париж не буду: порядком притомился от здешнего буйства красок, блёсток, жратвы, пардонов, мерси, людского разноцветья. Уже даже стонать не могу, когда мимо шествует очередная чернокожая богиня. Мороз по коже.

В первую неделю-полторы по-грубому отъедались после пустоприлавочной Москвы. Особенно присоскучились по сыру, которого здесь 350 сортов. Жили у Мити вчетвером в его двенадцатиметровой комнатёнке — не хватало только козы. Теперь сняли за «самасшедшие деньги» (но по тутошним понятиям — дёшево) квартиру в близком пригороде, Фонтеней-су-Буа, на два месяца. Здесь очень тихо и мило, старинные домики, зелено, и в четырёх автобусных остановках — гигантский супермаркет «Ошан», в котором, как говорят, всё дешевле, чем в Париже, но нам — не подступись. Живём более чем экономно. Надо протянуть нашу дохлую денежку на, возможно, более долгий срок.

В Париже никто не чувствует себя иностранцем, ибо иностранцев здесь больше, чем парижан. И все прекрасно уживаются с помощью «пардон», «мерси» и улыбок. Никто не смотрит затравленно, все имеют право на всё, даже писать (с ударением на любой из слогов) в метро, где ни попадя, и активно пользуются этим правом, когда никто не видит. В коридорах метро — а их как в мышинном царстве — дышать нечем от запаха мочи. Но на улице воздух очень хорош и пыли мало.

Среди сытых

Очень прошу, позвони Кристине и скажи, что я беспокоюсь о журнале, который мы задумали делать для латиноамериканцев, находящихся в эмиграции в Европе. Нашлись ли средства? Я уверен, что в момент радикальных перемен в Советском Союзе такой журнал крайне необходим.

Обнаружил, что здесь я сродни белой вороне. На свои языковые курсы еду, когда все едут на работу. Но все в пиджаках, я в курточке — раз. Без галстука — два. Стреляю глазами — никто не стреляет. Ключу носом — тут в метро никто не клюёт — три, четыре. И пятое — тут из приличных мужиков никто на работу в метро не ездит. К моему возрасту они уже только на машине передвигаются. Так что припозднился я со своей куртяшкой и студенческим билетом.

Ещё. Думал, как определить одним словом французов? Нашёл: «сытые». Питание у них — что там цековская распределителка! Так у них от него, от этого питания, всё топорщится — и грудь, и попка, хотя линию блюдут.

Сытые они какие-то и в сексуальном отношении. Такие тут ноги от головы шастают, а они рылом не ведут. Я матерюсь в душе. Ладно, делаю вывод, что у них этого дела навалом и что за ночь «отъелись». Но тогда почему не дремлют?! Что-то тут не так...

Насчёт статуса беженцев — надо ждать ещё два-три месяца. После этого срока, если не найду работу, могут дать небольшое пособие по возрасту или по безработице. На вегетацию хватит. Надеюсь всё-таки найти работу, хотя кому я здесь со своим испанским нужен?

У колыбели Наполеона

Ещё в Москве мы предусмотрительно купили на всех троих билеты на поезд не только до Парижа, но и до

Марселя, так как Митина французская подружка Катí, гостившая у нас в Москве, пригласила нас посетить её родную Корсику, где живут её родители.

Пишу это на корабле-пароме «Наполеон» на обратном пути с Корсики. Там всё и везде — Наполеон. На чашках, на пепельницах, в статуэтках. А не он — так его папа Шарль, или мама, или братья-сёстры, или иные родственники. Некоторые, что сидят на этом генеалогическом дереве, родились даже в 50-х годах нашего столетия. Так что жив курилка!

Поехали всего на три дня. Из Парижа до Марселя (названия-то!) на скоростном поезде. Крейсерская скорость 200 км/ч. Может, быстрее. Отделка вагонов запредельная, доступная только воображению фантастов. Никаких покачиваний. По прибытии в Марсель узнаём, что здесь моряки бастуют. Прямо с причала нас везут на автобусе в Тулон, куда забастовка ещё не докатилась, и оттуда на десятиэтажном пароме — в Аяччо.

Бывали тут, возможно, русские, но, когда в доме, где родился будущий император, я сказал гиду, кто мы, он чуть не упал — такое святотатство! Но потом только рассмеялся и долго тряс головой. Вообще, тут злобы ни в ком. Только на мусорных баках вдоль дороги самодельные надписи аэрозолем: FLNC — «Фронт национального освобождения Корсики». Свободы и независимости, стало быть, хотят. А на кой она им хрен? И так небедно живёт Корсика на туристическом бизнесе. Нашу Кати не раз окликали на улице её друзья. Окликали гудком, а потом подруливали — все на машинах.

Доброжелательность и приветливость обильно разлиты по всей этой стране и острову. Я говорю не только о гостеприимстве и хлебосольстве, но и просто о взгляде, о жесте.

В первый день смотрели из машины Аяччо. На второй мама Кати забила нас с продуктами в свой «Фиат Уно» и повезла осматривать остров. Два часа туда, два обратно по

горному серпантину шириной в две машины впритык между розовыми скалами и обрывом, и на какой скорости! И всё спрашивает: «Жоли?» («Красиво?») А я: «Ой, ж-ж-ж-о-о-оли как страшно!» Но мы не зря измотали себе кишки. Действительно, всё было незабываемо красиво. Как на Кубе, только жратвы всякой навалом.

В последний, третий, день остались дома. Вышел я утром из их распрекрасной виллы в сад, скрутил с дерева апельсин, наступил на опавший лимон, оторвал персик, хлопнул по мясистому листу агаву, соорудил рожу кактусу, передразнил каких-то диковинных птиц, сидящих на десятиметровой хвощине, торчащей из агавы, и послушал радио «Свобода». Хорошо слышно, только слушать грустно.

Люди вокруг обычные, совсем как наши. Многие молодые с рюкзаками и поролоновыми подстилками. Кто постарше — на машинах, с караванами. Никто не шикает. Наверно, есть и такие, что гнездятся на виллах с блондинками, но здесь это никого не трогает. Можешь — гнездись, только мне не мешай.

На пляже подошёл поближе к воде, чтобы разуться и окунуться. Оглянулся — ба! Половина дев без лифчиков. Дёрнулся отвернуться, но потом вспомнил, что ханжество здесь не в чести, и откровенно полюбовался. И никто не хихикнул, не прикрылся и не бросил гневного взгляда.

Вечером в ресторанчике на набережной наши хозяева угостили нас мороженым. Башня над вазочкой была из чего-то очень вкусного и воздушного. Я слопал всё без остатка. Потом оказалось, что это взбитые сливки, и я со своим гастритом всю ночь плавал, как тот паром, между постелью и сортиром. И вот на «Наполеоне» сижу без сил в шезлонге на палубе и ничего не ем, хотя нам напихали огромную сумку в дорогу, пью минеральную воду и постанываю. Зря я шутики шутил у колыбели императора. Видать, он и вправду встаёт из гроба «в двенадцать часов по ночам» и казнит всякого, кто пытается уязвить его славу.

Снова студент

Зашёл в контору к Инес, а там какие-то министерские из Союза контракт подписывают. Я возьми да попроси их передать тебе письма. Так, видно, эти поганцы выбросили их, обделались, хотя путч к их возвращению уже закончился. Теперь разве повторишь?

Пока всё туго. Но есть и светлые моменты. Жоэль и Патрис Буане, соседи по квартире, которую мы снимали, узнав, что нам негде жить, предложили свою мансарду — весьма захудалое помещение на пятом этаже без лифта в том же пригороде Фонтеней-су-Буа. И это — спасение, ибо неизвестно, где бы жили. А так на еду хватает — и, слава богу!

Узнали по телефону, что решение о нашем статусе положительное, но бумаги ещё не пришли и потому невозможно оформить нормальное жильё. Потихоньку, надеюсь, всё утрясётся.

Буся теперь будет жить у Мити — как ей без лифта и удобств? А там он её, свою бабушку, холит и нежит, и вся русская рать ходит к ней поесть борща.

Митька прорвался. Инес пригласила его синхронить на юридическом семинаре. Сначала перепугался: никогда этого не делал. Но потом взялся, и у него пошло. На третий день он уже сидел в будке, поплёвывая, и гнал перевод в обе стороны наравне с асами. Потом ему кинули письменные на русский, и он себя показал тоже неплохим бойцом. Если так и дальше пойдёт, то можно будет и масло на хлеб мазать.

Будешь смеяться, но я получил *студенческий билет*. Здравствуй, молодость! Сижу на курсах между очаровательной шриланкийкой и латином, а там ещё всяких наций и народностей! Но, конечно, другого такого, как я (по возрасту), нет.

Дела мои пока незавидные. Продолжаю занятия на курсах Cimate, но через неделю они кончатся. Да и состав наш поредел: осталось человек пять. Французы всем дают отлуп. Ведут отлов нелегально находящихся в стране. Даже незаконно проникших обитателей своих бывших колоний, перед которыми испытывают чувство вины, пачками отправляют на родину.

На курсах — молодёжный интернационал. Забыв о возрасте, стал подбивать клинья к чёрненькой шриланкийке, Лалитой зовут. Она пококетонила, а потом говорит: «Ладно, я беру вас в дедушки». Пришлось принять эту горькую игру, и теперь я называю её внучкой, а она меня — дедушкой...

После курсов в полдень чаще всего еду на Митину квартиру. Там ждёт Буся с обедом. После принятия пищи можно пройтись по арабским лавкам. Особенно это приятно, если у тебя в кармане звенит пятёрочка или десятка. А по выходным — блошиный рынок. Там вообще дешёвка, и среди развалов часто слышна русская речь: наши отовариваются. Есть порядком и поляков.

На миру

Очень трудно вытравлять из себя покупателя-просителя, раболепствующего перед продавцом. Но понемногу привыкаю: покупаю, например, одно яблоко или прошу взвесить 78 граммов сыра, и никто по пенсне не бьёт. Наоборот, улыбаются, мерсикают.

После наших статуй за прилавком я поначалу думал, что произвожу впечатление на кокетствующих со мною парижских продавщиц, и играл бровями. Потом пригляделся — они со всеми так! Разочарование...

Обратиться к кому-нибудь на улице (а уж к старику или старушке!) — настоящий праздник. Сразу улыбка, и ты

мсьё, и пройдут с тобой шагов двадцать, чтобы получше показать, где находится то, что ты ищешь, и на прощанье пожелают удачи и хорошо провести вечер.

Мои новые «Жигули», что я продал в Москве, мы уже почти доели — осталось на неделю-две. Но унывать особенно нечего. С той мансардой, что нам кинули Жозель с Патрисом, мы продержимся. Вокруг нас уже много добрых, хороших людей. Мы на миру, а на миру, как говорится, и смерть красна. Ещё есть надежда, что Лёха продаст нашу московскую квартиру. Тогда оперимся...

Под зорким присмотром

На курсах нам (бездомным) задали сочинение: «О каком доме вы мечтаете?» Я написал, что мечтаю о доме, в котором поместилась бы вся моя многочисленная семья, с этажом для четырёх внуков, и чтобы этот дом стоял в посёлке, в котором жили бы все наши друзья. О том, что этот «населённый пункт» располагался бы под Парижем или Мадридом, я не писал, но это подразумевалось само собой.

Курсы сходят на нет, ибо Франция ошетибилась против иностранцев. И я их понимаю; в Париже, Марселе и других оживлённых городах больше иностранцев, чем хозяев страны. В преддверии президентских выборов некоторые политические деятели призывают прекратить приём беженцев и лишить пособия тех, кто уже здесь осел. Вот и тают ряды учащихся курсов Cimade, ведь большинство из них дожидаются здесь статуса, а в статусе им отказывают, и они исчезают...

Раз в неделю я хожу ещё на одни курсы, которые тоже редуют. Их организовала еврейская община для своих беженцев. Занимаемся с русской преподавательницей в здании профессиональной школы (род ПТУ). Внизу в холле на

стенах — мемориальные мраморные доски. В одной сообщается, что школа построена на пожертвования американских евреек. Отдельными досками отмечены выдающиеся благотельницы и руководители школы, которая существует с конца прошлого века. Многие ученики ходят с ритуальной еврейской нащёпочкой на голове — кипой. И не только в школе, но и в городе.

В день наших занятий нам выдают талон на бесплатное питание в школьной столовой. Сразу скажу, что кормят здесь ребятишек как в хорошем ресторане. Самообслуживание — набираешь на поднос, и в конце прилавка у тебя принимает талончик и вручает обязательную салфетку сам школьный раввин.

По залу ходит здоровый мордастый еврей, который в первый же день мне устроил допрос: кто я, откуда, «у меня самого жена троюродного брата оттуда» и т.д. Я решил, что он завстоловой, и, уходя, хотел поблагодарить за вкусный обед. Но он сказал, что он «местный КГБ», т.е. следит за порядком.

Видно, от него и прочий персонал узнал что-то обо мне, ибо в следующий раз ребе, подавая мне с особой любезностью салфеточку, вдруг сказал: «Habla espanol?» («Говорите по-испански?»)

— Si, — обрадовался я и пошёл чесать.

Но ребе замахал руками и уже по-французски сказал, что в такой степени он испанским не владеет.

Погоды здесь диаметрально противоположны московским. Когда радио «Алла» (единственное, которое здесь прослушивается устойчиво) сообщало, что в Москве минус 15°, у нас было тоже 15°, но плюс. Это в самом конце ноября! Однако я не ободряюсь и держу наготове свою сверхтёплую шведскую куртку, ибо прочитал недавно, что, когда русские войска в 1814 г. вошли в Париж, он был завален снегом, и наши солдаты, которым

был дан приказ не трогать город и не беспокоить его обитателей, замерзали насмерть на улицах. И это после того, что французы хорошо побесчинствовали в России. Таково было преклонение русской знати перед этим горodom.

С кем ни заговоришь из людей, побродивших по свету, — все в один голос: «Париж есть Париж — лучший город на свете». Видно, он своими закоулками, кафешками, магазинчиками донельзя приспособлен к человеческому организму и душе. Когда-то говорили, что человеку вредно жить на большой высоте, он не птица. И тут почти все дома не выше шести этажей. Противопоказаны суэта и скорость. И тут все передвигаются неспешно. Сердце и печень страдают от злобы и ненависти — а тут никто не злобствует, все улыбаются, уступают друг другу дорогу, придерживают двери и т.д. Люди себя берегут. Тот самый эгоизм, который всем на пользу.

Деньги будут — приходи

Я, конечно, всё время ищу испаноязыкие контакты. Обнаружил, что в Париже выходит на испанском и французском языках литературный журнал «Vericuetos», добрался до главного редактора. Некий Эфер Ароча, колумбиец.

— Русский, говорите по-испански? Это неожиданно и интересно. О, я, конечно, знаю Россию — Пучкин, Маяковский... Э-э... Толстой... Э-э-э... Владимир Ленин, а, да — Достоевский. Мне было бы очень интересно с вами поговорить, разрешить некоторые свои сомнения. Но я так занят...

Я послал ему свою статью на испанском о судьбах русской культуры. Ни ответа, ни привета. Тогда позвонил.

— А, помню: Россия, Пучкин, Маяковский... Нет, ваша статья не пойдёт. Мы политикой не занимаемся — только литературой.

— Господин Ароча, мы можем с вами нащупать пути сотрудничества. Я могу свести вас с московским институтом Латинской Америки, с его журналом, с русскими литераторами...

— Ну, ладно, давайте встретимся. Я жутко занят, но у меня есть маленькая возможность поболтать с вами, пока я утром пью кофе на станции метро «Дефанс».

Встретились. Ему лет сорок пять, порывистый, слова как бы выталкивает из рта. Я себе не взял ничего (спасибо, уже отзавтракал), он — микроскопическую чашечку кофе.

— Я не очень симпатизирую советским, хотя признаю успехи вашей страны, особенно во времена Сталина. «Сталин» — как звучит! Что-то есть в этом твёрдое.

— Да, этот псевдоним произведён от слова «сталь».

— И с литературой вы преуспели — Пучкин, Маяковский. А самое главное, ваше правительство поддерживало материально литераторов. Здесь — хоть сдохни, ничего не подадут.

— А на что вы живёте?

— У меня очень богатые родители и, хотя я их идейный противник, они оплачивали моё пребывание в Париже. Но вот уже три месяца как перестали платить.

— И как теперь?

— Ну, у меня жена работает, получает девять тысяч. Я где-нибудь что-нибудь отредактирую, напишу за кого-нибудь.

— А журнал?

— Журнал живёт на энтузиазме. Никому ничего не платим. А те, кто публикуется, ещё и сами приплачивают.

Мы ещё поболтали о политике, о моих возможностях, и он сказал: «Пора». Стал хлопать себя по карманам:

— Чёрт! Нет денег. Наверно, сын моим кошельком поживился...

Я, конечно, выгреб из кармана пригоршню мелочи, среди которой поблёскивала золотым ободком десяти-франковая монета. Он её и клюнул. Бросил на чек, и мы пошли. На эту монету можно купить целую банку растворимого кофе. А он выпил совсем ничего — 50 граммов. Но чего не сделаешь для нужного человека!

— Да, мы можем ещё поболтать, если ты (уже «ты») проводишь меня до почты, мне пакет нужно отправить.

Приходим на почту. Он суёт в окошко свой пакет, ему говорят: «15 франков». Он лезет в карман, достаёт деньги и, даже не загораживаясь от меня спиной, протягивает их в окошко.

На прощанье долго жал руку, призывал к сотрудничеству и даже, уходя, обернулся и помахал рукой. Я вспомнил Витьку-электрика с дачи. У него такая присказка: «Деньги будут, приходи, а не будут, присылай по почте».

Надо всё-таки с этим барбосом повозиться. Неплохо бы тиснуть в его журнале какой-нибудь свой перевод. О, тщеславие человеческое! На нём и живёт журнал...

130 долларов внутрь

Иришка занемогла, и к субботе ей стало совсем худо. Решили обратиться к врачу.

Вообще, мы привыкли к поликлинике Еврейского центра. Как только мы приехали, нам дали её адрес. У нас ещё не было ни соцстраха, ни дома — ничего. И здесь нас обслуживали без каких-либо документов и ничего не взимая. У регистратуры мы всегда встречали улыбчивого и очень внимательного мужчину лет сорока, который буквально кум всем пациентам. Это так называемый «социальный помощник». Он постоянно в общении с посетителями поликлиники и в любую минуту готов прийти на помощь. У него и шкаф с лекарствами. Ты неимуций, у тебя нет соцстраха — подходи, я тебе дам лекарство бесплатно.

Кстати, еврейство никак не надо доказывать: ни документами, ни расстёгнутой ширинкой. Назвался евреем — полезай в поликлинику. Впрочем, я думаю, что они в случае необходимости и любого человека другой национальности примут за бесплатник.

Но в субботу они не работают. Где-то у нас завалилась рекламка медцентра — читай, поликлиники. Заглянули. Да, работает по субботам, принимает с нашей карточкой «Париж здоровье», по которой и приём, и анализы, и лекарства, и даже самые дорогие операции бесплатно. Нет, врач ничего не теряет, но платит ему не пациент, а парижская мэрия. Так она ублажает своих малоимущих.

Поликлиника помещается на первом этаже большого дома. Чуть ли не половина стен сверху донизу — зеркала. Мягкий золотой свет, полы — пластик под мрамор. Низкие кресла и диваны с обивкой фиолетового и оранжевого цвета. Если пол меняет уровень, то ступенька выполнена из толстого матового стекла и светится изнутри: не оступись! Персонал приветливый до невозможности. Иришка вышла из кабинета — рот до ушей: «Врач такой милый, как родной». Пошла сдавать анализ, и опять её обласкали. В общем, она вышла на улицу уже наполовину здоровой.

Тут же нашли аптеку. Они на каждом шагу. Видать, прибыльное дело. Если у аптекаря чего-то нет, он усаживает тебя в кресло и посылает помощника в соседнюю аптеку за нужным лекарством. Врачи обычно выписывают очень много лекарств, и в первую очередь дорогих (всё равно человек платит малую часть или ничего, как мы, но аптека получает от мэрии или от страховых компаний сполна). Такое впечатление, что фармацевты отстёгивают врачам, чтобы они выписывали побольше. Когда мы дома посмотрели на цену лекарства, оторопь взяла: 650 франков. Это 130 долларов!

Однако все эти приятности ещё не означают высокого уровня медобслуги. Оказывается, врач не ставил диагноз, а согласился с предположением Ириши (сделал ей приятное). Не ожидая результатов анализа, сразу выписал сильный (и дорогой) антибиотик. По оценке Буси, которая почти 50 лет проработала в больнице лаборантом, врач заказал анализ простой, а надо было сложный. И так далее.

Стала Ириша принимать эти 650 франков внутрь, и ей стало совсем плохо. Лежит пластом. Но к врачу возвращаться рано: ещё нет результата анализа. Наконец, я доставил ее, чуть ли не на руках. «Доктор, я умираю!» — «Это мы сейчас поправим. Это лекарство отставьте. Прописываю вам другое. Анализ плохой, но всё будет хорошо».

Пришли в аптеку.

— С вас 379 франков.

Достаём карточку. «Нет, это лекарство не подлежит бесплатной выдаче». Ириша начинает отчаливать от прилавка.

— Ты что! Здоровье дороже!

Заплатили чеком. Стала принимать — действительно, сразу полегчало. Оказывается, лекарство для интенсивной терапии — мёртвых поднимает. Но болезни не лечит.

Опять пошли, но теперь к специалисту. Первый был терапевт. И тут только стали делать глубокие анализы, ультразвук, рентген.

В общем, халтурщиков хватает и среди зеркал и мрамора. Казалось бы, такая техника, такое развитие — а здесь и самолёты падают, и ультрасовременные поезда с рельсов сходят, и заражают при прививках, и прочее, прочее...

Полночь в 23 часа

В ночь под Рождество поехали с Володиёй Орловым в главную русскую церковь в Париже на улице Дарю. Опоздали, поскольку крестный ход уже сотворили в 23

часа, «чтобы люди могли спокойно доехать домой на метро». Что людям на пользу, то и Богу угодно. Народу было очень много. Полон храм, ступени и обширный двор. Я стоял и внимательно разглядывал людей старшего поколения. Какие лица, осанка! У нас такие давно повывелись (или их повывели). Многие говорили между собой на французском. Ведь первой волны уже нет — это их дети, которые родились во Франции.

***Тост для прочтения на дне рождения
Люды Рабкиной 27.12.91 г.***

Иду это я в своей серой с синими продрисями куртяшке, твоём чёрном берете (спасибо!) и уже описанных ранее (прости за двусмыслицу) штанцах по заплёванному и заваленному окурками перрону парижского метро мимо небритого опухшего дяди лет сорока. «Месье, дайте мне один франк!» Я сокрушённо развожу руками. «Мерси, мсьё!» — это за то, что я в честь его произвёл какое-то действие.

Другой, с испитой мордой, сидит на рюкзаке под стеной, как мы в молодости, весело подмигивает мне и выразительно трясёт кружкой. Я повторяю жест, и он сочувственно кивает: «C'est la vie, monsieur, c'est la vie!»

На многих переходах в метро наяривают латины в свои дудки, а перед ними — кружки или открытый футляр.

Вчера в вагоне метро слышу: говорят по-русски. Два парня и две девушки. Придвинулся.

— Нет, Коля, ты неправильно играешь. Тебе надо после второго такта вступать, а ты — после третьего.

— Да ну, никто и не заметил в вагоне.

— Что-то мало сегодня. Надо было к Лувру податься.

— Холодно.

— Зато сплошь одни червонцы.

— И здесь неплохо.

— Нет, я смотрел, почти не было червонцев. Вот приедем домой — пересчитаем.

— Скорей бы добраться! Может, от метро махнём на автобусе?

— Ты что, откуда деньги!

Вот, значит, и наши на панели. Среди просящих подавание нет только негров. С них хватает, что они чёрные. Ещё и унижаться!

Вдруг чую: меня кто-то по заду поглаживает. Ласково так. А потом в карман скользит. Там у меня схема метро, которую в любой кассе можно получить бесплатно. Но обидно. Переворачиваюсь. Передо мной сопит молодой араб. Ба, опять лезут! Да их тут целая ватага сопит. Были бы арабки — дал бы я им себя погладить и вытащить эту бесценную схему, а этим — ни за что! Вывернулся.

Да, к чему это я? А вот к чему. Пока мы, ребята, с Людой — не стоять нам с протянутой рукой и не лазить по чужим карманам. Она всегда обогреет и накормит. Поцелуйте её за меня, и давайте выпьем за её драгоценное для нас здоровье.

И всех с Новым, 1992-м годом!

Круговое. Декабрь 1991 г.

Из моих писем можно, наверно, составить комикс «Приключения *Homo sovieticus* во Франции». Пока острота впечатлений не исчезает, пишу. Что будет потом?

Слава Всевышнему, завтра прилетает Лёха! Между моими сыновьями устанавливаются не только братские, но и деловые отношения. Дожил! Они два очень серьёзных типа, и ко мне относятся снисходительно. Ты, мол, пенсионер, вегетируй — теперь наше время дело делать. Ну давайте, давайте, попутного вам ветра!

Приодеть шкаф

Спрашиваю Лёху по телефону: «Тебе не надо что-нибудь заранее присмотреть?» — «Надо, — говорит, — костюмчик пообтрепался, прикрыться нечем». Ну, тут такое задание — только дай!

Зашёл в магазин одежды.

— У вас 60-й размер есть?

Продавец смерил меня взглядом и на всякий случай (иностранец — может быть, другая система обмера) спросил:

— На вас, мсьё?

— Нет.

— Вы человек с причудами — хотите приодеть свой шкаф?

— Отличная шутка, мсьё, но у меня сын такого размера.

— Хорошая работа — одобрил он. Нашёлся у них экземпляр нужного объёма, но малокрасивый и недоступный по цене. Я почесался, «мерси!» — и пошёл туда, где сам одеваюсь, — в арабскую лавку. Цены раз в десять ниже, и среди ношеного барахла можно встретить абсолютно новые вещи.

С рулеткой в руках мы с Иришей обмерили не менее ста пиджаков, брюк, костюмов, плащей и выбрали два абсолютно новых костюма и плащ за смехотворную даже по нашим понятиям цену.

Обжорству конец!

Вообще, в этих лавках, если долго покопаться, можно найти много интересного. Но Митька, мудрый змей, сказал, что «и это пройдёт». Сам он тоже по приезду увлёкся этими лавками, а потом, когда наелся этого барахла досыта,

сложил его в стопочку и отнёс на улицу клошарам. А с первого крупного гонорара купил себе — знай наших! — костюмчик от Сен-Лорана.

Видно, он прав. И это пройдёт. Сначала моим богом был сыр. Это прошло. Потом китайские консервы — теперь спокоен. И вообще сокращаю рацион. Тут недавно французов уговаривали по телевизору: «Кончайте объедаться! Сыры, мясо, прочие кулинарности, которых завались в магазинах в заманчивых обёртках — всё это повышает холестерин, приводит к необратимым болезням». Хотел бы я послушать такую передачу у нас!

Поступаю на курсы адаптации для безработных эмигрантов. Право на них открывается после 8–12 месяцев безработицы. Пособие мне прекратят платить, но зато будут платить стипендию, а это вдвое больше. Учиться с 9 до 18 — и не балуй! Пропустил — вычитают из стипендии. Тут под курсы по бабам не пойдёшь. Пошёл, а где рупь двадцать за такой-то день? И так четыре месяца. Что потом — видно будет.

Виктор ВОСТРИКОВ

Виктор Михайлович Востриков родился в 1907 году в посёлке Сосновка Тамбовской губернии, умер в Париже в 1991 году. Будучи студентом университета, по доносу «за хранение оружия» попал в застенки ГПУ к чекистам, что круто изменило его жизнь. Во Франции оказался после четвёртого побега из тюрьмы, сумев пересечь границу с Турцией. В 1934 году сошёл на берег Франции в Марселе.

Дядя Вострикова, проживающий в Париже, ввёл его в круг русской эмиграции. Там Виктор Михайлович познакомился с будущей женой, Антониной Михайловной Айкановой, чья семья жила в Ванве в доме, где снимала квартиру Марина Цветаева. Сначала он работал в сервисе по перевозкам, потом сторожем. В 1943 году был схвачен гестапо и отправлен в Маутхаузен, бежал оттуда и затем воевал с партизанами в Италии.

Рассказ был опубликован в Италии в 1947 году на итальянском языке. Для нас его сохранил сын Вострикова Сергей Айканов.

КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕР

По выходе из тюрьмы я должен был немедленно отправиться в ссылку в один из отдаленных городов СССР, но ГПУ смягчилось и разрешило мне побыть один день дома.

Когда я его оставлял, моя семилетняя сестрёнка увязалась провожать меня до вокзала. По дороге она без умолку болтала и вдруг остановилась, насупившись.

— Ты что, Ольга?

— Я не пойду тебя провожать.

— Почему? В чем дело?

— Ты контл-р-революциоонер.

— Что-о..?!

Сестрёнка только что научилась выговаривать «р», эту такую трудную для детей русскую букву и произносила её подчеркнуто старательно и твердо, что придавало «ты контл-р-революциоонер» особо выразительную суровость.

— Это... Это почему? — бормотал я, ошарашенный.

— Ты пл-ротив р-рабочих и крестьян... Ты за бул-рлжуазию.

— Я?! Я за буржуазию?!

— Да, ты за бул-рлжуазию и... — голос сестрёнки дрогнул, — и тебя надо л-расстл-реливать.

В этих суровых словах беспощадной, карательно-советской терминологии звучали еле сдерживаемые слезы детской драмы, стыда за брата и упрёк, и жалость, и, может быть, даже просьба ответить, убедить, что это не так...

Должно быть, для проходящих мы представляли собой довольно странную картину: сестрёнка, закусив вздрагивающую губу, смотрела на меня снизу вверх, непреклонная и прямая, как правосудие, и я — большой, растерянный, стоял перед ней с опущенной головой, которой я время от времени потряхивал, не знаю зачем — прогнать муть, что ли? Люди, проходя, оглядывались, приостанавливались, переговаривались между собой...

До отхода поезда оставались какие-то минуты, срок разрешения на мою побывку дома уже давно истёк. Но оставить мою сестренку вот так, сейчас, у меня не хватало силы воли. Никогда ещё я не впадал в состояние такой моральной подавленности, как в эту минуту.

— Вот что, Ольга. Я пропущу поезд, уеду со следующим, пусть даже если меня снова арестуют. Идём обратно.

Откуда у неё такой фанатизм, достойный самых ярких чекистов? Чувствовалось чье-то бесцеремонное влияние, какой-то обман. Нужно было найти простые, искренние слова. Но в голову лезла привычная книжно-философская, моралистическая, социологическая чушь: право личности на свободу убеждений, всякие принципы и их относительность, демократия, классовая борьба между пролетариатом и буржуазией... и в этой борьбе я... я за буржуазию... Какой-то абсурд.

Я смотрел на проходивших людей: все они истощённые, оборванные, как и мы с сестрёнкой.

За какую же я буржуазию? Где она? Я никаких буржуа не помнил, тем более, семилетняя девчонка. В растерянности только это я и смог сказать: «Да ведь ты даже никогда не видела буржуев...» Пустые слова. Ясно, что она не видела. Но, к моему изумлению, она возразила уверенно и почти вызывающе:

— Нет, видела.

— Не говори чушь. Какие же они, если видела?

Она ответила точно и определённо:

— Толстые, с большими животами, и лица красные. Они эксплуатируют международный пролетариат и ведут контрреволюционную борьбу против завоеваний октябрьской революции.

Она задумалась на минуту, затем, представив себе живописный образ такого буржуа во всей его отвратительности, заговорила взволнованно и сбивчиво:

— Они самые злые люди... Хуже их никого нет. Они заставляют рабочих и крестьян много, много работать и... эксплуатируют. У них всего много и... белый хлеб они всегда едят, и котлеты, и кисель, и... пирожные, и всё, всё... и они... у них всего много, и они ничего никому не дают —

всё только себе. И они... всё берут от рабочих. Даже от маленьких детей всё отнимают! От того у них и животы большие. И они... И ты за них!

Голос сестрёнки снова дрогнул. Она окончательно сбилась и замолчала. Чувствовалось, что такую длинную речь она готовила заранее.

— Где же, скажи мне, черт побери, ты видала таких буржуев? — почти закричал я.

— Вот, Филипов.

— Филипов?.. Хм!.. А ещё?

— А ещё проезжают в скорых поездах.

Филипов — это был местный нэпман. Говорили, что в свое время он наторговал, чуть ли не миллион рублей. Его давным-давно уже ликвидировали, но, как не странно, сестрёнка помнила о нем. Возможно потому, что он жил недалеко от нас и потому, что учительница в детском саду иллюстрировала им свои политико-воспитательные беседы с детьми. Но кто же красномордые брюхахи, что проезжают в скорых поездах через наш городишко?

Я долго ломал голову над этим вопросом. Русские буржуи? Они давно уже вымерли. Иностранцы? Не может быть, они приезжали в СССР исключительно редко, тем более, с толстыми животами. Думал, думал и наконец догадался. Разгадка была так неожиданна, что, несмотря на моё подавленное настроение, я расхохотался:

— Да ведь это наша советская аристократия! Всякие «ответственные», в особенности хозяйственные работники, разъезжающие по командировкам. Все они — безупречные коммунисты, никогда ни одним словом не погрешившие ни против Ленина, ни против Сталина, все они хорошего пролетарского происхождения. Им полагалось доверять даже больше, чем старым большевикам и, конечно, пользуясь привилегированным положением, почти все безбожно жульничали, воровали и обжирались. Но, не умея, как ино-

странные буржуи, следить за своей фигурой, очень быстро и неприлично толстели и резко выделялись среди отошавших советских граждан.

И в моём затемнённом сознании вдруг всё озарилось. У меня начал созревать план, как поговорить с сестрой. С новой энергией я пошёл в атаку:

— Ну, хорошо, ты не любишь тех толстых, что проезжают в скорых поездах. А ты знаешь, кто они?

— Буржуи.

— Ладно, допустим. Во всяком случае, такие же. А ты знаешь, что они коммунисты? Они, как и буржуи, всегда едят и белый хлеб, и колбасу, и кисель, и пирожные — всё себе, а маленькие дети не очень-то часто едят кисель и пирожные... Ты когда их ела?

— Давно. На первое мая нам давали.

— На первое мая! Значит, четыре месяца назад. А они каждый день жрут по пять, по десять пирожных...

Почувствовав фальшивую нотку в моих словах, я запнулся. Конечно, никаких пять или десять пирожных коммунисты не ели. Это я говорил иносказательно. Они обжирались мясом, лакали водку — это больше, чем пирожные, но все же... И я поспешил поправиться:

— В общем, если не пирожные, то другого всего жрут вволю. Да если бы только крали — чёрт с ними... Делают кое-что похуже.

Здесь я уже вышел на широкую дорогу моей привычной логики. Я развил перед ребёнком свою давно оформившуюся теорию естественного опошления революции. Настолько проста эта теория, что доступна даже неглупым детям.

Буржуи-коммунисты ничуть не лучше классических буржуев, такие же бездушные, когда имеют дело со слабыми, такие же низкие и трусливые подхалимы по отношению к имеющим власть и силу над ними. Почти все они

с удовольствием сделались бы настоящими буржуями, если бы могли. Всё это люди низшего порядка. Исключения редки как среди одних, так и среди других. И эти пошляки, эти шкурники, «цвет и авангард пролетариата и всего человечества», уже считают себя равными старым революционерам-большевикам, которые через тюрьмы, каторги и смерть вынесли революцию на своих плечах. Больше того, теперь они уже судят и охаивают старых революционеров во имя... революции, психологически совершенно чуждой им...

Я смотрел на сестрёнку и не замечал уже ни отчужденности, ни взволнованности на её умном лице, только растерянность и грусть, как это бывает, когда человек расстаётся со своими старыми идеалами и симпатиями. Я поспешил добавить:

— Только ты не думай, что все коммунисты такие...

Сестрёнка оживилась:

— Да, вот дедушка Ленин, — обрадованно перебила она меня, — он был очень, очень хороший, — и, схватив меня за рукав, она с увлечением стала рассказывать, какой был Ленин, как много он положил труда, чтобы помочь угнетённым и голодным рабочим и крестьянам, сколько он сам страдал по тюрьмам и в Сибири, где всегда холодно, и снег, и ночь. «Ленин был лучше всех, — заключила она, — и он очень любил маленьких детей...»

— Ленин?.. Любил маленьких детей?.. Хм... на этот счёт ничего не знаю.

— Да, любил, — заверила она меня. Нам тётя Маня говорила.

— Хм... Возможно, любил, если... тетя Маня говорила. Да, конечно, Ленин был неплохой человек. Говорят, он стыдился обжираться. Когда его приглашали на обед с претензиями на роскошь, он морщился, смущался и почти всегда отказывался. Я допускаю, что почти все старые боль-

шевики очень не плохие люди. Больше того, это люди высшего порядка: самоотверженные, одухотворенные благородными идеями. Только мне кажется, они во многом ошибались. И не только большевики, все старые революционеры должны быть очень не плохими. А теперь после всего того, что мы видели, надо предполагать, что и среди противников революции могли быть порядочные личности. Коммунисты гражданской войны — тоже замечательные герои: они знали, что если победят белые, то всем им будет конец. Но новые, те, что вдруг вспыхнули революционно-коммунистическим духом и хлынули в партию после гражданской войны, когда не риск для их шкур, а только выгода... Ох, какая это сволочь! Ну, не сволочь, а скажем, просто шкурники, то есть самые обыкновенные люди, но немного хуже их.

Я редко позволял категоричность в своих суждениях, но что касается «новых» коммунистов, у меня не было сомнений. Я вспомнил своих сверстников: с детства мы так хорошо знали друг друга, что здесь уже не может быть ошибки в оценке человека. И вот, оказалось, что самые бесчестные, корыстные, безыдейные из нас делались достойными коммунистами. И это не считая тех, кто вступал в партию, будучи во время гражданской войны враждебными революции. Но я уже боялся привить сестрёнке опасные идеи и старался смягчить свои высказывания.

— Ленин, конечно, хотел хорошего, — продолжал я развивать свою теорию. Но в самом существенном он ничего не сумел изменить: как всегда было, так и теперь осталось, люди низшего типа продолжают властвовать и оттесняют на задний план всё, что было лучшего среди коммунистов и в народе. Кроме того, манера Ленина и Сталина властвовать принижает человека не менее, чем при царе. А я думаю, что надо сделать так, чтобы... Но я сам ещё не совсем знаю, как лучше сделать и... рано еще с тобой об этом говорить.

Мы долго шли молча. Я думал о том, как трудно говорить с детьми: они смотрят доверчиво, готовы поверить буквально каждому слову, а оно относительно. «Иносказательно» тоже лучше не говорить, как я о пирожных. Так, может, и воспитатели «иносказательно» воспитывают советских детей?

— Где тебе сказали, что я был в тюрьме? В детском саду?

— Да, тётя Маня сказала, что ты контрреволюционер и потому был в тюрьме. И при всех говорила, чтобы все слышали... Мне было очень стыдно.

— Ты плакала?

— Нет, я сдержалась. Все они были против меня, все... все, даже Ира.

— Кто это, Ира?

— Мы всегда играли вместе с ней.

— Играли? А теперь?

— Теперь нет... Она не хочет.

Я видел, что сестрёнка снова переживала тяжёлые для неё минуты публичного осуждения, но в её последних словах уже чувствовался проблеск стоического достоинства.

Я почувствовал себя вдруг очень уставшим:

— Да, меня долго держали в тюрьме, хотя я тоже хочу только хорошее. Угрожали расстрелять и теперь вот заставляют уезжать далеко от вас. Спасибо ещё, что пожалели, не расстреляли, как многих других. Именно «пожалели», других расстреливали за много меньшее.

Не полагается рассказывать детям о жестокости жизни, но советские дети причастны к нечто большему, чем жестокость. И я рассказывал Ольге устало, монотонно о том, как из тюрем брали на расстрел тех самых рабочих и крестьян, о которых заботился Ленин, как все мы, заключённые, застывали в тревожном ожидании рокового часа, когда в коридоре послышатся тяжелые шаги стражей и па-

лачей, начнут греметь замки камер, послышатся крики уводимых на смертную казнь. Каждый из нас мог быть взят на расстрел в любой момент: ведь расстреливали без суда, часто не объявляя об окончании следствия...

Я смотрю на сестрёнку: она идет рядом, как прежде ухватившись за мой рукав, и смотрит мне в лицо снизу вверх доверчиво, с участием.

— Ну что, Ольга, ты всё ещё думаешь, что я за буржуев с большими животами и против рабочих и крестьян, и... маленьких детей?

Застигнутая врасплох столь прямым вопросом, она сконфуженно засмеялась, подумала, затем состроила лукавую рожицу, ласково, даже с какими-то кокетливыми интонациями чуть слышно проговорила:

— А ты... конфетку мне ку-упишь?

— Ну, конечно, куплю. Пирожное — нет, потому что дорого... А впрочем, идём — куплю и пирожное, раз ты не ела их больше четырёх месяцев.

Владимир НОГОВСКИЙ

Родился и вырос в Москве. Окончил филфак МГПУ им. Ленина и там же — факультативный курс «История искусств». Затем аспирантура в «НИИ художественного воспитания». С 1990 г. живёт во Франции. Сотрудничал с русскоязычными изданиями «Русская мысль», «Парижский курьер», «Глаголь», «Из Парижска», «Azur découverte». В 2015 году издал двухтомник «Мой Дом: Франция — Россия — Украина на стыке веков». Больше 30 лет работает водителем-гидом по Франции и Парижу.

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ» ВСТРЕЧИ С ГЕОРГИЕМ ШИШКИНЫМ

В 1995 году с Георгием Георгиевичем Шишкиным меня познакомила очаровательная дама, жена брата известного поэта эмиграции Николая Туроверова. Ирина Ивановна Туроверова помнила все его стихи наизусть и читала их изящно и просто, вызывая у слушателей сложные чувства. Её доброта и желание помочь всем привели меня в неоклассический, построенный в 1910 году «Трианон-палас». В этой гостинице искали вдохновение Марсель Пруст, Артур Рубинштейн, Сара Бернар. Здесь отдыхали Поль Вале-

ри, Франсуа Мориак, Марлен Дитрих, Жан Габен, Жак Брель и многие другие. Дыхание истории чувствуется в салоне Жоржа Клемансо, где им был подготовлен Версальский мирный договор, который 28 июня 1919 года подписали в зеркальной галерее Версаля.

В настоящее время высокая репутация «Трианон-палас» и его уникальные возможности превратили это место в своеобразный международный культурный центр и штаб-квартиру интернационального общества «Барокко».

Мне доставило удовольствие помочь развесить картины Георгия Шишкина в выставочном зале «Трианон-Паласа», где я и познакомился с художником. Более того, мы потом вместе отправились на юг Франции в Канны, где у Георгия была запланирована следующая выставка.

На вернисаже Шишкина в Версале 1995 года присутствовали послы, дипломаты, журналисты, коллекционеры и восхищённые поклонники художника из многих стран мира. Генеральный директор отеля «Трианон-палас» Альбер-Жан Робо процитировал французского искусствоведа Пьера-Марка Лаверуа: «Полотна Георгия Шишкина сразу привлекают внимание своей искренностью и убедительностью. В качестве духовной опоры художник выбрал гуманистическую традицию земли русской. Уважение к природе человеческой. Своими корнями его полотна восходят к величественному благородству икон».

Под рукоплескания собравшихся Георгию Шишкину была вручена памятная медаль Версаля, а художник (мы иногда забываем, что он и архитектор), подарил мэру один из своих рисунков с видом города.

Мы встретились с Георгием на следующий день после торжественного открытия выставки, и я попросил рассказать Шишкина о себе. Он родился 25 января 1948 года в Екатеринбурге (Свердловске).

«Рисовать я начал рано и почти с самого детства знал, что буду художником. Мне никогда не было скучно с моими карандашами. Помню, какое сильное впечатление произвела на меня лет в чегырнадцать-пятнадцать книга Джорджо Вазари «Жизнеописания художников»...

Я рос без отца и, чтобы скорее приобрести профессию, поступил в строительный техникум. Мне повезло: я встретил человека, который потом на всю жизнь стал моим другом: Борис Николаевич Гуляев. Он заметил моё увлечение живописью, поддержал меня и заставил продолжать учёбу. Я поступил в Свердловский архитектурный институт. (Фонари, сделанные по проекту Георгия Шишкина, украшают сейчас историческую часть города перед Свердловским драматическим театром.)

Что же касается моих художественных поисков, то я прошёл как бы несколько ступеней. Было увлечение старыми мастерами, потом импрессионистами... Несколько лет я отдал акварели и рисунку. В то время моим кумиром был Роден. Я старался выжать из карандаша всё, что можно: в двухмерной плоскости воссоздать всё пластическое богатство человеческого лица... Его психологию, переживания. Одновременно меня очень влек цвет. Я интенсивно работал маслом...»

Художник на минуту останавливается: «Постепенно я стал задумываться, что же такое я делаю?.. Портретист я вообще, или я просто художник, желающий, пользуясь моделью, выразить свои какие-то чувства, своё отношение к миру?.. И для меня какое-то время это тоже было загадкой. Пока я не пришёл к выводу, что меня не интересует маска. Да, человек часто надевает маску и как бы срастается с ней. И мы принимаем маску за него самого... Мне всегда хотелось изобразить человека в состоянии, когда он по возможности открыт. Вот это было для меня наиболее ценно. Человек настолько хорош сам по себе вообще, неза-

висимо от своего характера, настолько интересен как модель, что он не нуждается в улучшении. Делать из него карикатуру, что я в принципе могу, для меня не интересно. Я не считаю это своей художественной задачей. Для меня человек интересен именно в тот момент, когда он полностью как бы во власти человеческого...»

Слушая Георгия Шишкина, я понял, почему именно ему доверяли писать свои портреты Иннокентий Смоктуновский, Верико Анджапаридзе, писательница Анастасия Цветаева, дирижёр Марк Паверман и... впрочем, судите сами. Выставка открыта, как и сердце Георгия Шишкина. Мне остается только добавить о роли его супруги Татьяны. Она позировала для его первых картин из цикла «Русские сны». На протяжении всей их совместной жизни Татьяна вдохновляла, помогала в организации жизни и деятельности, решала административные вопросы, поддерживала всегда и во всём Георгия, одним словом — это настоящая Муза, добрый ангел-хранитель художника Г. Шишкина.

* * *

И вот прошло четверть века. То самое время, которое является определяющим в жизни любого человека. Но суть творчества Георгия Шишкина оставалась прежней: пристальное, трепетно-бережное отношение к внутреннему миру своих героев. Следование великим традициям художников-гуманистов. За это время он добился ещё большего признания: лауреат многих конкурсов, награждённый медалями и отмеченный премиями, выставляющийся в престижных музеях, автор замечательных почтовых марок, посвящённых Дягилеву, Достоевскому!

Французы говорят, что характер — это власть над самим собой, талант — власть над другими. Продолжайте властвовать и восхищать нас!

Но это не конец истории. 8 октября 2022 года исполнилось 130 лет со дня рождения Марины Цветаевой. Именно в этот день, когда все собрались в бывшей квартире Поэта в Ванве у Флорана Дельпорта, Георгий Шишкин прислал из Монако (в электронном виде) свою работу — дивный портрет: Марина Цветаева — световой ливень. Художник тонко подметил, что её поэзия состоит из невозможностей, составляющих возможность любить, воспринимать мир по-другому, поэтому и Марина изображена Шишкиным по-другому и мы влюбились в портрет с первого взгляда. Георгий не только непревзойдённый мастер портрета, но и психолог, проникший в тайну поэзии Марины Цветаевой — воплощённое желание исповеди.

* * *

Георгий Шишкин с удовольствием согласился рассказать читателям «Нового Глагола» об истории создания его картины «Смутное время. Борис Годунов».

В 2006-м году меня попросили («Друзья Оперы Монте-Карло») сделать рисунок для Приглашения к спектаклю Театра Оперы Монте-Карло — постановке оперы Мусоргского «Борис Годунов», которая должна была прибыть из Лондонского Ковент-Гардена. Я стал думать над эскизом и сразу нашёл решение главной сцены композиции. Причём, образ колокола неожиданно у меня соединился с образами икон, стал голосом совести. Я написал небольшую картину (два-три центральных персонажа), которая так понравилась заказчикам, что они не только напечатали её на торжественном Приглашении, но и предложили мне: если у меня есть ещё картины, совпадающие по образу, сделать мою выставку в Форуме Гримальди. Со мной были несколько картин из серии «Русские сны». Тогда я подумал, что могу написать большую картину — такую народную сцену-фреску, посвященную этому событию. А времени у меня было три недели.

Я с юности был хорошо знаком с этим произведением — с музыкой Мусоргского и драмой Пушкина. У меня было своё мнение об этих событиях, о личности Бориса Годунова. Позднее, занимаясь созданием Музея Театра Оперы, я слышал и видел в этой роли замечательного баса Владимира Огновенко. Всё же это было традиционное прочтение сюжета. Теперь, спустя годы, в моей картине я отразил моё личное ощущение исторических образов. Например, мне показалось, что царская мантия немногим отличается от рубища юродивого. Только крест не железный, как у юродивого, — а золотой на обнажённой груди царя, да жёсткий золотой ворот, стискивающий его шею. Вообще, картина сложилась быстро и просто волшебным образом. Я только успевал делать композиционные живописные удары акцентов, ещё не зная точно, что за ними откроется. Все детали соединились, как по волшебству.

Думаю, это такой момент, когда накопленное в душе, пережитое и пережитое, — вдруг находит выход и возможность проявиться. Конечно, надо быть профессионально подготовленным для этого.

Таким образом, я успел закончить картину к моей выставке в Форуме Гримальди в Монако в 2006-м году, соединённой с оперной драмой Мусоргского. С тех пор эту картину, входящую в мой цикл «Русские сны», я показывал в выставочных залах Европы. В России — по приглашению Сергея Безрукова в 2013–2013-м гг. в громадном фойе Московского Губернского театра, в Русском музее Санкт-Петербурга в 2017 г. (Это было особенно замечательно! Незабываемо!), в Художественном музее «Палаты» г. Владимира в 2018 г., а затем — в Таллине. Повсюду был большой живой интерес.

Свою работу я никогда не считал ни развлечением, ни удовлетворением чьих-либо поверхностных позывов. А с точки зрения профессионализма, я всегда старался рас-

ширить композиционные возможности картины (сам радуясь каждый раз неожиданным открытиям), и возможно-сти живописи в целом. Так же, как пейзаж, воспринятый с детства, формирует виденье, так и история, воспринятая вместе с поэзией и музыкой, встаёт, как целостная картина мира, где всё взаимосвязано.

Мы благодарим Георгия Георгиевича за то, что он подарил нам самое дорогое — своё время и поздравляем художника с днём рождения! В январе 2023 года Георгию Шишкину исполнилось 75 лет! На Корсике существует традиция: поздравление должно быть жизненно важным: **м и р а и з д о р о в ь я!** — говорят они. Мы присоединяемся к этим пожеланиям и надеемся на скорую встречу с вами и вашими шедеврами.

Ирина ЧЕНАКАЛ

Родилась в России, в Калининграде. В Москве работала в Академии медицинских наук (психиатрия). С 1989 года живёт во Франции. Будучи арт-терапевтом, организовала для пациентов «Ателье артиста». Занимается изобразительным искусством, пишет пейзажи и натюрморты. Артистическое имя — Мзелма. В альманахе предлагается аннотация на её книгу об одной из манекенщиц Диора.

АЛЛА, ЕЁ ЖИЗНЬ И ДИОР

В этой книге речь идет об известной манекенщице Алле Иличун, которая работала у Диора с 1947 по 1960 годы, затем у Ив Сен-Лорана, а также у Юбера де Живанши и Ги Лароша.

Интернациональная пресса любила называть Аллу китайской манекенщицей, потому что она родилась в Маньчжурии, в те времена входившей в состав Китайской республики. Она унаследовала раскосые азиатские глаза от своего отца казаха, а от русской матери получила европейскую фигуру.

Алла всегда считала себя русской: ведь это её родной язык. Крестили её в харбинском кафедральном соборе Святого Николая. Она окончила русскую гимназию в Париже и говорила по-русски без акцента.

Алла совершенно случайно стала манекенщицей. Однажды она отправилась сопровождать свою подругу, которая хотела работать в Доме Моды Диора. Кутюрье обратил внимание на оригинальную красоту Аллы. Она с юмором рассказывала, как ей предложили зайти в кабину, где с неё мгновенно стянули платье, переодели в новое, губы накрасили красной помадой, а волосы зачесали на одну сторону, соорудив какую-то несуразную причёску в виде плюшки на голове. Она сняла свои белые носочки и впихнула ноги в тесные неудобные туфли на каблучках. Увидев девушку, Диор удовлетворенно закивал головой.

Так изменилась вся её жизнь. Она вошла в «созвездие» Диора и вскоре стала одной из его крупных величин. Надо заметить, что в те годы во Франции азиатские манекенщицы являлись большой редкостью. В Париже работала только одна японская манекенщица.

Автор лично знала Аллу, которая любила говорить о своей профессии манекенщицы, о своих коллегах и об их отношениях. Она вспоминала многие весёлые истории, произошедшие в Доме Моды: с богатыми и капризными клиентами, с некоторыми незадачливыми поклонниками, считающими, что манекенщицу тоже можно купить, как платье. Поэтому многие главы книги строятся на её интересных воспоминаниях, например: «Маленькие монстры Диора», «Курение воспрещается», «Причуды богатых клиентов», «Престижные клиенты», «Манекенщицы и мужчины».

И, конечно, мы много говорили о таких гениальных кутюрье, как Кристиан Диор и Ив Сен-Лоран, особенно об их удивительном таланте создателей эфемерной моды.

Мне посчастливилось быть представленной Ив Сен-Лорану. Алла заметила мне, что он «целовал» мою руку, так же как и руку принцессы Маргарет. Об этом идёт речь в главе «Английский замок Бленхейм».

За годы своей работы Алла объездила полмира и представляя модели одежды перед многими известными людьми

ми: японским императорским домом, греческой королевой Фредерикой Ганноверской, английской принцессой Маргарет и другими.

Она встречала также некоторых известных голливудских звёзд. В Дом Диора приезжали Ава Гарднер, Рита Хейворт, Софи Лорен, Грас Келли. Марлен Дитрих, одна из самых преданных клиенток Дома Моды, говорила: «Без Диора нет Дитрих».

В пятидесятые годы не существовало понятия «тор-модель», т.е. «манекенщица — звезда», которая известна во всем мире и получает баснословные гонорары. Тогда все манекенщицы получали достаточно скромную зарплату: 1200–1500 евро в месяц (конечно, им добавляли за переработку часов и выслугу лет). Так платили все парижские Дома Моды, за исключением Шанели, месячная зарплата у которой составляла 2500 евро. Внимание читателя привлекают уникальные документы, опубликованные в книге, в том числе зарплата, которую Алла получала в разные годы у Кристиана Диора и у Ив Сен-Лорана.

Алла была достаточно известна. Престижные журналы мод, такие как «Вог», помещали её фотографии на обложку, журналисты часто брали у неё интервью. Карьера длилась до 1967 года, когда ей исполнилось 41 год.

Автор — Ирина Ченакал — хотела избежать написания традиционной биографии и представляет читателю наиболее значительные эпизоды из личной и профессиональной жизни Аллы, не всегда связанные хронологически. На её долю выпали тяжёлые испытания: в 1968 году она попала в автомобильную аварию и долго лечилась.

О моде невозможно говорить без показа и описания одежды. В книге представлено около 160 фотографий одежды, показанной манекенщицей в разные годы и даётся их описание.

Однажды мы с Аллой рассматривали фотографии, на которых она была снята в начале своей карьеры у Диора

в 1947 году. Она сказала мне: «Я надеюсь, что моя жизнь прошла не зря и меня будут вспоминать». Она не ошиблась. С той поры прошло более тридцати лет, и она стала ещё более известной. Её многочисленные фотографии украшают почти все недавно вышедшие альбомы Дома Диора. В только что открывшийся галерею Диора на авеню Монтень можно посмотреть фильм, в котором Алла появляется в самых красивых нарядах Диора. Для своей книги я выполнила рисунок, изображающий Аллу в известном платье Кристиана Диора «Юнона».

Я всегда интересовалась модой и с большим интересом слушала увлекательные рассказы Аллы, даже записала многие из них, надеясь когда-нибудь их опубликовать. Но заняться книгой не было времени. Получив в 2002 году архив бывшей манекенщицы, я открыла пыльный чемоданчик для косметики, в котором он хранился, и ужаснулась: смятые газетные статьи непонятно на каких языках мира, фотографии в плохом состоянии. Бумаги пахли не духами «Мисс Диор», которыми пользовалась Алла, а плесенью. Захлопнув крышку косметички, я не заглядывала в неё много лет. Вернувшись к архиву в 2018 году, поняла, что он представляет несомненный интерес. Началась кропотливая работа, продлившаяся около трёх лет. Статьи пришлось переводить с английского, испанского, португальского, шведского, итальянского. В них уделялось большое внимание событиям, происходящим в Домах Моды: описание новых коллекций одежды, подробные репортажи о путешествиях Диора и Ив Сен Лорана со своими манекенщицами в разные страны мира. Алла бережно сохранила вырезки из газет, где она давала интервью французским и зарубежным журналистам.

Я выпустила книгу на русском языке в декабре 2022 года, чтобы познакомить русскоговорящего читателя с Аллой, ведь она всегда считала себя русской.

Екатерина ЭТКИНД

Родилась в Ленинграде. Училась в литературном клубе «Дерзание»; работала во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (Наб. Мойки, 12). В 1973 году поступила в Институт театра, музыки и кинематографии на факультет театроведения. В 1974 году эмигрировала с семьёй во Францию. В 1995 году открыла постоянную выставку «Жизнь и творчество Пушкина» в стенах Российского центра науки и культуры (61, rue Boissière, 75016 Paris). В 2002 году основала ассоциацию «Друзья Пушкина», которой руководит до сих пор.

МОИ ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ ЗАГРЕБОЙ

Если начинать говорить о Владимире Алексеевиче Загребе, то надо начать с его работы врача. И не просто врача, а анестезиолога-реаниматолога.

«Россия во Мге»

Мга — городской посёлок в Кировском районе Ленинградской области. Рассказ В. Загребы:

«Представь себе картину: приехали по срочному вызову. Изба. Электричества нету. На столе керосиновая лампа. На полу лежат двое мужчин и одна беременная женщина. Пока донесли их до скорой помощи, мужчины скончались. Только женщина выжила. Её отвезли в роддом, где и родила. Когда сделали вскрытие погибших, оказалось, что они пили метиловый спирт».

Владимир был чудесным доктором, из той плеяды врачей, которых называют «от бога». Что это значит? Это значит, что врач любит своего больного. Загреба очень хорошо поднимал дух. Мог рассказать веселую байку. А ведь у него, не было диплома психолога, да он ему и не нужен был. Поэтому, что эта помощь шла от сердца, от души. Загреба много раз приезжал к нам домой, мерил маме давление, делал укол.

Прилёт вертолёта

Вся наша семья была на даче в Ушково (Кто не знает — это под Ленинградом). А там — ни телефона, ни машины, не было. Зато — шли косяком гости, и в результате, у нашей мамы от утомления, случился гипертонический криз. Как сочинил один раз, наш папа экспромт: «По понедельникам она едва шевелится! А почему? Она — домовладелица». Маша — моя старшая сестра, взяла велосипед, и поехала искать телефон-автомат, и вызвала Володю. Наш «доктор Айболит» прилетел на вертолёте и приземлился прямо на поляне за домом. Вертолёт принадлежал областной больнице, где работал Володя. Наш доктор осмотрел маму, смерил давление, сделал укол, и мы уложили маму в кровать. Володя не хотел улетать, пока не узнал реакцию организма больной на укол. Так пилот спал, и врач тоже мог вздремнуть. Часа через полтора, мама проснулась, пришла в комнату и спросила: «Обедать будем?» Все зашевелились, обрадовались, стали садиться за стол. На обратном пути, нас с Машей взяли в город на вертолёте.

Кроме того, что Владимир чудесный врач, он ещё и верный друг. В своё время, мне очень хотелось играть на сцене (хотя никакого диплома, у меня, разумеется, не было). И тут Володя говорит: «А знаешь, Катечка, я знаком с режиссёром народного театра, где играют любители, на улице Рубинштейна. Можно попробовать! Пойдём в субботу и познакомимся...» В результате, я там сыграла, две или

три роли, и Маша с Володей, присутствовали на премьерах. Потом, мне пришла идея — поступить в театральный институт на театроведческий факультет. Тут надо заметить, что герой нашего повествования, был не только врачом-анестезиологом, но и театроведом. А впоследствии и писателем, как А.П. Чехов, В.В. Вересаев, М.А. Булгаков. Володя услышав о моём намерении, приехал к нам с грудой книг и конспектов. Объяснил, на чьи труды надо обратить особое внимание: Л. Гительман, Н. Рабинянц, Ю. Чирва и Б. Костелянец. Благодаря Володе я с честью сдала экзамен на будущего театроведа. К сожалению, моя жизнь сложилась так, что я осталась «Несостоявшейся театроведьмой».

Однажды, в Рождество

7-е января — Русское православное Рождество, которое мы никогда не праздновали. В Советском Союзе, все религиозные праздники были запрещены. Но Владимир Загреба не посмотрел ни на какие запреты. Он пришёл к нам с большим портфелем, попросив всех выйти в столовую, а сам отправился к папе в кабинет. Когда мы все, по его указанию, вошли, то на папином рабочем столе обнаружили пакетики с обозначением адресата, бутылку шампанского, бокалы и вазочку с печеньем. Для романтизма — стояли зажженные свечи. Все чокнулись, выпили, и Володя, в роли Деда Мороза, стал раздавать подарки! С тех пор прошло много лет, но как Вы видите, дорогой читатель, я всё это помню, потому, что добро не забывается! Оно, из года в год, превращается в большой дефицит.

Эмиграция

В 1974 году нашу семью «уехали» в эмиграцию в Париж. А в 1976 — вынужден был уехать и Владимир Загреба. Жил первое время у нас в квартире на Дефансе, где и про-

изошла судьбоносная встреча нашего доктора, с русским писателем Виктором Некрасовым. В честь его Владимир назвал свою дочь Викой. Мы записали Володю на курсы французского языка. Впоследствии, он перешёл на ускоренный курс и решил готовиться к экзаменам на получение права работать врачом во Франции. Вы, дорогой читатель, много знаете людей, среди эмигрантов, которые смогли вернуться к своей профессии? А Владимир смог преодолеть все препятствия и стать снова нужным человеком. Он спас очень много людей. Я могу сказать, что перед ним «я снимаю шляпу!»

В 1986 году мы хоронили нашу маму Е. Ф. Зворыкину. Несмотря на очень далёкий путь (это, почти 400 километров от Парижа) приехало очень много народу, и среди них писатель Синявский с женой, Некрасов и Загреба. В 1987 году, в больнице, где тогда работал Володя, лежал Некрасов, уже почти умирая от рака. Наш друг и доктор, был с ним до последнего момента.

Загреба был на моей свадьбе в 1989 году. Неожиданно, мы оказались опубликованы в одном журнале «Из Парижска. Русские страницы».

Нельзя закончить портрет такого человека как Володя, не упомянув о его трепетном отношении, к матери, Ф.И. Загребе. Рассказать отдельно, о его чувстве юмора, невозможно, потому, что это — является его существом. Можно вспомнить его словечки: «детка», «тёлка», «чтоб я так жил», и многие ещё другие... Все, кто его знал, не смогут его забыть. Он похоронен на парижском кладбище Père Lachaise рядом со своей мамой Фаиной Израильевной Загреба. Несмотря на бег времени, забыть такого человека как Владимир Алексеевич Загреба — невозможно.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Виктория КОГАН

Рождѣнная в Бостоне, выросшая в Париже, я всегда была влюблена в Россию — её культуру и историю, её людей и города. И любовь эта пришла ко мне естественно, с маминими сказками на ночь, с бабушкиными пельменями и вареньем, с балетом «Щелкунчик» в Большом Театре и Янтарной комнатой Екатерининского Дворца, с шумным и весѣлым празднованием Нового года, когда дедушка надевал костюм Деда Мороза, а папа запускал фейерверки в нашем семейном доме в Подмоскowie. Сейчас я учусь в 10 классе школы Жанин Манюэль, свободно говорю на русском, английском и французском, изучаю китайский и итальянский, занимаюсь искусством дебатов, йогой и увлекаюсь историей искусства, интерес к которой мне привила Татьяна Моженок-Нинэн. Обожаю путешествовать, люблю общаться с умными людьми с разносторонними интересами и ни на что не променяла бы свою богатую мультикультурную среду.

«ПИОНЕРКИ»: ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПАРИЖ

Такого места и времени, как Париж в бурные 20-е годы прошлого века, не было никогда и нигде. В город — «праздник, который всегда с тобой» — приезжали со всего мира, чтобы поступить в художественную академию и погру-

зиться в атмосферу богемной жизни тех лет. Именно здесь в 1920-е годы женщины-художницы добились признания. В отличие от других столиц, в Париже всегда была некая восприимчивость к открытой гомосексуальности и эмансипации женщин. Поэтому у женщин, выбравших этот город, появлялась возможность участвовать в творческой жизни не только в роли моделей, но и на правах авторов, создавать картины, скульптуры, одежду и делать это «на свой вкус», не будучи ограниченными цензурой и не боясь осуждения.

Среди этих женщин было немало выходцев из Российской Империи, привнесших в искусство того времени богатство и разнообразие наших традиций и культуры. Здесь, в Париже, они смогли создать такую творческую атмосферу, которая позволила им не только свободно выразить своё художественное кредо, но и завоевать международное признание наравне с мужчинами.

Именно этому революционному периоду в истории искусства и была посвящена выставка *Pionnières. Artistes dans le Paris des Années folles*, которая с успехом прошла в Люксембургском музее в период со 2 марта по 10 июля этого 2022 года. Для тех, кому не удалось её посетить, и для тех, кто остался под большим впечатлением от увиденного, предлагаю «пройтись» по работам «пионерок», наших соотечественниц. Вашему вниманию предстанут семь работ, каждая из которых по-своему отображает историю её создательницы.

Одна из самых ярких и запоминающихся художниц — Тамара Лемпицка, чей портрет Сюзи Солидор был на афише выставки. Она родилась в Варшаве (по другим данным — в Москве) в обеспеченной семье. Ей довелось жить в таких городах, как Лозанна, Санкт-Петербург, Париж, Лос-Анджелес (Бeverли Хиллз) и Куэрневака. В шестнадцать лет она поступила в Императорскую Акаде-

мию художеств Санкт-Петербурга и через два года вышла замуж за польского адвоката, Тадеуша Лемпицкого. Вынужденная покинуть Россию из-за революции, семейная пара обосновалась в Париже, где первое время жила в бедности. Но, благодаря таланту и труду, Лемпицкой довольно быстро удалось выработать собственный стиль, который так манил состоятельных клиентов. Она писала портреты известных людей — королевы Греции Елизаветы, итальянского поэта Габриэля Д'Аннунцио или короля Испании Альфонсо XIII, а также автопортреты, все в её «фирменном» стиле ар деко. На картине «Мой портрет» или «Тамара в зелёном Бугатти» Лемпицка изобразила элегантную, красивую, богатую, независимую и уверенную в себе женщину — именно такую, какой она была в жизни сама.

В 20-е годы XX века парижане проявляли невероятный интерес к спорту. В 1924 году в столице прошли летние Олимпийские игры, мужской теннисный турнир, Кубок Дэвиса, в 1928 году был построен стадион на Порт-д'Отей. Несмотря на то, что большинство участников подобных турниров были мужчины, некоторые женщины всё же смогли отличиться и запомниться зрителям своими выступлениями. Так, Франция становится свидетелем рождения звезды, Сюзанны Ленглен, теннисистки номер один с 1921 по 1926 год. Возможно, именно она изображена на картине «Теннисный игрок» Александры Бельцовой, а, может быть, это подруга художницы, Берута Озолина. Кто именно послужил моделью, не суть важно, а важно то, что её образ олицетворяет эмансипированную женщину, которая не боится претендовать на место мужчины, как в спорте, так и на работе. Этой картиной русская, советская художница словно утверждает: «Да, мы способны на то же, что и мужчины!».

*Афиша выставки
«Пионерки. Художницы в Париже бурных двадцатых»*

Тамара Лемпицка
Мой портрет. Тамара в зелёном Бугатти
1929 г. Частное собрание

*Александра Бельцова. Теннисистка
1927 г. Латвийский национальный
художественный музей, Рига*

*Хана Орлова
Материнство (Maternité couchée)
1923 г. Ateliers-musée Chana Orloff, Париж*

*Мария Васильева
Кукла «Архитектор» к спектаклю
«Королевский замок», 1928 г. Частное собрание*

*Соня Делоне
Купальник
Musée des Tissus, Лион*

*Портреты женщин-художниц начала XX века,
Люксембургский музей, 2022 г.*

В. Коган

В дополнение к изменению своей роли в обществе женщины осмелились изменить и восприятие самих себя. Можно сказать, что художницы 1920-х годов — «пионерки» того, что сегодня называют «женским взглядом».

Этот феномен является альтернативой «мужскому взгляду», который, согласно феминисткам, доминировал в искусстве на протяжении всей истории западного общества. Определение «женский взгляд» подразумевает то, что произведения (картины, фильмы и т.д.), созданные женщиной, отображают её чувства, заботы, переживания.

Женские портреты и автопортреты, созданные кистью «пионерок», написаны экспрессивно, с жёстким реализмом. Ярким примером этого служит картина «Nu» (ок. 1925, Musée d'Art moderne de la Ville de Paris) Натальи Гончаровой, ещё одной талантливой представительницы русских «пионерок». Несмотря на объединяющее обеих — Наталью Гончарову и Тамару Лемпицку — стремление к свободе, каждая проявила свой талант в уникальном стиле. В картинах ар деко Лемпицкой чувствуется вдохновение итальянским Возрождением и кубизмом, в то время как Гончарова склонялась к неопримитивизму, а позже к лучизму, движению, которое она создала вместе с мужем Михаилом Ларионовым.

В 1914 году Гончарова впервые создаёт декорации к балету «Золотой петушок» Н.А. Римского-Корсакова и «Свадебка» И.Ф.Стравинского для антрепризы С.П.Дягилева, а в двадцатых годах она становится одной из главных художниц Русского балета. Подобно Соне Делоне, автору костюмов для балета «Клеопатра», и Иде Рубинштейн, вдохновившей Мориса Равеля на знаменитое Болеро, Гончарова также внесла свой исторический вклад в мир танца.

Художницы 1920-х годов часто обращались к классическим сюжетам — сценам повседневной жизни, образам материнства, но трактовали их совершенно по-новому. В картине «Мать и ребенок» (1932, Musée de l'Oise, MUDO, Beauvais) Тамара Лемпицка не идеализирует материнство: общепринятая сентиментальность заменена неожиданной реалистичностью. Во взгляде ма-

тери прочитываются и её жертвенность, и переживания, и усталость от бессонных ночей. Сильные руки, на которых чётко видны вены, свидетельствует даже о некоей мужественности матери. Как на картине Лемпицкой, так и в скульптуре Ханы Орловой «Материнство», мать не изящная и хрупкая, как хотелось бы обществу, а сильная и независимая.

Аутентичность в работах художниц — результат их жизненного опыта. Хана Орлова родилась в Одессе в еврейской семье. После погромов 1905 года Орлова с родителями переехала в Палестину, где работала портнихой, а позже, с помощью брата, Хана поселилась в Париже и поступила в Русскую академию Монпарнаса. Пережив смерть своего мужа и друга (первый умер от испанского гриппа, второй покончил с собой), Орлова знала не понаслышке, что значит быть волевой матерью и растить сына без поддержки.

Талант этих женщин не ограничивался одним видом искусства. Как пример тому — художница, сценограф, модельер из Одессы Соня Делоне. В 1913 году Делоне решает заняться модой и начинает создавать авангардные платья. По случаю Международной выставки декоративно-прикладного искусства в 1925 году Соня Делоне открывает на мосту Александра III *Boutique Simultanée*. В переводе на русский *simultané* означает «одновременный» и является отсылкой к художественному направлению, симультанизму, которое Соня основала с мужем Робером Делоне. Название «*simultané*» также может подразумевать желание Сони объединить разные виды искусства — живопись с театром, декоративно-прикладным искусством и модой. Она верила, что искусство можно (и нужно!) применять в повседневной жизни, как она это делала с женской одеждой. Поэтому созданные ею фасоны яркие и удобные, как, например, купальник, экспонировавшийся на выставке.

Большинство талантливых женщин того времени, таких, как Мария Васильева, занимались различными видами деятельности одновременно. С начала Первой мировой войны, когда спрос на искусство упал, многие «пионерки» начали искать другие способы зарабатывать деньги на жизнь. Создание кукол и марионеток было одним из них. Васильева делала куклы, в том числе известных людей того времени, таких, как Жозефина Бейкер, Анри Матисс или себя самой. А также она создавала марионетки на заказ для частных театров (напр., кукла «Архитектор»).

Приехав из Санкт-Петербурга в Париж, Мария Васильева поступила в Академию, где в то время училась Соня Делоне (Academie de La Palette на Монпарнасе). Затем она записалась в Академию Анри Матисса, на тот момент уже успешного французского фовиста, и стала его ученицей. Через семь лет в 1912 году она открыла свою Академию, Академию Васильев, по адресу 21 Авеню дю Мэн в пятнадцатом районе.

«Русская фея Монпарнаса» — так называли Васильеву арт-критики. С началом Первой мировой войны Васильева стала медсестрой во французском Красном Кресте и превратила свою Академию в столовую, где художники и модели могли получить обед за 50 центов. Место это быстро стало культовым, открытым для всех парижских артистов — от Шагала и Модильяни до Матисса и Пикассо. В нём уже после её смерти в 1987 основали музей Монпарнаса. Позднее музей переименовали в «Виллу Васильев». Сегодня в стенах Виллы Марии Васильевой на авеню дю Мен, 21 находится Ассоциация AWARE (Archives of Women Artists, Research and Exhibitions).

Жажда создавать и быть свободными — вот, что объединяло этих смелых и талантливых женщин. Они находились в постоянном поиске, были в первых рядах, не задумывались об условностях и не боялись жить! Они стали не просто знаменитыми художницами-пионерками, они изменили искусство!

Наталья ЛЕЙБИНА

Наталья Лейбина, секретарь Ассоциации Василия Поленова. Родилась в Москве, с 2012 года живет во Франции. Выпускница факультета журналистики Московского государственного института международных отношений, получила второе высшее образование на факультете живописи, рисунка и декоративно-прикладного искусства при Московском педагогическом государственном университете. Специалист по международным культурным связям, художник, один из основателей и преподаватель Школы классического рисунка (Париж).

15 ЛЕТ АССОЦИАЦИИ ВАСИЛИЯ ПОЛЕНОВА

Ассоциация Василия Поленова была создана в Париже в конце 2007 года по инициативе потомков Василия Дмитриевича Поленова. Особенную роль в её становлении и развитии сыграла Наталья Федоровна Поленова, правнучка художника, директор Музея «Поленово». Кроме членов се-

мы Поленовых, основателями ассоциации выступили поэт Юрий Кублановский и журналист Оксана Бобрович, избранная президентом ассоциации.

Изначально целью было продвижение русского искусства во Франции, но со временем границы нашей деятельности расширились не только географически, но и концептуально. Благодаря усилиям руководителей и активных членов ассоциации о наследии великого русского художника стали узнавать во всем мире. Причем целевая аудитория ассоциации — это не только узкие специалисты (искусствоведы, историки искусства, студенты), но и широкая публика, а также люди творческих профессий в самых разных областях. Ведь и сам Поленов был и живописцем, и оригинальным архитектором, и любителем-музыкантом. Кроме богатого художественного наследия, Поленов оставил и глубокое мировоззренческое наследие, которое может служить ориентиром для многих современных людей.

В.Д. Поленов (1844–1927) родился в высококультурной аристократической семье, учился в столице, стал дипломированным юристом и художником. Имел возможность путешествовать, несколько лет прожил в Европе. Но для семейного гнезда Василий Дмитриевич выбрал провинцию, тихий берег Оки, холм, идеально подходивший для усадьбы. Здесь, вдали от городской суеты, он на протяжении нескольких лет реализовывал свою задумку: спроектировал и возвёл дом, обустроил парк и создал музей. В деревню, в Борок, к нему приезжали многочисленные друзья и ученики, а со временем в Большой дом стали приходить и посетители, чтобы полюбоваться картинами и коллекционными предметами, собранными четырьмя поколениями семьи художника.

На другом берегу реки, в Тарусе, проводил летние месяцы с семьей Иван Владимирович Цветаев, историк ис-

куства, филолог. И Цветаев, и Поленов были наставниками молодёжи, оба любили искусство древних цивилизаций. Они ездили друг к другу в гости, переписывались и мечтали о создании большого музея античного искусства. Именно из этой идеи позже родился музей, ставший Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Дом Поленова в Борке постепенно превратился в полноценный музей и культурный центр — место притяжения для окрестных жителей и для столичной публики. Сам Поленов считал очень важным просвещать и делиться своими знаниями, поэтому его усадьба с семейными коллекциями была гостеприимно открыта для всех желающих. Заветы основателя дома бережно хранятся и передаются из поколения в поколение, ведь и в XXI веке музеем по-прежнему управляют его потомки.

Ассоциация Василия Поленова — своеобразная «передающая антенна» музея за рубежом. Наша деятельность, в русле традиций Поленовского дома, направлена на распространение знаний, культурный и научный обмен. За 15 лет существования ассоциации было издано около десятка книг на французском, английском, итальянском и русском языках, организовано несколько выставок, творческих встреч и коллоквиумов, прочитаны лекций об истории русского искусства, в том числе для детей. Были сняты документальные фильмы — с их презентациями Наталья Поленова объездила несколько стран, представила их в Великобритании, Франции, Америке и Израиле. Наши эксперты и авторы книг, которые мы выпускаем, выступают на книжных салонах и на различных мероприятиях, посвящённых русской культуре. В частности, Татьяна Моженок-Нинэн написала прекрасную монографию о В. Д. Поленове на французском языке «Рыцарь красоты» («Vassili Polenov. Chevalier de la beauté», 2013).

***Большой дом усадьбы Поленово
Государственный мемориальный историко-
художественный и природный музей-заповедник
Василия Дмитриевича Поленова***

***Памятная доска на Монмартре, ул. Верон, д. 31.
Автор: Борис Кац. © Н. Лейбина, 2022***

***Книги, выпущенные Ассоциацией Василия Поленова
© Ассоциация Василия Поленова***

***На церемонии открытия Сквера имени
Василия Поленова в Вэль-ле-Роз 11 июля 2015 г.
(Наталья Поленова, Наталья Грамолина,
Николь Ляпина и другие члены семьи Поленовых)
© Наталья Медведева.***

Не могли мы обойти стороной и памятные места, связанные с пребыванием Поленова во Франции. Так, в 2015 году в нормандском городке Вёль-ле-Роз мы открыли Сквер Василия Поленова. А в 2018 году на Монмартре, по адресу ул. Верон, д. 31, была установлена мемориальная доска в честь Ильи Репина и Василия Поленова.

Ассоциация не ограничивается наследием художника Поленова. На базе усадьбы мы организуем фестивали искусств — с 2016 года летние ежегодные фестивали собирали музыкантов, писателей, живописцев, философов, скульпторов и даже кулинаров. Обладая опытом насыщенной музейной жизни, мы делимся своими знаниями с другими музеями — в частности, ассоциация приняла участие в проекте «Культурная мозаика», организовала поездку во Францию группы директоров региональных российских музеев. Наши эксперты участвовали в Европейском музейном форуме, в создании международной сети домов-музеев — Artist's Studio Museum Network.

«Антенна» активно работает и «в обратную сторону»: отбирает студентов из Школы Лувра, Школы Высших Политических Наук и других вузов для прохождения стажировок в России. С 2012 года усадьба в Тульской области стала арт-резиденцией для представителей творческих профессий. Ассоциация принимает активное участие в отборе кандидатов из разных стран для участия в программе POLENOVO A-I-R. Результаты их пребывания в Поленово будут представлены во Франции осенью 2023 года — в настоящее время мы готовим большую выставку.

Мы рады всем, кто не равнодушен к искусству и кому близки гуманистические идеи В. Д. Поленова.

www.vassilypolenov.com

Лела МИГИРОВ

Живёт и работает в Париже в 6-м квартале. Член Европейской Академии Искусств (от Франции), награждена престижными международными призами: Леонардо да Винчи, Тициана, Рафаэля, Юлия Цезаря, Боттичелли и Веласкеса. Её картины представлены в Европейском Музее Искусств в Дании, в Музее Искусства XX–XXI веков в Санкт-Петербурге, украшают частные коллекции России, Франции, Америки, Германии и Израиля. Город, люди, ангелы, книги, музыка — во всём можно найти источник вдохновения, но, по убеждению Лелы, человек всё носит в себе, в своём сердце и в голове, и для

того, чтобы творить, нужно мечтать, любить и время от времени менять парадигмы. Лела — представитель современного интеллектуального искусства и фигуративного экзистенциализма. Многие работы Лелы перекликаются с литературным наследием Франца Кафки и Жоржа Перека. Выставка «В поисках потерявшихся любовей» по произведениям Марселя Пруста успешно прошла в 2021 году в галерее Éditions Caractères в Латинском Квартале и в 2022 году в Доме Ассоциаций 14-го квартала Парижа. С картинами Лелы Мигиров можно ознакомиться на сайте Art-lem.com

СТАНЦИИ ПОТЕРЯВШИХСЯ ЛЮБОВЕЙ

— Я всё ещё люблю тебя...

Многоликое чувство, называемое любовью, наводит мосты от одного одиночества к другому. Эти мосты могут быть сказочно красивы, но редко строятся навечно.

Теряется любовь, земной шар, и небеса немного сдвигаются, и на одной из станций появляется строка «Потерявшаяся любовь — прибытие». Велико расстояние, отделяющее эти станции от мира людей, не знающих ни начала любви, ни её конца и всякий раз проходящих мимо её сути.

Потерявшиеся любви преданы тем, в чьих душах имели привилегию зародиться. Они нуждаются в защите и ютятся там, где можно избежать забвения, на станциях надежд, молитв, обещаний, разочарований, грёз, воспоминаний, тайн, слёз, печали, безумия, магии, волнительного трепета.

Там нет времени, придуманного людьми, вторжение абсурда нарушает геометрию здравого смысла искусством лёгких касаний, взглядом, улыбкой, еле обозначенным жестом, расширенными зрачками.

Где-то за пределами людского мира вечерами выпадает золотая роса на крышах замысловатых молебен, и через мглу бережно перекинуты гулкие мосты сбывшихся и несбывшихся пророчеств, улёгшихся противоречий.

Там висят помутневшие зеркала, в которых смутно отражаются сияющие мантии страстей, шёпот, крики, мерцают песочные часы, настроенные на вечность, в неясном сумеречном свете сверкают, падая, звёзды, и на хрупкой кромке мостовых светятся полутона потерявшихся любовей, одиноких, как капли дождя.

...её красота... его шаги... её музыка... его книги... её молитвы... его уверенность... её дождь... его руки... их тепла и неиспользованный свет... тепло, застывшее в кристаллик на паутинке дорог... отблески... отзвуки... иллюзии... безбрежность вымысла и разделенные друг с другом радость и тоска...

Татьяна МОЖЕНОК-НИНЭН

С октября 2021 по январь 2022 г. в Художественном музее Парижа Пти-Пале проходила выставка великого русского художника Ильи Репина. Выставка имела ошеломляющий успех; её посетило более 100 000 человек, абсолютный рекорд для музея Пти-Пале! Французы открыли для себя нового художника грандиозного таланта, целый пласт истории России, а русскоязычные парижане с любовью и ностальгией

увидели знакомые с детства холсты. Татьяна Моженок-Нинэн принимала непосредственное участие в подготовке выставки с куратором экспозиции Стефани Кантарутти, написала статью «Илья Репин. Передвижники и Франция» для каталога (catalogue de l'exposition «Ilya Répine (1844–1930). Peindre l'âme russe», Paris Musées, 2021) и несколько статей для специального выпуска журнала «Ilya Répine. Beaux-Arts Magazine» (oct. 2021), с большим успехом прочитала лекцию о Репине в Российском Духовно-культурном Православном Центре и в аудитории Пти-Пале («Репин и современное искусство»), познакомила более 400 французов и русскоязычных парижан с творчеством Репина во время экскурсий по выставке! Летом 2022 г. Татьяна Моженок-Нинэн посетила Православное кладбище в ХьетаниEMI в Хельсинки (Финляндия), где похоронены дети И.Е. Репина — Вера и Юрий.

ИЛЬЯ РЕПИН В ПАРИЖЕ

«Это уникальное событие в художественной жизни Франции!» — воскликнул академик Пьер Розенберг, бывший директор Лувра, почтивший своим присутствием вернисаж выставки «Илья Репин. Живописец русской души»

(«Ilya Répine. Peindre l'âme russe»), открывшейся 4 октября 2021 г. в Художественном музее Парижа Пти-Пале. Да, это первая столь масштабная ретроспектива великого мастера русского реализма в Париже.

Мы её *ждали!* Выставка была запланирована на осень 2020 года, вслед за ретроспективами, посвящёнными 175-летию мастера в Третьяковской галерее и в Русском музее. Не получилось, помешал ковид. Но Репин всё-таки приехал к нам, в свой «весёлый Париж», к своим «любезным французам»! Четыре месяца повсюду в Париже висели афиши выставки с портретом маленького Юрия Репина, сына художника, в будущем тоже художника, а в галерее музея «царила» его любимая старшая дочь Вера — «Стрекоза».

Экспозиция начиналась ярко и блестяще, как и творческая карьера самого художника, — картиной «Бурлаки на Волге» (1870–1873, ГРМ), знакомой всем нам с детства. На «Бурлаков» смотрел с портрета 1873 г. их пламенный «глашатай» — знаменитый критик В.В. Стасов (ГТГ), «первым и самым могучим голосом» горячо поддерживавший молодого мастера. «С него-то и началась моя слава по всей Руси великой», — не без гордости писал Репин в книге воспоминаний «Далёкое близкое» 40 лет спустя.

С берегов главной русской реки мы попадали на Монмартр 1870-х гг., ещё весьма провинциальный и тихий, если судить по репинским пейзажам. Здесь на улочке Верон (Véron) художник поселился осенью 1873 г., получив Большую золотую медаль и стипендию петербургской Академии Художеств. О самой парижской картине Репина — «Кафе на бульваре» (1875, МАГМА) — напоминало несколько живых, написанных с натуры эскизов. А о «нормандских каникулах» в очаровательном городке Вёль-ле-Роз — приехавший из Радищевского музея Саратова пленэрный пейзаж «Лошадь для сбора камней» и

трогательная «Девочка-рыбачка», прилетевшая из сибирского Иркутска. Писать на пленэре на берегу Ла-Манша Репину посоветовал академик А.П. Боголюбов, «художник — моряк», парижский наставник русских пенсионеров. Его характерный профиль седовласого старца — на портрете 1882 г., написанном уже в Москве (СГХМ). Именно Боголюбов посоветовал великому князю Александру Александровичу, будущему императору Александру III, приобрести картину «Садко» (1876, ГРМ). Это блестящая живописная интерпретация былины о новгородском купце, оказавшемся в подводном царстве с его причудливыми обитателями, — дань Репина маэстрии художников парижского Салона.

Из Парижа — обратно в Россию, в родной Чугуев, чтобы «окупнуться с головою во всю глубину народной жизни» (В. Стасов). Там в 1876–1877 гг. было задумано одно из самых важных произведений — «Крестный ход в Курской губернии» (1880–1883, ГТГ). Эта «хоровая картина», по образному выражению В.Стасова, — настоящая поэма о жизни русской провинции. А «красочные откровения» картины, «подлинное солнце, в коем купается толпа богомольцев» (М. В. Нестеров), привлекли к ней молодых художников.

На выставке была ещё одна знаменитейшая картина Репина, купленная императором, — «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» (1880–1891, ГРМ). Какие живые лица, достойные кисти Франса Хальса! Какой смех — заразительный, яркий! Какая свобода — и казацкой вольницы, и репинской живописи! Какие сверкающие краски! Напротив «Запорожцев» висела другая знакомая с детства картина — «Царевна Софья» (1879, ГТГ). О самой скандальной исторической картине «Иван Грозный и сын его Иван» (1883–1885, ГТГ), ставшей в 2018 году в очередной раз жертвой вандализма, рассказывал документальный фильм.

*Афиша выставки с портретом Юрия Репина
перед входом в Пти-Пале*

Садко. 1876
Государственный Русский музей

Девочка-рыбачка. Вёль. 1874
Иркутский художественный музей
им. В. П. Сукачёва

***Могила детей И. Е. Репина, Веры и Юрия,
на православном кладбище
в Хиетаниеми (Хельсинки, Финляндия)***

Отдельный зал был посвящён народнической серии Репина. Вглядитесь в картину «Не ждали» (1884–1888, ГТГ), рассмотрите говорящие детали — портреты Н. А. Некрасова и Т. Г. Шевченко на стене, между ними — репродукция «Голгофы» Карла Штейбена, фотография Александра II на смертном одре. В 1883 г. Репин совершил со Стасовым путешествие по Европе, посетил богатейшие венские и парижские музеи, копировал в Прадо «Менины» Веласкеса. «Не ждали» — диалог художника со старыми мастерами: малыми голландцами и их любовью помещать картины в картину, Веласкесом и его композиционным приёмом распахнутых дверей, психологизмом Рембрандта и т.д. Долго Репин искал тип главного героя — возвращающегося в родной дом ссыльного. В одном из вариантов, который был представлен рядом, главный герой — женщина.

Репин был прекрасным портретистом, умевшим «схватить» самые характерные черты модели, создавшим, вместе с И. Н. Крамским, своим первым учителем, прекрасную галерею психологических портретов знаменитых современников. Весь Золотой век русской культуры оживает перед нами — писатели Лев Толстой и Иван Тургенев, драматург Алексей Писемский, поэт Афанасий Фет, композиторы Михаил Глинка, Цезарь Кюи, трагическая актриса Пелагея Стрепетова. Многие из этих портретов созданы по заказу П. М. Третьякова для его московской галереи. А чтобы увидеть самого коллекционера на портрете Репина, надо было посетить выставку Морозовской коллекции в Фонде Луи Виттона. Абсолютный шедевр Репина — «Портрет Модеста Мусоргского» (1881, ГТГ) — написан за несколько сеансов в Николаевском госпитале Петербурга незадолго до смерти великого композитора. По силе воздействия, драматичному контрасту между небрежным внешним обликом и мощью

творческого гения этот портрет можно сравнить со статуей Бальзака Родена. На выставке демонстрировалось несколько нежных детских и прекрасных женских портретов. Гордо и несколько свысока взирала на посетителей из-под вуалетки «красная баронесса» — Варвара Икскуль (1889, ГТГ). Импозантно позирует, облокотившись на фортепиано, пианистка София Ментер (1887, ГТГ), «поющая рука», как её называл восхищённый Ференц Лист. Необычайно элегантна в чёрном Елизавета Званцева (1889, Атенеум), в которую Репин был страстно влюблён. Слегка обернулась к нам молоденькая племянница Мамонтова Татьяна (1882, ГТГ), а рядом и сам «русский Медичи», меценат и открыватель талантов Савва Иванович (1880, Театральный музей им. А. Бахрушина). Целый — круглый — зал был посвящён портретам Л. Н. Толстого, с которым Репин дружил, у которого часто бывал в Ясной Поляне. Репин восхищался гением и силой духа «великого Льва», его органичной связью с русской землёй, природой («Л. Н. Толстой босой», 1901, ГРМ), его любовью к труду землепашца («Толстой на пашне», 1887, ГТГ).

С начала XX века Репин с новой спутницей жизни писательницей Н. Б. Нордман-Северовой поселился в «Пенатах» — имении на берегу Финского залива. Там по его проекту был построен большой дом — мастерская с многочисленными стеклянными перекрытиями, куда к нему съезжалась, как в Живерни к Клоду Моне, вся творческая интеллигенция (М. Горький, Л. Андреев, чей портрет был представлен на выставке, К. Чуковский, Ф. Шаляпин, В. Маяковский и мн. другие). Наталья Борисовна Нордман была женщиной весьма экстравагантной — вегетарианкой, «зелёной» раньше времени, «суфражеткой», как называли подобных ангажированных особ. «Среды» в репинских Пенатах с супами из сена и с лозунгами «Прислуга —

позор человечества» славились во всём Петербурге и за его пределами. Над Нордман подсмеивались; «женщина — пылесос» — так окрестил её В.В. Розанов. Однако, несмотря на странности, Наталья Борисовна очень любила Репина, освоила искусство фотографии и снимала обожаемого художника за работой (с чемоданчиком фотоаппарата Кодак она и изображена на портрете 1900 г. из Атенеума). Узнав о своей неизлечимой болезни, она перевела все деньги на счёт Репина, взяла с собой самое необходимое и уехала в Швейцарию в больницу для малоимущих, где и скончалась в 1914 году.

Выставка завершалась двумя поздними полотнами художника, созданными в вынужденной эмиграции. В 1918 г. Куоккала, где находились репинские Пенаты, отошла к Финляндии. Странная «Голгофа» без Христа, с собаками, лакающими кровь (1921–1925, музей Принстонского Университета, США), — произведение трагическое, передающее пессимистичное мироощущение старого мастера. И всё же последней картиной Репина, так любившего жизнь, стал яркий праздничный «Гопак (запорожский танец)» (1926–1930, частная кол.), сияющий красно-золотыми красками, гимн жизни, свободе, музыке и красоте живописи!

Елена ЧЕРЕМНЫХ

Елена Черемных родилась в 1990 в Кисловодске на Кавказе. В 1993 г. приехала с родителями в Париж. Владеет русским, английским и французским языками. Училась в колледже Генриха IV, затем в лицее Жюлья Ферри в Париже, в INALCO (Институте Восточных Языков) и Университете Париж 3 на факультете Иностранных Языков (LEA Russe Anglais) и на театральном факультете. Работала как смотритель в музеях Лувр, Орсе, Оранжерии, проходила театральные стажировки. Состоит в трёх русских театральных ассоциациях (с Людмилой Андреевой, Олегом Макшановым, Ольгой Федотовой). Некоторое время работала экскурсоводом.

«МАКИ» КЛОДА МОНЕ

Впечатления

Самый необычный музей мира — музей д'Орсе (musée d'Orsay). Он так же молод, как и я, — ему чуть за тридцать. Мне посчастливилось работать в нём. Каждое утро меня встречали огромные вокзальные часы, как бы приглашающие сесть на поезд времени и отправиться в путешествие по местам импрессионистов. Ведь мой любимый художник — Клод Моне, который не только был отцом импрессионизма, но и дал название этому но-

вому направлению живописи. Особенно меня влечёт и вдохновляет небольшое полотно Клода Моне (65х50 см), написанное в 1873 году, — «Маки» или «Поле маков у Аржантея». Я непременно должна была подойти к картине, вдохнуть аромат полевых трав, где пламенели маки. На переднем и заднем плане изображены одни и те же, хорошо мне знакомые персонажи: элегантная дама, одетая по моде конца XIX века, держащая зонтик от солнца, с ней мальчик в шляпке, полный света и радости. Они идут навстречу зрителю: Камилла, первая жена Клода Моне, и маленький сын Жан. Вдали, среди деревьев, мы видим их дом с терракотовой крышей. Природа разомлела от солнца. Хочется прищурить глаза и пройти рядом с Камиллой и Жаном под их зонтиком. Я стояла с улыбкой у этой «маковой» картины, когда ко мне подошли иностранные туристы, спрашивая, что меня так покорило в ней. *Посмотрите, как манят маки своей красотой и обещают что-то большее, чем счастье!*

У каждого своё впечатление от увиденного, мы ведь все разные. Но как удивительно, что перед нами скромные полевые цветы, а я задыхаюсь от макового восторга.

P.S. В сентябре 2022 года знаменитый Розовый дом с зелёными ставнями, в котором Клод Моне жил с 1874 по 1878 год, открылся для публики. Этот дом, построенный в 1871 году, был выкуплен Мэрией Аржантея у частных владельцев в 2003 году и полностью отреставрирован. Применение новых технологий позволило воссоздать атмосферу конца XIX века, когда в доме звучали голоса молодых Клода и Камиллы Моне и готовилась «импрессионистическая революция».

Николай ЭНДЕГОР

Родился в 1953 году. Выпускник Ленинградского Политехнического института. С 1976 по 1993 год работал в Институте информатики Академии наук, затем до 2019 года в парижской компании A2iA. Доктор технических наук. С 2005 года увлёкся фотографией и продолжает заниматься ею по настоящее время. Многократный лауреат международных фотоконкурсов, участник фотовыставок в России, Франции, Австрии, Бельгии, США.

ПО СЛЕДАМ МСТИСЛАВА ДОБУЖИНСКОГО В ПАРИЖЕ

Мстислав Валерианович Добужинский — выдающийся русский художник, прославившийся своими глубоко почувствованными городскими пейзажами, отточенной графикой, совершенными театральными декорациями и костюмами. Он родился в 1875 году в Новгороде, но всегда считал себя петербуржцем, оставаясь верным этому городу до последних дней. В Петербурге он провел детство, здесь учился и стал мастером, ведущим деятелем объединения «Мир искусства», замечательным художником театра. В то же время всю свою жизнь Добужинский оставался стран-

ником, отдавая свой талант и умения там, где они были востребованы. Одним из его любимых городов был Париж, где художник бывал множество раз и где провел в общей сложности более шести лет. Вашему вниманию предлагается фотопрогулка по уголкам Парижа, связанным с именем Добужинского. В ней присутствуют два визуальных ряда, один из которых основан на работах художника, а другой — на современных фотографиях тех же мест.

Впервые Мстислав Добужинский попал в Париж в 1901 году в возрасте 26 лет. В это время он и его супруга Елизавета жили в Мюнхене, где Мстислав обучался в художественной школе Антона Ашбе. И обучение, и поездку в Париж оплатил Валериан Петрович Добужинский, отец Мстислава. Добужинский жил в квартале Валь-де-Грас, в пансионе на углу улиц Бертоле и Арбалет (илл. 1). Мотив дома, острым углом разрезающего городскую среду, впоследствии неоднократно встречается в произведениях художника.

***Илл. 1. 11, rue Berthollet — первый адрес
М. Добужинского в Париже, 2022
(здесь и далее фото автора)***

Весной 1914 года М. Добужинский вновь приехал в Париж. В Русском музее хранится рисунок парижской улицы этого периода (илл. 2). Идентификацию места по нему выполнить трудно — рисунок очень обобщён, подобных углов в Париже много. На фото справа показано место слияния улиц Москвы и Берна (rue de Moscou, rue de Bern) — это тоже одно из мест, связанных с именем Добужинского: в доме 34 по ул. Москвы находилась редакция журнала «Иллюстрированная Россия», с которым впоследствии сотрудничал Добужинский.

***Илл. 2. М.В. Добужинский. Улица в Париже, 1914,
Государственный Русский музей /
Пересечение улиц Москвы и Берна, 2021***

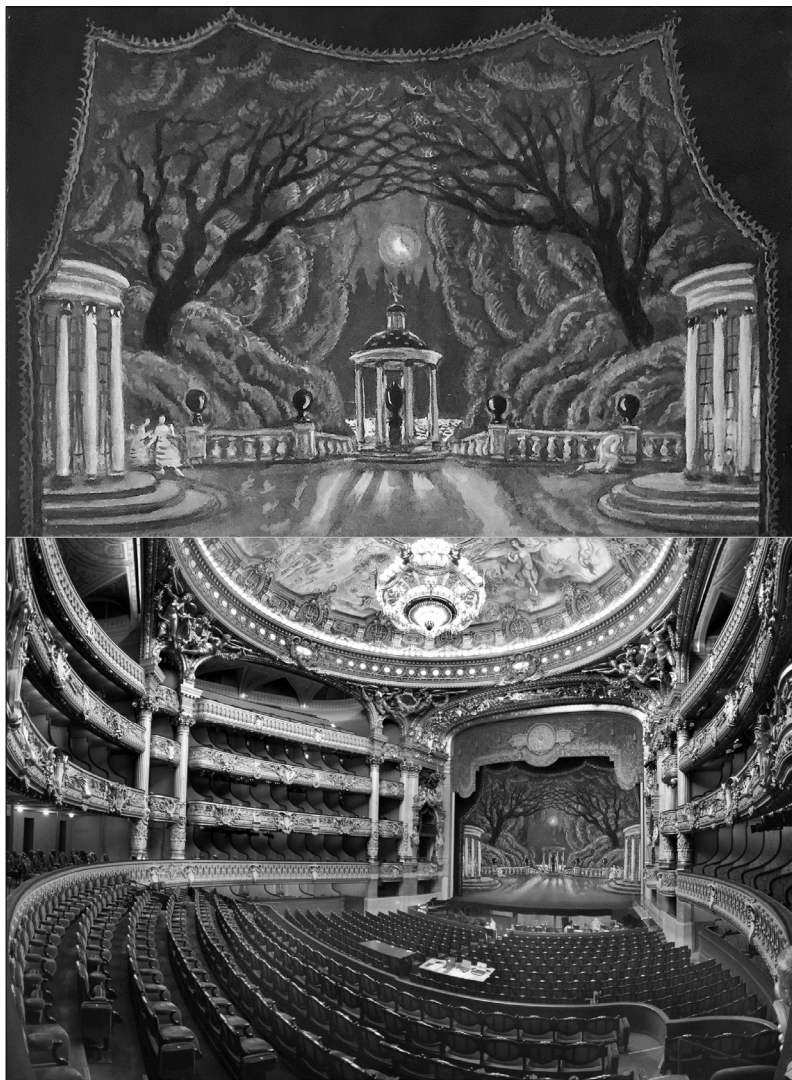
Добужинский прибыл в Париж для оформления двух балетов очередного Русского сезона труппы Дягилева: «Бабочки» и «Мидас». Спектакли этого сезона проходили

в Palais Garnier — Большой парижской опере, а работа над декорациями и костюмами проходила в декорационных мастерских Оперы на бульваре Бертье (илл. 3).

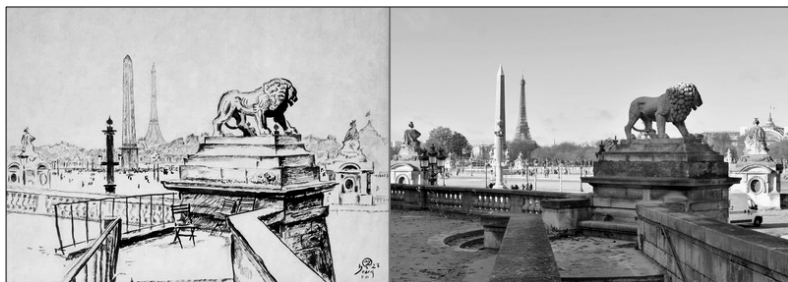
***Илл. 3. 32, bd Berthier,
где располагались Декорационные мастерские
парижской оперы, 2022***

Декорации для балета «Бабочки» в постановке М. Фокина на музыку Шумана должен был писать Л. Бакст, но он заболел. Среди мирискусников было принято передавать заказы друзьям, и Бакст рекомендовал Дягилеву Добужинского. Эскиз Добужинского с любимой художником симметричной композицией Дягилеву понравился, но он возражал против луны, которая, по его мнению, отвлекала от действия на сцене. Добужинский, однако, луну «отстоял» (илл. 4).

*Илл. 4. М.В. Добужинский. Эскиз декорации
для балета «Бабочки», 1914, частное собрание / Зри-
тельный зал парижской оперы с декорацией
Добужинского на сцене (коллаж), 2022*

Значительную часть 1923 года Добужинский с женой провели в заграничной командировке по Европе от Академии художеств. Этот год был для художника очень плодотворным, он выполнил десятки городских пейзажей, в том числе парижских. На них хорошо видны творческие приёмы, которые использовал Добужинский в своей работе. Так, рисунок «Площадь Согласия» (илл. 5) написан как бы одновременно с двух разных точек зрения, отстоящих друг от друга на несколько шагов.

***Илл. 5. М.В. Добужинский
Площадь Согласия, 1923, частное собрание / 2021***

В зарисовке «Арка Карузель» (илл. 6) необычно размещение объектов в кадре. Силуэты прохожих едва заметны, что подчёркивает величественную архитектуру Наполеоновской эпохи.

***Илл. 6. М.В. Добужинский. Арка Карузель, 1923,
частное собрание / 2021***

В акварели «Набережная Конти» (илл. 7) художник использует искажение перспективы, сжатие и растяжение пространства для выделения объектов заднего плана. Подобный эффект даёт в фотографии объектив «рыбий глаз».

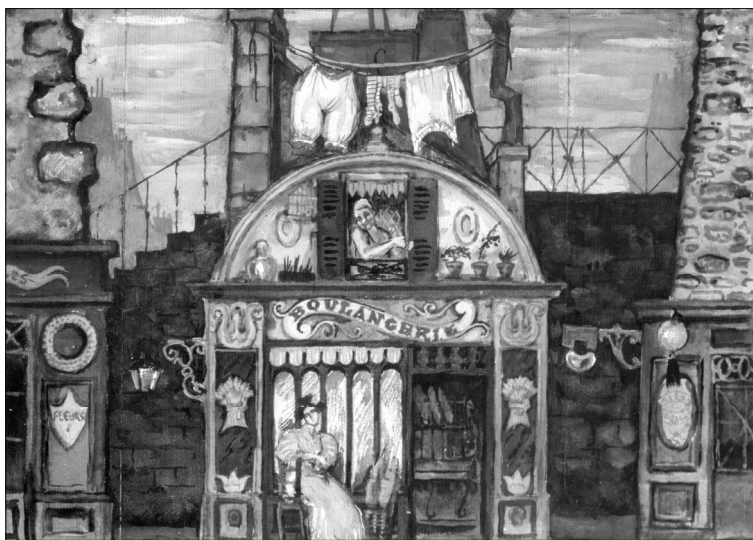
Илл. 7. М. В. Добужинский.

Набережная Конти, 1923, частное собрание/2021

В мае 1926 года М. Добужинский принял приглашение актёра и режиссёра Никиты Балиева, старого знакомого художника по Московскому Художественному театру, приехать в Париж для оформления спектаклей в театре-кабаре Балиева «Летучая мышь». Никита Балиев в определённой степени оказался наследником первых Русских сезонов Дягилева. Когда в 1920-х годах Дягилев начал набирать в свою труппу иностранцев и ставить авангардные спектакли, публика стала перетекать к Балиеву, который, наоборот, делал акцент на «русскость» и традиционность своего театра. В 1926 году М. В. Добужинский оформил для Балиева пять постановок, одну оформил его сын Ростислав (илл. 8, 9). Особой любовью у публики пользовалась пантомима «Платовские казаки в Париже» по рисункам М. Добужинского.

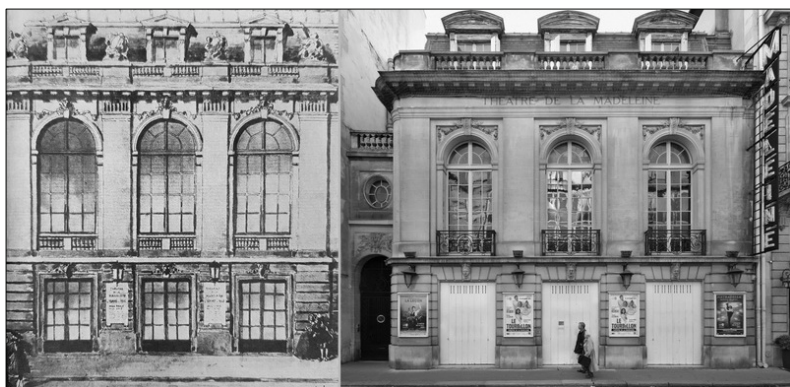

**Илл. 8. Слева — М. В. Добужинский, справа — Н. Ф. Балиев
(фото из интернет-источников), в центре —
эскиз Добужинского для постановки
«Платовские казаки в Париже», 1926,
частное собрание**

**Илл. 9. Эскиз декорации «Жена кондитера» для театра
Н. Балиева «Летучая мышь», 1926, частное собрание**

Репертуар «Летучей мыши» состоял из скетчей, пантомим, миниатюр. В течение вечера показывали от десяти до пятнадцати миниспектаклей. При этом каждый номер представлял собой отточенное и прекрасно оформленное представление со своими декорациями и костюмами. Французская публика не любила и не всегда понимала русский акцент, поэтому Балиев требовал от каждого номера смысловой ясности жестов и движений. В 1923–25 гг. спектакли театра «Летучая мышь» шли на сцене театра Femina на Елисейских полях (ныне не существующего), а с 1926 года — в театре Мадлен (илл. 10).

***Илл. 10. Театр Мадлен,
где выступала труппа театра
«Летучая мышь» (19, rue de Surène).
Обложка театральной программы, 1900-е/2022***

Балиев хорошо оплачивал работу художника, что позволило М.В. Добужинскому снять квартиру на бульваре Мюра, где поселилась и семья его сына Ростислава. У художника даже появилась небольшая мастерская на верхнем этаже дома. Интересной особенностью здания, где жили Добужинские, были двойные лестницы, где «чёр-

ная» отделялась от парадной полупрозрачной перегородкой. Аналогичная конструкция была и у лестниц в петербургской квартире Добужинских на Дровяном переулке.

В 1926 году в Париже Добужинский создал круглое панно с петербургским мотивом. На гуаши 1927 года, изображающей интерьер комнаты художника, оно узнаваемо на стене слева (илл. 11). Возможно, панно было эскизом росписи для фарфоровой фабрики князя Ф. Юсупова. Известны тарелки этой фабрики с видами Петербурга, выполненные по эскизам Добужинского.

***Илл.11. М.В. Добужинский. Ростральная колонна
в Петербурге, 1926, частное собрание /
Комната художника в доме на бульваре Мюра
в Париже, 1927, частное собрание.***

В 1926 году на средства князя Ф. Юсупова был организован Русский художественно-промышленный институт, также известный как школа Н.В. Глобы (илл. 12). М.Добужинский преподавал здесь рисунок и композицию.

***Илл. 12. 12 bis, rue Victorien Sardou, где располагался
Русский художественно-промышленный институт.
Справа — часть здания института с мастерскими,
выходящая в парк Sainte-Périne, 2022***

Институт был призван развивать русские национальные художественные традиции. В его мастерских наши эмигранты обучались живописи, рисунку, художественному шитью, инкрустации, чеканке, росписи по керамике. Здесь предполагалось готовить кадры для работы на таких художественных предприятиях, как Дом моды «Ирфе» князя Юсупова, его же фарфоровой фабрике «Фолья», в Доме вышивки «Китмир» Великой княгини Марии Павловны...

В 1927 году в Париже состоялась последняя выставка объединения «Мир искусства»; М. Добужинский был председателем её оргкомитета. Несмотря на экспозицию в престижной старейшей парижской галерее Бернхейм-Жен (илл. 13), коммерческим успехом выставка не увенчалась. Парижане достаточно прохладно отнеслись к работам мирискусников, поскольку в моде уже были авангардные художественные направления.

***Илл. 13. 83, rue du Faubourg-Saint Honore
Галерея, где проходила выставка
«Мира искусства» в 1927 году. 2021***

В течение 1927 года М. Добужинский продолжал писать пейзажи Парижа. Он сделал четыре работы с видами улицы Томб Исуар (илл. 14), по соседству с которой снял квартиру его сын Ростислав с супругой Лидией. Это одна из старинных парижских улиц, продолжающая улицу Сен-Жак, часть паломнического пути в Сантьяго де Компостела, античной галло-римской дороги.

***Илл 14. М.В. Добужинский. Париж. Rue de la Tombe
Issoire, 1927. Государственный Русский Музей;
частное собрание***

На работах художника можно увидеть давно исчезнувшие детали. Так, на рисунке «Площадь Мадлен» видна статуя химика Лавуазье, стоявшая в створе улицы Тронше. Она была уничтожена в 1942 году во время немецкой оккупации (илл. 15).

Илл. 15. М.В. Добужинский
Площадь Мадлен, 1927, частное собрание / 2021

Илл. 16. М.В. Добужинский.
Париж, канал Сен-Мартен, 1927, частное собрание / 2021

Устоявшееся название работы (согласно каталогу Г.И. Чугунов. Мстислав Валерьянович Добужинский. Русский антиквариат, 2008, том 1), показанной на илл. 16, не совсем верно: канал в этом месте носит имя Урк (canal de l'Ourcq). На ней изображены «Крымские» мосты, перекину-

тые через канал в створе Крымской улицы, — замечательное инженерное сооружение, включающее в себя единственный сохранившийся в Париже канатный подъёмный мост и неразводной пешеходный. Как и в других своих работах, Добужинский использует в этом рисунке сжатие пространства и даже изменение формы объектов, сохраняя точность целостного образа.

В 1928 году М. Добужинский начал преподавать в художественной школе Т.Л. Сухотиной-Толстой, которая занимала бывшую мастерскую художника Карольюса-Дюрана (илл. 17). Однако в 1929 году русские предприятия в Париже испытывали трудности из-за экономического кризиса. В это время Добужинский получил приглашение работать в Литовском государственном театре, в конце 1929 года он покинул Париж и переехал в Каунас.

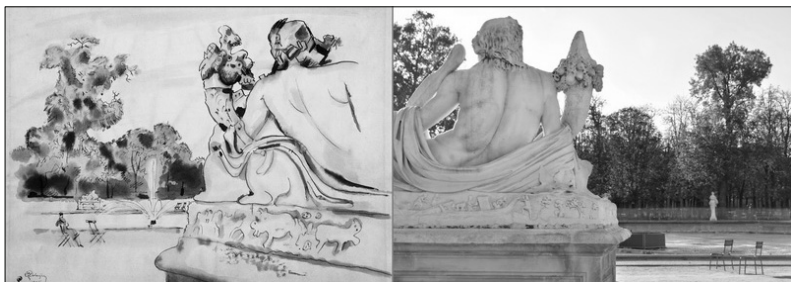
***Илл. 17. 11, rue Jules Chaplain
Здание, где находилась Художественная школа
Сухотиной-Толстой, 2022***

Сын М. Добужинского Ростислав остался в Париже. В 1934 году он переехал на улицу Эрнест Крессон (rue Ernest Cresson), где прожил больше 60 лет. В его квартире неоднократно останавливался и М. Добужинский, когда приезжал в Париж. Жили Добужинские в доме №11 на 5-м этаже (илл. 18).

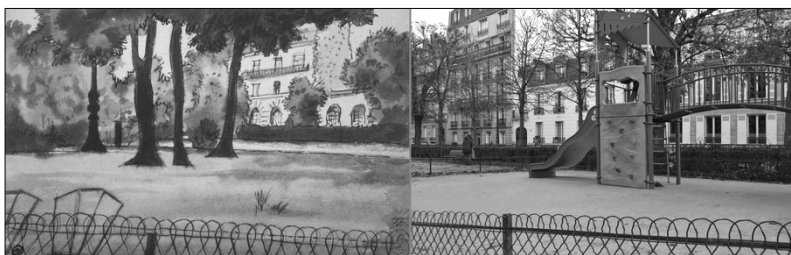
***Илл. 18. 11, rue Ernest Cresson —
парижский адрес Добужинских
с 1934-го по 2000 год, 2021***

В 1935 году М. Добужинский переехал в Лондон и время от времени возвращался в Париж. Среди городских зарисовок этого периода интересен «Сад Тюильри» (илл. 19). На рисунке изображена статуя «Нил» работы итальянского скульптора Лоренцо Оттони. Сейчас она сильно повреждена и не доступна для обозрения, но сохранилась парная к ней скульптура «Тибр» Пьера Бурдика (Pierre Bourdict, 1688–1690), установленная на другой стороне дорожки.

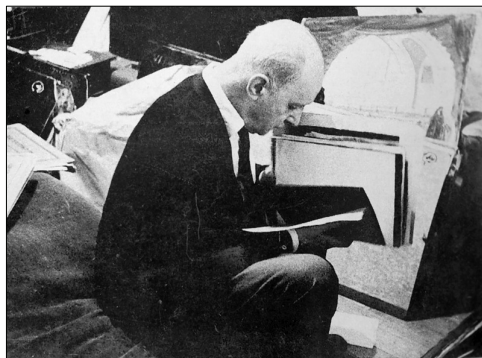
Илл. 19. М.В.Добужинский. Сад Тюльри (статуя «Нил»), 1935, частное собрание / Статуя «Тибр», 2021

В 1947 году М. Добужинский провёл во Франции почти 7 месяцев, живя в ближнем пригороде Париже Медоне. Большинство его работ этого периода связаны с Бельвю-Медоном, но есть и парижский рисунок, выполненный, вероятно, на зелёной эспланаде авеню Обсерватории (Jardin des Grands Explorateurs).

Илл. 20. М.В. Добужинский. Пейзаж, Париж, 1947, частное собрание / Авеню Обсерватории, 2021

В августе 1957 года в Париже была сделан фотопортрет М.В. Добужинского, оказавшимся последним (илл. 21). Художник запечатлён в момент, когда он отбирает работы для перевоза в Америку. Среди них — эскиз декорации к опере Чайковского «Пиковая Дама» с изображением Зимней канавки в Петербурге. По всей видимости, эта фотография была сделана в квартире Ростислава Добужинского на улице Эрнест Крессон.

Илл. 21. М.В.Добужинский, 1957
(из книги «Воспоминания о Добужинском»,
ред. Г.И. Чугунова, «Академический проект», 1997)

Мстислав Валерианович Добужинский скончался в Нью-Йорке 20 ноября 1957 года. Согласно его последней воле Ростислав Добужинский перевёз прах отца в Париж и захоронил на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Позже здесь упокоился и сам Ростислав Мстиславович, его мать Елизавета Осиповна и жена Лидия Николаевна (илл. 22).

Илл. 22. Последний приют Добужинских на русском
кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, 2021

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

Амината АЛЕНСКАЯ

Парижанка русско-малийского происхождения, Амината Аленская окончила Консерваторию им. Чайковского в Москве, Католический Институт в Париже и Сорбонну. Концертантка, педагог, музыковед и медиатриса в области культуры, она выбрала своей главной специальностью камерную музыку и вокальное сопровождение. Выступает во Франции и за границей. Основной репертуар — русский, французский и немецкий. Опытный преподаватель фортепиано, она проводит регулярно конференции по Истории Философии музыки.

РЫЦАРЬ ДУХА И ПРОПОВЕДНИК МУЗЫКИ

«Сложность, разрешающаяся в простоту, равно как и простота, заключающая в себе потенцию сложности, — добро».

Николай Метнер

Николай Карлович Метнер (1879–1951) — композитор и пианист эпохи Серебряного века — явление исключительное, ещё недостаточно раскрытое и осознанное российским и мировым музыкальным сообществом. Родился Метнер в Москве (отец — Карл Петрович Метнер, мать —

Александра Карповна Гедике). С 1892 по 1900 год Николай Метнер учился в Московской консерватории. Окончил её с золотой медалью. Бесконечным странствием стала его жизнь: с 1921 года — Германия; затем — Франция, позже, после блистательного успеха в Лондоне в 1928 году его Второго концерта для фортепиано с оркестром (1920–1927) — Великобритания.

Выходец из немецкой протестантской семьи, Николай Карлович уже в сознательном возрасте принял православие. Его крестил в 1936 году в Лондоне о.Сергий Булгаков. На могиле Метнера под Лондоном на кладбище в Хендоне, на надгробном камне начертана выдержка из Евангелия от св. Иоанна (15–5): «Без мене не можете творити ничесоже».

Как проходил творческий процесс у композитора и какой была его личность?

Современник Рахманинова и Скрябина, Метнер верил в единый разум музыки, и её музыкальный Логос позволял ему, как Баху и Бетховену, обращаться к «духовной мысли» человека, ибо « истинное призвание музыки не развлекать, не рассеивать, а привлекать, собирать, гипнотически сосредоточивать чувства и мысли слушателя».

Свою композиторскую деятельность Метнер понимал как служение: работал он, как бы мучительно вспоминая то, что ему привиделось, считая, что нельзя ни одной ноты выдумать, это означало бы солгать. Он стремился к простоте, которая не терпит ни «сочинительства», ни «хозяйничанья».

Его «лебединой песней» является фортепианный Квинтет, который он писал на протяжении всей своей жизни (1904–1948). Подобный случай «долгого созревания» показателен в том смысле, что Николай Карлович долго вслушивался в себя и ждал, «пока это не приходило само, и причём совершенно ясно и определённо». Его жена Анна

Михайловна свидетельствует: «Когда я его спрашивала, почему он ещё не возвращается к материалу Квинтета, то Николай Карлович отвечал: «Не смею».

Чем же являлась музыка для Метнера и какими были их задушевные, интимные отношения?

Основную часть критики современного искусства, а также свои размышления о предвечных основах музыки и её фундаментальных законах, Метнер изложил в своей книге «Муза и мода», опубликованной в 1935 году благодаря поддержке Рахманинова. Вот что он пишет в ней: «Когда-то прозвучавшая в мире первая песня оставила в душе человеческой единый «живой звук», и звук этой песни стал исходной точкой для согласования между собой всех других звуков. Звук стал для нас живым символом единства и простоты. В нём как бы заключена вся сложность, всё разнообразие человеческих песен».

Метнер-проповедник «поёт-говорит» то деликатно и нежно, то разверзая небеса громовыми раскатами грозных баталлий, то нисходит в кипящую бездну, чтобы призвать её к спасительному просветлению (недаром велика в его творчестве роль тональности До-мажор!).

Мощь его композиторского дара основана на вере, позволившей ему отобразить не только молитвенные, глубоко внутренние состояния человеческой души, но и kloкочущие волны эпохальных событий. Он пишет брату Эмилию: «Нехорошо, когда художник теряет веру в искусство. Я, например, понимаю только такую веру в Бога, когда человек духом своим его совершенно отчётливо осязает, а не признаёт его только как какую-то заоблачную идею. Так же художник должен верить и в искусство».

Музыку выводил он из своего духовного мира, черпал вдохновение из глубин собственного существа: «Музыка всегда казалась мне *духовным даром*, — писал он в июне

1951 года в одном из своих последних писем о. Георгию Се-
рикову, — она одна (в особенности в юности) меня *образо-
вывала и спасала*».

С. Рахманинов, изучавший произведения Метнера с ка-
рандашом в руке, настолько насыщенными и новаторски-
ми они были, говорил во время их встречи в Париже в 1921
году: «Вы, по моему мнению, самый великий композитор
нашего времени».

Несмотря на долгие годы эмиграции, Николай Карло-
вич — глубоко русский композитор. «Россия каким-то вих-
рем хлынула на меня, и я не могу ничего сделать», — ска-
зал он о своей Сонате-Эпике. «Душа его пела родные по ду-
ху русские песни», — свидетельствует Анна Михайловна.
Он создал с 1904 по 1932 годы 38 миниатюр-сказкок; напи-
сал сотню песен и романсов на стихи Пушкина и Лермон-
това, Тютчева и Фета, но также Гёте и Ницше.

Композитору были чужды эгоистические интересы,
приземлённые склоки, борьба за власть, порождённая
стремлением к славе. Метнер тонко чувствовал глубин-
ные процессы современности. «Теперь дошло до того, —
пишет он философу Фёдору Степуну, — что и в искусстве,
и в политике из произвольного порядка (представителя-
ми которого являются Шёнберг, Пикассо, современные
диктаторы) рождается хаос, тогда как должно быть на-
оборот — чтобы из хаоса рождался *непроизвольный* поря-
док». Композитор демонстрирует абсолютную свободу
духа. Вольная жизнь души и сердца, вот это и есть «Живая
Традиция». Такая жёстко занятая позиция не могли не
вести к большому одиночеству, практически к «музыкаль-
ному отшельничеству» Метнера. Одиночество-страдание
глубоко роднит Метнера с Людвигом ван Бетховеном. Об
особом отношении русского композитора к Бетховену
свидетельствует тот поразительный факт, что «Метнер
всю жизнь считал себя его (Бетховена) учеником: в 16 лет

он играл «Аппассионату» графу Шереметьеву, а в 67 лет записал её на граммпластинку. По признанию композитора, сыграть «Аппассионату» — это то же самое, как сыграть «Гамлета» или «Короля Лира», а весь цикл сонат Бетховена Метнер уподоблял «Евангелию от музыки», которое продолжал изучать всю жизнь»¹.

Николай Карлович Метнер призывает человека к необходимому духовному пересмотру своих душевных актов и уходу в живую глубину своего существа. В наше время интерес к его творчеству неуклонно растёт.

¹ Н.В. Безручко. Наследие Н.К. Метнера, Русский путь, 2009. С. 214.

Светлана ЭЛЛИОТ

Родилась на Кольском полуострове. Во Франции с 1983 года. Член Союза журналистов России. Магистр музыковедения, переводчик, культуролог, независимый исследователь. Основная тема — русско-французские связи XIX века.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОПЕРЫ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»: ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ЛИЧНОГО И ТВОРЧЕСКОГО В ЖИЗНИ ЧАЙКОВСКОГО

В 1870-е годы Чайковский испытывает необычайный творческий подъём: пишет оперы «Опричник» и «Кузнец Вихула», музыку к драме Островского «Снегурочка», балет «Лебединое озеро», Вторую и Третью симфонии, фантазии «Франческа да Римини», «Ромео и Джульетта», «Буря», Первый фортепианный концерт, Вариации на тему рококо для виолончели с оркестром.

В конце 1876 года произошло очень важное событие в его судьбе: знакомство с Надеждой фон Мекк. Она была богата и покровительствовала молодым музыкантам. Её

муж, миллионер Карл фон Мекк, умер за несколько месяцев до начала её дружбы с Чайковским. Симфоническая фантазия «Буря» по Шекспиру поразила её дыханием гениальности, и меценатка испытала нечто вроде сильнейшего духовного потрясения. Композитор, написавший эти волшебные звуки, стал для неё рыцарем света. 29 сентября 1877 года она пишет ему: «Я берегу Вас для того искусства, которое я боготворю, выше и лучше которого нет для меня ничего на свете». Нужно не забывать, что в середине 70-х годов Чайковский часто бывал обруган безапелляционной критикой. Восторг и преклонение умного и осведомлённого в искусстве человека, каким была Надежда Филаретовна, оказались для композитора сказочной живой водой, тем более что её прямая натура не признавала лести и фальши.

Весной 1877 года у Чайковского появляется желание написать новую оперу, и он долго выбирает сюжет. Пётр Ильич пишет критику В. Стасову: «Мне нужен такой сюжет, в котором преобладал бы один драматический мотив, например, любовь». В те же весенние месяцы певица Елизавета Лавровская предлагает ему написать оперу на сюжет «Евгения Онегина». «Мысль эта показалась мне дикой, и я ничего не отвечал, — делится он с братом Модестом в письме от 18 мая, — потом увлёкся, побежал отыскивать книгу Пушкина, с трудом нашёл, отправился домой, прочёл с восторгом и провёл совершенно бессонную ночь, результатом которой был сценарий прелестной оперы с текстом Пушкина».

Чайковский выбрал узловые сюжетные линии романа из 7 картин, дающие представление о поворотных моментах в судьбе главных героев. 1) Вечер в доме Лариных и первая встреча Татьяны с Онегиным; 2) Ночной разговор Татьяны с няней и её письмо к Онегину; 3) Суровая отповедь Онегина в саду; 4) Именинный бал у Лариных и вспыхнувшая ссора между Ленским и Онегиным; 5) Дуэль

и смерть Ленского; 6) Новая встреча Татьяны с Онегиным в петербургском «высшем свете»: 7) Последнее драматическое свидание.

Сцены в сценарии ложились на музыку естественно и давали последовательное развитие романтической линии. Герои пушкинского романа становились для композитора реальными лицами. Позже он признавался, что полюбил Татьяну беспрдельно, поэтому холодный и бессердечный Онегин стал ему глубоко неприятен.

В судьбе Чайковского в то же время происходит роковое событие: он женится на Антонине Милюковой, бывшей студентке Московской консерватории, которую встретил всего лишь один раз в гостях у её брата в Москве в мае 1872 года. В апреле 1877 года он получает страстные любовные послания от Антонины. «Я был как в бреду, — признавался он позже Надежде фон Мекк, — мне представилась трудная альтернатива: или сохранить свою свободу ценою гибели этой девушки или жениться. Я не мог не избрать последнего». Этот опрометчивый поступок композитор совершает, пытаясь избежать ошибки Онегина. Женитьба гнетёт его. Надежда Филаретовна приходит на помощь: компенсирует расходы на откуп от жены и на бегство за границу, заливая потоками сердечных слов его смущение и раскаяние. Благодаря ей, Чайковский, окрылённый вновь обрётённой свободой, продолжает работать над оперой в России, затем в Швейцарии, Италии и Франции.

В то же время он сочиняет 4-ю Симфонию, «посвященную лучшему другу» — баронессе фон Мекк. Премьера «Евгения Онегина» состоялась 17 марта 1879 года в Московской консерватории. Дирижировал Н. Рубинштейн. Невроятный успех «Евгения Онегина» некоторые музыкальные критики объясняют внутренним состоянием композитора, в котором он находился, сочиняя бессмертную оперу, насыщенную огромной творческой силой, любовью к жизни, но при этом связанную с настроениями разочарования

и смятения, которые он сам переживал. Вскоре с большим успехом оперу ставят на сценах Большого театра в Москве в 1881 году и три года спустя в Мариинском театре в Петербурге. Ещё при жизни композитора она идёт на сценах Праги и Гамбурга.

Чайковский был убеждён, что его опера годится лишь для малой сцены. Как же он ошибался! Его творение продолжает и по сей день завоёвывать театральные сцены разных континентов планеты.

Особую роль в знакомстве с оперой в Европе оказали гастролы Большого театра в Париже в конце 1969 — начале 1970 года. Дирижировал М. Ростропович. Опера была записана на известной фирме Le Chant du Monde. В XXI веке появилась гениальная постановка оперы Дмитрия Чернякова на Новой сцене Большого театра России (1 сентября 2006 года). Спектакль стал самым обсуждаемым оперным событием на долгие годы. 31 декабря 2020 года опера Чайковского в постановке Дмитрия Чернякова покоряет венского слушателя.

Сочинение оперы «Евгений Онегин» сопровождалось в личной жизни Чайковского с важными событиями: насыщенной перепиской и материальной помощью меценатки Надежды фон Мекк и тяжким испытанием — женитьбой на Антонине Милюковой. Трагическая женитьба помогла Петру Ильичу глубоко проникнуть во внутренний мир пушкинских героев, понять изнутри их чувства растерянности, волнения и отчаяния.

Флориан ВУТЕВ

Флориан Вутев — известный переводчик русской поэзии во Франции. Родился в Болгарии. Начинал профессиональную деятельность как артист балета Оперы Варны и Лейпцигской Оперы. Затем обосновался во Франции. Изучал русский язык и литературу в университете Кана и в Сорбонне. С 2012 г. публикует переводы произведений русскоязычных классических и современных поэтов, в т.ч. «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (2012; 2022); «Федра» М.И. Цветаевой (2020); «Сборник стихов» Н.С. Гумилёва (2021); «Метаморфозы, девушки, цветы» Е.М. Белавиной (2018). Многократный лауреат конкурсов перевода. В 2023 г. Флориан Вутев избран Президентом жюри конкурса перевода поэзии, организованном ассоциацией Rep Club (Париж).

ОБ ОПЕРЕ «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» ЧАЙКОВСКОГО И РОМАНЕ ПУШКИНА

Роман Пушкина в стихах «Евгений Онегин», который многие русские знают почти наизусть, довольно плохо или совсем не известен нерусскоязычной французской аудитории. Большинство отвечает: «Что это? Стихи? Нет, спасибо!»

Однако слышны голоса меломанов: «О, письмо Татьяны, мелодия Ленского перед дуэлью, великолепная полька в начале последнего акта оперы... Это так красиво, так ро-

мантично!» Элитным кругам посчастливилось познакомиться, по крайней мере, с сюжетом и персонажами одноименной оперы Чайковского благодаря преодолению языковых барьеров в лирическом искусстве и универсальному языку музыки.

Однако корректура «Евгения Онегина» Чайковского, верна ли она роману? И если композитора можно упрекнуть в некоторых вольностях, допущенных с пушкинским шедевром, до какой степени такое позволительно? Нужно заметить, что перевоплощение романа в оперу вписывается в тонкий культурный феномен, происхождение которого основывается на древнем, как мир, соперничестве между двумя музами: Каллиопе, музе эпической поэзии и Евтерпе, музе музыки.

Роман Пушкина остаётся огромным культурным наследием, по отношению к которому каждое новое поколение позиционирует себя с этической, политической и социальной точек зрения. Во Франции, из-за особенностей стихотворного перевода, он мало известен и остаётся в тени оперы, которую публика, почти полностью утратив литературные ориентиры, обожает. И всё же не будем забывать, что пушкинский роман в стихах, вдохновивший Чайковского, ярко отмечен поэтическим искусством. Поэзия с её ритмической структурой, краткостью и эмоциональностью напоминает музыку, которая также пробуждает чувствительность души и разжигает огонь воображения. Очарованный красотой пушкинских сторф, составляющих примерно две трети либретто оперы, композитор оставляет в стороне проблемную сложность романа и сосредотачивается на трёх его основных темах — любви, смерти и фатума. Мягкость и глубина лиризма, а также сила и интенсивность пафоса, делают оперу Чайковского пересказом романа, не редуктивным, а скорее избирательным и, по-своему, верным пушкинскому прочтению.

Большая заслуга оперы Чайковского заключается в том, что она дала западной публике почувствовать «вкус» пушкинского шедевра, в том числе и во Франции.

Как и все музыкальные «метаморфозы», корректура «Евгения Онегина» в стиле Чайковского не раскрывает до конца секрет её непреходящего успеха, даже если нельзя забывать, что вольный дух гения позволяет отклоняться от оригинала.

Перевод с французского Светланы Эллиот

ИНТЕРВЬЮ С ФЛОРИАНОМ ВУТЕВЫМ

23 ноября 2022 года в музее-квартире Марины Цветаевой в Ванве у Флорана Дельпорта состоялся вечер по случаю публикации «Евгения Онегина» на русском и французском языках в блестящем переводе Флориана (Цветоллина) Вутева, артиста балета и виртуозного переводчика. Пользуясь этим случаем, я смогла взять интервью с Флорианом для Альманаха.

Елена Улиссова-Пианко

Расскажите, пожалуйста, о себе. Есть ли внутренняя связь между Вашей прежней профессией артиста балета и настоящей?

Я сказал бы, что именно моя прежняя профессия танцовщика является моей «настоящей» профессией, в смысле «подлинной», «действительной» — то есть профессия по призванию, которую избрал я сам и которой посвятил больше тридцати лет своей жизни. А что касается моей настоящей профессии, в смысле «теперешней», то у меня такой нет, поскольку я просто ушёл на пенсию четыре года назад. Отмечу, кстати, что после конца моей артистической карьеры я должен был переустроить свою профессиональную жизнь и изучал русский язык на университете в Кане и в парижской Сорбонне, после чего принуждён был менять много профессий, но, к сожалению, ни одна из них не была связана с искусством или с русским языком. А перевод русской поэзии на французский — это просто духовная потребность для меня, любимое занятие в часы досуга. Я всегда переводил, но никогда не публиковал. Слишком поздно, лишь только ко-

гда мне было уже больше пятидесяти лет, начали печатать мои переводы и теперь сотрудничаю с издательствами и с частными авторами. Можно сказать всё-таки, что есть наверно какая-то неведомая связь между моей прежней профессией танцовщика балета и моей сегодняшней переводческой деятельностью. Говорят обо мне, что я прежде танцевал ногами, а теперь танцую словами. Добавлю, что в двух случаях делал и делаю это сердцем и душой.

Почему Ваш выбор пал на русских поэтов?

Потому что они принадлежат не только русскоговорящим народам, но и всему миру. Красота их творчества должна быть доступной всем читателям.

Привлекла ли Вас особенно музыкальность русского языка?

Музыкальность русского языка — неотъемлемая составляющая русской поэзии, она неразрывно связана со звонкостью и магией русских стихов. Многие специалисты считают, что ритмы русского стихосложения нельзя воспроизвести на французском языке. Поэтому и часто переводят русскую поэзию в прозе. А это больше не поэзия — это пересказ поэзии. По-моему, переведённые поэтические произведения должны остаться художественными произведениями, сохранившими и изящество формы, и богатство, глубину содержания. Вместе с рифмами и с ритмом я стараюсь воссоздать не только лексико-синтаксические характеристики текста, но и его дух, ды-

хание его автора и все веяния, которые в нём улавливаются, весь аромат, который в нём струится.

Как мне известно, Вы занимаетесь поэтами Золотого и Серебряного века. Чем вызван этот выбор?

Они увенчаны лаврами бессмертия. Их продолжают читать сто, двести лет позже. Они оставили нам в наследие образцы творческого совершенства, к которым каждое новое поколение должно беспрестанно возвращаться.

Переводите ли Вы современных поэтов? Если да, то кого?

Да, я переводил поэтические сборники Екатерины Белавиной, Валерия Жигунова, Софи Богарне и Греты Чесновицкой.

Мне кажется, что Вы не переводите прозу. Однако ведь есть авторы, стиль которых поэтичен. Например, Иван Тургенев или же Иван Бунин. Проза Вас меньше привлекает?

Бывает, я перевожу и прозу. Переводил, например, некоторые из драматических произведений Ренаты Литвиновой. Я вовсе не оспариваю поэтичность стиля знаменитых прозаиков. Но я чувствую себя как-то неловко, когда перевожу прозу, сколько бы она ни была поэтичной. Щепетильные требования точности при переводе прозы лишают меня той свободы, которую даёт мне перевод

поэзии. Это моя стихия, перед которой вся томительность, все сомнения, все опасения исчезают, и остаётся только удовольствие. Поэтому и, может быть, считают, что мои переводы сделаны не для специалистов и филологов, а для удовольствия читателя.

Вы уделяете много времени работе со студентами и выступлениям на коллоквиумах. Что привлекает Вас в педагогической деятельности?

Меня действительно часто приглашают на конференции, на презентации, на семинары и на коллоквиумы в Москве, в Париже, в Кане, в Страсбурге, в Лионе... Но я никогда не был преподавателем русского языка и не работал со студентами. Поэтому и не знаю, был ли хорошим педагогом. Притом в переводе поэзии нет «золотых правил», универсальных методик и строго научных концепций. Надо, конечно, владеть чужим и родным языками на высоком университетском уровне, но этого совсем не достаточно. Нужны также беспредельная любовь к поэзии, огромное терпение и вера в то, что невозможное станет возможным.

Мой последний вопрос: пишете ли Вы стихи?

Нет, стихов не пишу и никакой нужды в том не испытываю. Очень рано я перестал рифмовать вздохи моих первых любовных увлечений и осознал, что гораздо заманчивее повторять, не ставши плагиатором, то, что уже другие сказали на чужом языке, к тому же так красиво, так гениально, что нельзя не попробовать перевести. Умение переводить стихи, может быть, тоже талант и

особое призвание, подобные тем, в которых нуждается и артист балета, танцующий с мастерством и наслаждением чужие хореографии, без притязаний на созидание своих собственных хореографических шедевров. Тут и прячется, наверно, тонкая связь между прошлым и настоящим моей жизни.

Интервью у Флориана Вутева взяла Елена Улиссова-Пианко

НОВЫЙ ГЛАГОЛЬ

Литературный альманах

Формат 66x88 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 27

Подписано в печать 12.08.2023

Печать офсетная